

VILNIAUS UNIVERSITETAS
LIETUVOS SOCIALINIŲ TYRIMŲ CENTRAS

Chulitskaya Tatsiana

**Socialinio teisingumo naratyvai nedemokratinio režimo sąlygomis:
Baltarusijos atvejo analizė**

Daktaro disertacija
Socialiniai mokslai, sociologija (05S)

Vilnius, 2014

Disertacija rengta 2009-2013 metais Lietuvos socialinių tyrimų centre.

Mokslinė vadovė: prof. dr. Irmina Matonytė (Lietuvos socialinių tyrimų centras, socialiniai mokslai, sociologija - 05S).

**ВИЛЬНЮССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛИТОВСКИЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Татьяна Чулицкая

**Нарративы социальной справедливости в условиях
недемократического режима: анализ случая Беларуси**

Докторская диссертация

Общественные науки, социология (05 S)

Вильнюс, 2014

Диссертация подготовлена в Литовском центре социальных исследований в 2009 - 2013 годах.

Научный руководитель: prof. dr. Irmina Matonytė (Lietuvos socialinių tyrimų centras, socialiniai mokslai, sociologija – 05 S).

Содержание	
Содержание	5
Список основных использованных сокращений	9
Глоссарий	11
Введение	18
Глава 1. Понятие <i>социальная справедливость</i>: анализ концепций и институциональных оснований	29
1.1. Теоретические подходы к понятию социальная справедливость	30
1.1.1. Социально-философские подходы к понятию социальная справедливость	30
1.1.2 Критические подходы к пониманию социальной справедливости.....	35
1.2 Социальная справедливость как содержательное основание режима благосостояния	43
1.3 Постсоциалистическое состояние как контекст социальной справедливости.....	45
1.3.1 Постсоциалистический режим благосостояния	49
1.4 Артикуляция социальной справедливости в недемократических режимах	54
1.5 Обобщение главы 1	60
Глава 2.Методы и материалы исследования	62
2.1 Дескриптивный институциональный анализ.....	62
2.2 Качественный дискурс-анализ	64
2.3 Полустандартизированное / неформализованное интервью	68
2.4 Анализ статистических и социологических данных	74
2.5 Обобщение главы 2	75
Глава 3. Социально-экономический контекст Беларуси в период 2006 – 2010 гг.	76
3.1. Оценки социально-экономического контекста Беларуси в международных рейтингах.....	76
3.2. Особенности национальной статистики и социально-экономических оценок Беларуси	88

3.3. Инструменты регулирования социально-экономического развития Беларуси	98
3.4. Общественное мнение: оценка социально-экономического развития Беларуси	107
3.5 Обобщение главы 3	117
Глава 4. Политическое поле Беларуси	120
4.1. Особенности политического поля Беларуси	122
4.2 Властные политические субъекты.....	124
4.3 Оппозиционные субъекты.....	133
4.3.1 Классификация третьего сектора Беларуси.....	133
4.3.2 Политические партии Беларуси.....	143
4.4 Обобщение главы 4.....	145
Глава 5. Понятие <i>социальная справедливость</i> в нарративах властных субъектов	147
5.1 Президент Республики Беларусь	147
5.1.1 Социальные проблемы в рамках избирательной кампании 2006 г.	150
5.1.2 Избирательная кампания 2010 г.	155
5.1.3 Роль государства и гражданского общества в высказываниях Лукашенко.....	162
5.1.4 Тема изменения системы предоставления социальных льгот.....	165
5.1.5 Понятие социальная справедливость в высказываниях президента Лукашенко.....	168
5.2 Администрация президента Республики Беларусь.....	170
5.3 Министерство труда и социальной защиты	176
5.4 Национальное собрание (Парламент)	183
5.5 Провластные социальные организации	193
5.6 Международные организации в социальной сфере.....	205
5.7 Обобщение главы 5	209
Глава 6. Понятие <i>социальная справедливость</i> в нарративах оппозиционных субъектов.....	212
6.1 Кандидаты в президенты (выборы 2006, 2010 гг.).....	212

6.1.1 Нарративы избирательной кампании 2006 г.	212
6.1.2 Нарративы избирательной кампании 2010 г.	224
6.2 Третий сектор: политические партии и общественные объединения	236
6.2.1 Нарративы социальной справедливости оппозиционных политических партий Беларуси	236
6.2.1.1 Партия БНФ	240
6.2.1.2 Объединенная гражданская партия (ОГП)	243
6.2.1.3 Белорусская Христианская демократия (БХД)	246
6.2.1.4 Движение «За свободу»	250
6.2.1.5 Кампания «Говори правду»	253
6.2.1.6 Белорусская социал-демократическая партия (Грамада)	255
6.2.1.7 Белорусская партия левых «Справедливый мир»	263
6.2.1.8 Белорусская партия «Зеленые»	267
6.2.1.9 Метанарратив социальной справедливости оппозиционных политических партий	272
6.2.2 Оппозиционные организации третьего сектора и гражданские активисты	274
6.2.2.1 Правозащитники и женские организации	275
6.2.2.2 Независимые профсоюзы и нелояльные социальные организации	280
6.2.2.3 Региональные активисты	284
6.2.2.4 Молодежная организация правой направленности	286
6.3 Экспертный оппозиционный нарратив	289
6.4 Обобщение главы 6	296
Заключение	300
Приложение 1. Теоретические подходы к понятию <i>социальная справедливость</i>	310
Приложение 2. Примерный список вопросов интервью по теме диссертационного исследования	311
Приложение 3. Таблицы социо-демографических характеристик респондентов	314

Приложение 4. Таблица «Беларусь и соседние государства в международных рейтингах»	316
Приложение 5. Некоторые Лаакенские показатели для Беларуси 2008 г.....	320
Приложение 6. Выполнение показателей программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006 – 2010 гг.....	321
Приложение 7. Список программ и пособий социальной помощи, действующих в Республике Беларусь.....	322
Приложение 8. Характеристики политических партий и движений Республики Беларусь.....	323
Список использованных источников	324

Список основных использованных сокращений

Администрация президента - Администрация президента Республики Беларусь

«Белая Русь» - Республиканское общественное объединение «Белая Русь»

БОТЖ - Белорусская организация трудящихся женщин

БХД - Белорусская христианско-демократическая партия

БСДП (Грамада) - Белорусская социал-демократическая партия (Грамада)

BISS - Белорусский институт стратегических исследований

Белстат - Национальный статистический комитет Республики Беларусь

БНФ - Белорусский народный фронт

БРСМ - Белорусский республиканский союз молодежи

БСЖ - Белорусский союз женщин

БХК - Белорусский Хельсинкский комитет

БОИ - Белорусское общество инвалидов

БООВ - Белорусское общественное объединение ветеранов

БПМ - Бюджет прожиточного минимума

ИРЧП - Индекс развития человеческого потенциала

ИАЦ - Информационно-аналитический центр при Администрации президента Республики Беларусь

ЛДПБ - Либерально-демократическая партия Беларуси

МВФ – Международный валютный фонд

Минтруда - Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь
Минэкономики – Министерство экономики Республики Беларусь

Минюст - Министерство юстиции Республики Беларусь

НИСЭПИ - Независимый институт социально-экономических исследований

НПМ – новый публичный менеджмент

ОГП - Объединенная гражданская партия

ОДС - Объединенные демократические силы

ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития

ПРООН - Программа развития Организации объединенных наций
Совмин/ правительство - Совет министров/ правительство Республики
Беларусь
«Справедливый мир» - Белорусская партия объединенных левых
«Справедливый мир»
ЦВЕ – Центральная и Восточная Европа
ТЦСОН - Территориальный центр социального обслуживания населения
ФПБ - Федерация профсоюзов Беларуси

Глоссарий

Государство всеобщего благосостояния (welfare state) – государство, обеспечивающее минимальный реальный доход и возможности социальной интеграции для всех граждан на каждом этапе их жизни, предоставляющее декоммодифицированные социальные блага и возможности для каждого человека поддерживать уровень благосостояния, совместимый с его представлениями о минимальном достойном уровне жизни и соблюдением прав человека. Обновляемый социальный контракт между государством и народом, основанный на признании социальных прав граждан и обещании преодоления классового разделения (Esping-Andersen 1990: 18-21).

Гражданское общество (civil society) – формальные и неформальные группы граждан, совместно действующие в публичной сфере для выражения общих интересов, идей, устремлений, обмена информацией, достижения совместных целей, формулирования запросов государству, а также обеспечения подотчетности обществу государственных служащих (Diamond 1994: 5).

Декоммодификация (decommodification) – ослабление или элиминирование зависимости индивидуального и группового благосостояния от действия рыночных сил. Принцип предоставления социальных гарантий как части механизма обеспечения прав человека, согласно которому индивид может поддерживать определенный уровень жизни независимо от положения, которое занимает на рынке (Esping-Andersen 1990: 21-22).

Дискурс-анализ – совокупность методик и техник интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемая в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Тематическую,

предметную и методическую специфику таких исследований призвано подчеркнуть само понятие **дискурса**, под которым понимается группа высказываний, относящихся к одной и той же дискурсивной формации, который строится на основании большого количества утверждений, предоставляющих возможность определения условий их существования (Фуко).

Дискурсивные практики (события) - связи и отношения между высказываниями, означающими совокупность неких объективных правил и закономерностей, образующих *архив*, т.е. лежащие в основе текстов структуры и законы, управляющие появлением высказываний как единичных событий (Фуко).

Качество жизни – комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая включает показатели уровня жизни и выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей, и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе (ПРООН).

Консервативно-корпоративистский режим благосостояния (conservative-corporatist welfare regime) – режим благосостояния, характеризующийся умеренным уровнем декоммодификации. Государство обеспечивает умеренную социальную поддержку в соответствии с социальным статусом и принципом субсидиарности, покрывая только те социальные издержки, которые не могут быть обеспечены семьей и благотворительными организациями. Роль третьего сектора в оказании социальных услуг значительна, государство может выступать их заказчиком (Esping-Andersen 1990: 27).

Корпоративизм (неокорпоративизм) - система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (либо созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей. Один из возможных политических институтов, чье назначение заключается в том, чтобы дать возможность организованным группам интересов стать реальными посредниками между своими членами (индивидами, семьями, фирмами, локальными сообществами и т.д.) и различными политическими субъектами (в особенности, государственными и правительственными органами) (Шмиттер 1997).

Либеральный режим благосостояния (liberal welfare regime) – режим благосостояния, которому присущи адресный характер предоставления социальных гарантий, размер которых существенно ограничен, и невысокая степень декоммодификации. Основными получателями социальной помощи являются социально-уязвимые категории граждан. Государство осуществляет поддержку (активную либо пассивную) частных фондов, обеспечивающих предоставление социальных услуг. Роль организаций третьего сектора в предоставлении социальных услуг значительна, а сами они могут быть активными акторами публичной политики (Esping-Andersen 1990: 26).

Недемократический режим (non-democratic regime) - современный тип политического режима, для которого характерны ограниченная степень политического плюрализма, отсутствие как экстенсивной, так и интенсивной социальной мобилизации, разработанной официальной идеологии (за исключением определенных ментальных установок) и типа лидерства, которое может быть представлено в виде главенства

политической партии, диктатора или военной группы и ограниченные притязания на демократизацию (в частности, проведение плебисцитов) (Linz 2000:54).

Неправительственное объединение (НПО) – организованное (институционализированное), независимое от правительства (частное) общественное объединение, действующее на принципах самоуправления и добровольного членства на некоммерческой основе, без цели получения и/или перераспределения прибыли.

Патернализм – идеологическая установка политических акторов, в основании которой находится псевдо (квази-) отеческое отношение к людям, подразумевающее право вмешательства в их публичную и частную жизнь на основании предпосылки о том, что последние не способны самостоятельно справляться с собственными проблемами.

Поле политики – место конкурентной борьбы за власть, которая осуществляется посредством конкуренции за монополию на право говорить и действовать от имени какой-либо части или всего общества, наделяя его голосом, признаваемым в качестве легитимного в политическом поле. Место распределения сил, внутри которого агенты занимают позиции, статистически определяющие их взгляды на это поле и их практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры силовых отношений, производящей это поле (Бурдьё).

Политический актор – набор статусов и ролей, присущих лицу или общественной группе, воздействующих на процесс принятия и осуществления решений в политической системе (Birkland 2001).

Постсоциалистическое состояние – отсутствие какого-либо вызывающего доверие всеобъемлющего проекта эмансипации, несмотря на разрастание фронтов борьбы; отделение культурной политики

признания от социальной политики перераспределения; переноса на задний план притязаний на равенство перед лицом агрессивной маркетизации и обостряющегося материального неравенства (Fraser 1997: 3).

Публичная политика – деятельность правительства на любом уровне, направленная на решение политических проблем. Характерными особенностями при этом являются: реализация политики с учетом интересов общества и направленности на желаемое решение проблемы, основным актором является государство, а в имплементации политики могут участвовать государственные и негосударственные акторы, обладающие собственным видением, интерпретацией и мотивацией для участия в политике (Birkland 2001).

Равенство – принцип публичной политики, предполагающий либо обеспечение граждан равными возможностями доступа к получению материальных и нематериальных благ и реализации прав (равенство возможностей), либо равное обеспечение всех граждан одинаковым объемам благ и прав (равенство распределения) (Stone 2012).

Развитие - процесс расширения реальных прав и свобод, которыми пользуются члены общества, т.е. устранения несвободы, основными источниками которой являются: нищета, ограниченность экономических возможностей, социальные депривации, несовершенство структур социального обслуживания населения, а также деятельность репрессивных учреждений (авторитарных режимов) (Сен 2004: 21).

Режим благосостояния (welfare regime) – институциональные, исторически сложившиеся политические рамки, правила и понятия, определяющие решения, принимаемые в сфере социальной политики, включение вопросов благосостояния в политическую повестку дня, а также соответствующую социальную структуру распределения

социальных рисков между семьями (домохозяйствами), рынком и государством (Esping-Andersen 2002:11).

Социал-демократический режим благосостояния (social democratic welfare regime) – режим благосостояния, характеризующийся высоким уровнем декоммодификации и универсальным принципом оказания социальной поддержки значительного объема вне зависимости от позиции на рынке. Роль организаций третьего сектора в оказании социальных услуг ограничена, однако они активно участвуют в публичной политике, осуществляя адвокатирование и политическое представительство индивидуальных и групповых прав (Esping-Andersen 1990: 27).

Социалистическо-корпоративистский режим благосостояния (socialist-corporatist welfare regime) – режим благосостояния, существовавший в советских государствах, в рамках которого государство осуществляло значительную социальную поддержку в соответствии с определяемыми им условиями (в частности, обязательная занятость). Организации третьего сектора в демократическом понимании не существовали (Deacon 1993: 69).

Социальная политика (social policy) - система мер, осуществляемых государством, общественными организациями, местным самоуправлением и предприятиями по широкому кругу вопросов, связанных с общественным благополучием, а также сам процесс принятия решений. В большинстве случаев эти меры, процесс их выработки и реализации рассматривают как политическую деятельность, оказывающую влияние на благополучие граждан (Hill 2003: 28).

Социальная уязвимость – социально-экономическое состояние граждан (домохозяйств), обуславливаемое социально-экономическими, демографическими и иными внешними и внутренними факторами,

которое не позволяет обеспечить приемлемый образ жизни, а также ограничивает возможности по реализации человеческого потенциала, что ведет к снижению уровня и качества жизни населения в сравнении со среднестатистическими показателями уровня и качества жизни по стране (ПРООН).

Социальное обеспечение (social welfare) - система мер для защиты индивида и семьи от тех рисков, которых невозможно избежать, в том числе от серьезного сокращения дохода, необходимого для поддержания приемлемого стандарта жизни (Rys 2001: 179).

Социальное поле - место действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле. Агенты реагируют на отношения силы и структуры, конструируют их и, несмотря на принуждение со стороны сил, вписанных в эти поля, способны влиять на эти поля, действовать в них, согласно частично предусмотренным направлениям, имея при этом некоторый запас свободы (Бурдье).

Третий сектор – совокупность неправительственных и некоммерческих организаций, деятельность которых основана на принципах добровольного, ценностно-ориентированного участия и независимости, как от институционализированных властных структур, так и бизнеса.

Введение

Особенности политического режима и публичной политики Беларуси представляют собой исключительный случай для региона ЦВЕ. Если в других странах после коллапса коммунистической идеологии на протяжении десяти-пятнадцати лет преобладал либеральный дискурс, фокусирующийся на плюрализме, индивидуальных правах и свободном рынке (Dryzek&Holmes 2002: 269-270), а понятия *социальной* и *дистрибутивной справедливости* были вытеснены из политической повестки дня целями нациостроительства и планами вступления в ЕС (Matonytė 2006), то в Беларуси преобладали иные ценностные установки и геополитические ориентиры. С момента прихода к власти в 1994 г. президента Александра Лукашенко и консолидации режима вместо установления долгосрочных целей, государство существует в рамках политико-делового цикла, направленного на сохранение у власти действующего политического лидера (Matonytė, Chulitskaya 2012, 2013). При этом в центре официальной идеологии и пропаганды белорусского государства (в особенности, высказываниях самого президента Лукашенко) долгое время преобладала апелляция к заимствованным с советских времен понятиям *социальная справедливость, борьба с неравенством* и пр., а с начала 1990-х гг. - утверждение *социально-ориентированной экономики*. Вместе с тем, нельзя не отметить и некоторых социально-экономических достижений белорусского режима, проявившихся, прежде всего, в сохранении невысокого (особенно по сравнению с соседними странами) уровня неравенства.

Актуальность работы обусловлена значимостью понятия *социальная справедливость* как в случае государств ЦВЕ, где в условиях постсоциалистического состояния оно оказалось вытесненным на периферию политического дискурса понятиями либерального толка. Так и политической ситуацией в находящейся в центре исследования Беларуси, которая начала изменяться к середине 2000-х гг. В этот период происходило вызванное различными системными (прежде всего,

экономическими) факторами ухудшение отношений с основным спонсором белорусского режима – Россией. Параллельно с этим на смену патерналистской просоветской риторике пришли тезисы об ограничении ответственности государства за социальные риски граждан, их обязанности позаботиться самим о себе, а не быть «иждивенцами» государства. На уровне социальной политики это отразилось в инициированном президентом в 2007 г. изменении порядка предоставления социальных льгот (отмене универсального принципа социального обеспечения и расширении ГАСП), интерпретировавшемся как *восстановление справедливости* в целях перераспределения бюджетных средств в пользу *более нуждающихся*. В отличие от других постсоветских стран (в частности, России и Украины) данное событие не вызвало массовых протестов (хотя отдельные выступления представителей лишенных льгот социальных групп и политических субъектов имели место), что можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, сохранением значительного объема социальной поддержки граждан, в частности, за счет перераспределения на социальные расходы внешних заимствуемых средств (субсидирование жилищно-коммунальных расходов). Во-вторых, успехом регулятивных практик недемократического режима, как в сфере пропаганды, так и репрессивных действий. Таким образом, исследовательской проблемой, находящейся в центре данной работы, является соотнесение/ сравнение дискурсивных практик, сопровождавших понятие *социальная справедливость* с проводившейся в Беларуси социальной политикой.

Новизна работы определяется неразработанностью темы в академических исследованиях как зарубежных, так и белорусских авторов. Если в социальной западной теории понятие *социальная справедливость* являлось центральным для многих современных исследователей (Ролз, Нуссбаум, Янг), а в случае государств ЦВЕ его исследования проводились на дискурсивном уровне (например, в случае Литвы - статья Matonytė 2006). То в анализ его значения в качестве

одного из идейных оснований недемократического режима представляет собой новую тему. Проблематика исследования политического и социально-экономического пространства Беларуси обычно сфокусирована на анализе специфики политического режима (Роўда 2011), попыток его типологизации с интерпретацией в определениях от авторитаризма до демократии (с различными эпитетами).¹ Однако тема белорусской публичной политики, в целом, и социальной политики, в частности, остается малоисследованной. Вместе с тем, необходимо отметить наличие корпуса текстов, авторы которых связаны с государственными высшими учебными заведениями Беларуси и Национальной академией наук (НАН). Например, журнал «Проблемы управления»² при Академии управления при президенте (выпускается с 2001 г.). Однако тексты в нем преимущественно имеют характер формальных отчетов (например, о реализации государственных программ) либо предлагают идеологизированную интерпретацию политических событий.³

Практически отсутствуют академические работы, связанные с исследованием роли третьего сектора в публичной политике Беларуси. Этой теме посвящена совместная статья Matonytė, Chulitskaya 2012. Аналитические исследования роли третьего сектора в публичной политике проводились белорусским аналитическим центром BISS (Силицкий и др. 2009), Центром исследований Восточной Европы (Вильнюс, Литва) совместно с Ассамблеей неправительственных

¹ Например: «соревновательный авторитаризм» (Levitsky&Way 2002); «демагогическая демократия» (Коростелева 2003: 528); «нелиберальная демократия» (Møller 2007: 299); «дефектная демократия» (Merkel 2004: 50). В свою очередь, Эке и Кузио (Eke, Kuzio) называют современный белорусский режим «султанистским», определение, также воспроизводимое в работах Ровдо (2008). Тесно связана с исследованиями политической сферы Беларуси после 1991 г. и тема идентичности в условиях постсоветской трансформации (Marples 2009; Titarenko 2007; Казакевич 2004, 2010; Lastouski 2011).

² Официальный интернет-сайт журнала «Проблемы управления» - <http://pu.by/>

³ Например, в содержании журнала «Проблемы управления» №4 (37) за 2010 г. первой стоит текст выступления Александра Лукашенко в Академии управления при президенте, а далее следуют статьи с такими заголовками, как: «Вместе с народом к процветанию страны» (Андрейченко В.П.), «Китайский фактор в развитии Беларуси» (Тозик А.А.), «Идеология и выборы» (Решетников С.В.).

демократических организаций Беларуси (2010), а также белорусской исследовательницей Видановой (Віданава 2011).

Интересные разработки прикладного характера представлены в исследованиях Белорусского центра стратегических исследований (BISS), в частности, в монографии «Социальные контракты в современной Беларуси» (2009), где сделана попытка анализа условий стабильности белорусского режима. Кроме того, аналитики BISS и исследовательского центра IPM в своих работах использовали понятие «политико-деловой цикл» (Чубрик 2008; Автушко-Сикорский 2012), как основание для исследования логики принятия решений в социально-экономической сфере. Аналитики исследовательского центра IPM также проводили экономический анализ социальной политики с акцентом на исследование проблематики бедности и занятости (Чубрик 2008; Чубрик, Шиманович 2010; Шиманович 2010; Шиманович, Скриба 2011; Chubrik et al. 2009), данные которого используются в работе для пояснения некоторых социально-экономических показателей Беларуси.

Однако указанные работы представляют собой исследования прикладного, но не академического характера. Одним из немногочисленных исключений из данной тенденции является анализ социально-экономической ситуации в Беларуси в статье Pranevičiūtė-Neliupšienė J., Maksimiuk Z. (2012), посвященный тематике использования социальных льгот и гарантий в Беларуси как средства обеспечения политической стабильности. Таким образом, новизна работы определяется неразработанностью темы на уровне академических исследований, хотя прикладной анализ белорусских исследователей и некоторые концептуальные публикации западных и литовских исследователей составили основание анализа в данной работе. Кроме того, в исследовании использовано оригинальное совмещение количественных и качественных методов, а также анализ вторичных данных различных источников (включая данные международных институций, национальной статистики и экспертных оценок).

Объект исследования - понятие *социальная справедливость* в недемократическом государстве (на примере Беларуси), воплощаемое в различных дискурсивных практиках в изменяющемся институциональном контексте в период 2006 – 2010 гг. Концепт *социальная справедливость* рассматривается как одно из содержательных оснований существующего в стране режима благосостояния. Следовательно, *социальная справедливость* определяется как одна из дискурсивных практик (в форме нарратива), используемая различными политическими субъектами для обоснования существующих в государстве принципов принятия решений в сфере социальной политики, включения вопросов благосостояния в политическую повестку дня, а также соответствующую социальную структуру распределения социальных рисков между государством, семьями, рынком и третьим сектором (на основании определения режима благосостояния Эспин-Андерсена/ Esping-Andersen 2002:11). На теоретическом уровне для анализа использована интегративная теория социальной справедливости (Фрэйзер/ Fraser) и подход к определению понятия с позиций концепции возможностей (capacity approach) (Нуссбаум/ Nussbaum). В соответствии с последним, социальная справедливость понимается как обеспечение политическими институтами базовых возможностей для индивидуального развития каждого человека. В эмпирическом плане – проводится анализ вторичных данных социально-экономического развития Беларуси, дескриптивный анализ структуры политического поля и выделение субъектов артикуляции социальной справедливости в рамках их предполагаемого разделения *властных* и *оппозиционных*, а также качественный дискурс-анализ соответствующих нарративов. Нарратив власти рассматривается как доминирующий и определяющий социальную политику и соответствующий режим благосостояния в Беларуси, а оппозиционных субъектов, как содержащий альтернативные ему проекты.

Цель работы - исследовать основные (господствующий и альтернативные) нарративы *социальной справедливости* в Беларуси в период 2006 – 2010 гг., выявить их содержательные составляющие и проанализировать их влияние на процесс публичной (в частности, социальной) политики. Выбор периода исследования обусловлен политико-деловым циклом в Беларуси, который содержательно и хронологически определяется проведением в стране президентских выборов. Вместе с тем, в содержательном отношении материалы и выводы работы выходят за рамки указанного периода и отражают некоторые тенденции присущие современной социально-политической ситуации в Беларуси. Последнее обстоятельство обусловлено, прежде всего, сохранением в условиях недемократического режима практик регулирования социальной сферы, а также тем обстоятельством, что эмпирическая часть исследования проводилась в более поздний период (2010 – 2012 гг.).

Исходя из определяемой цели, **задачами работы** являются:

- проанализировать теоретические подходы к определению понятия «социальная справедливость» (как социально-философские подходы, разделяемые по критерию субъекта прав на индивидуалистические/ атомистические *versus* коллективистские/ холистские (Тэйлор 1998: 219), так и критические подходы, сформулированные в категориях *признания* Фрэйзер, Бурдьё (Bourdieu), Янг (Young), а также подход с *позиций возможностей* (Нуссбаум и Сен (Sen));
- обозначить методы исследования, подходящие для анализа дискурсивных оснований режима благосостояния в условиях недемократического политического режима;
- проанализировать социально-экономический контекст Беларуси в период 2006 -2010 гг. с помощью вторичного анализа и сравнения данных международных рейтингов, национальной статистики и

опросов общественного мнения, а также инструментов регулирования социальной и экономической политики;

- рассмотреть институциональные особенности политической системы Беларуси (в частности, конституционного дизайна), влияющие на производство и артикуляцию понятия *социальная справедливость*, и в соответствии с этим выделить основных субъектов его производства и артикуляции;
- обозначить особенности существующих в Беларуси интерпретаций понятия *социальная справедливость* различными субъектами в рамках *властного* и *оппозиционного* дискурсов в контексте условий, обозначаемых Фрэйзер как *постсоциалистическое состояние* (Fraser 1997: 3, Фурс 2005: 144).

Методологические основы исследования определяются в рамках социологии знания и утверждения сконструированности социальной реальности, требующей исследования для ее понимания (Бергер, Лукман 1995: 33). Выбор методов связан со спецификой политического поля Беларуси и ее недемократического режима, не позволяющих провести институциональный анализ с ориентацией на количественные данные. Вследствие последнего обстоятельства основными инструментами исследования стали такие методы, как: качественный дискурс-анализ, полустандартизированное/ неформализованное интервью, анализ вторичных данных, а также дескриптивный институциональный анализ.

Качественный дискурс-анализ и неформализованное интервью используются для изучения дискурсивных составляющих понятия *социальная справедливость* в высказываниях различных политических субъектов, выделяемых в соответствии с классификацией акторов публичной политика Киндона (Kingdon 1984). Анализ вторичных статистических и социологических данных применяется для исследования институциональных условий формирования понятия *социальная справедливость*, оценки социально-экономического развития Беларуси и проводимой в ней в период исследования социальной

политики. В свою очередь, дескриптивный институционализм использован для описания институциональных оснований политического поля Беларуси. Указанный набор методов позволяет обработать и сопоставить первичные и вторичные данные.

В качестве **гипотезы** работы выдвигается утверждение о том, что в период 2006 – 2010 гг. производимое властными субъектами понятие *социальная справедливость* в силу структурно-функциональных особенностей недемократического режима выступало одним из содержательных оснований существовавшего в стране режима благосостояния и сохранения *status quo* на политическом поле Беларуси.

Тезисы, выносимые на защиту:

1. Формирование государственного бюджета в Беларуси в период 2006 – 2010 гг. осуществлялось с фокусом на социальную политику параллельно с соответствующим государственным регулированием национальной статистики, что обеспечивало достижение высоких по региону страновых показателей в сфере социального развития.
2. Политическое поле Беларуси формируется и определяется логикой недемократического режима с главенствующим положением президента, определяющего позиции на нем других политических субъектов.
3. Взаимоотношения государства и третьего сектора (в части лояльных власти организаций) в Беларуси в 2006 – 2010 гг. формировались в логике социального (нео-)корпоративизма.
4. В логике доминирования главенствующий субъект в сфере социальной политики Беларуси - государство (в частности, президент) - лимитирует доступ в нее любых альтернативных субъектов, за исключением крупных международных организаций, финансирующих и реализующих социально-значимые проекты.
5. Понятие *социальная справедливость* наполняется белорусскими властями разнообразными (содержательно противоречивыми) значениями в зависимости от пропагандистских потребностей,

сопровождающих неолиберальное «сворачивание» в Беларуси проекта социального государства.

- б. Высказывания оппозиционных субъектов о социальной справедливости и по социальной проблематике имеют разрозненный характер, не формируя реальной альтернативы властному нарративу.

Работа разделена на 6 глав. В первой рассматриваются теоретические подходы к понятию *социальная справедливость* и анализируется понятие *постсоциалистическое состояние* (Фрэйзер), как значимое для содержательного наполнения центрального концепта работы. Приводится определение понятия *режим благосостояния* и полемика, связанная с ним. Кроме того, представлены особенности процессов политической коммуникации в демократических и недемократических режимах для разделения таких модальностей дискурсивных практик как *нарратив* и *пропаганда*.

Во второй главе представлены использованные в работе методы (дескриптивный институциональный анализ, качественный дискурс-анализ (который проводится в соответствии со схемой нарративного анализа публичной политики Роя (Roy 1994)), неформализованное интервью и анализ вторичных данных) и материалы исследования, а также обоснование их выбора.

Третья глава посвящена проблематике социально-экономического контекста Беларуси в период 2006 – 2010 гг. В ней анализируются и сравниваются показатели социально-экономического развития Беларуси в международных оценках, национальной статистике и опросах общественного мнения. Кроме того, рассмотрены некоторые инструменты экономической и социальной политики, влияющие на практики распределения.

В четвертой главе представлены особенности политического поля Беларуси, включая его раскол на *властную* и *оппозиционную* части, и выделены основные политические субъекты, влияющие либо

стремящиеся влиять на существующий в стране режим благосостояния. Приведена схема анализа взаимоотношений в недемократическом режиме государства и третьего сектора (с выделением различного типа организаций).

В пятой главе в соответствии с выделенными властными субъектами политического поля (включая президента, Администрацию президента, Министерство труда и социальной защиты, двухпалатный Парламент, провластные социальные организации различного типа и международные организации) анализируются их высказывания, составляющие нарратив социальной справедливости, используемый как одно из идейных оснований существующего в стране режима благосостояния.

В шестой главе проводится анализ нарративов оппозиционных субъектов: оппозиционных кандидатов в президенты во время двух кампаний (2006, 2010 гг.); третьего сектора, включая оппозиционные партии и либеральные, нелояльные режиму организации, а также экспертов, журналистов и региональных активистов, участвующих в реализации социальных проектов.

В ходе подготовки работы автором был опубликован ряд академических статей,⁴ среди которых наиболее важными

⁴ Chulitskaya T. (2013). Statistics, Socio-economic and Political rankings of Belarus Contrasted with those of Lithuania: next to each other but apart // *Crossroads Digest. The Journal for the Studies of Eastern European Borderland*, №8/2013. Vilnius: European Humanities University; Matonytė I., Chulitskaya T. (2013). The Third Sector and Political Communication in Belarus: Highlights on the Topic of Social Policies from the Presidential Campaign 2010 // *De Gruyter Online, Lithuanian Annual Strategic Review*. Volume 10, Issue 1, 235-263; Matonytė I., Chulitskaya T. (2012). Trečiasis sektorius ir politinė komunikacija Baltarusijoje. 2010 m. prezidento rinkimų kampanijos atspindžiai socialinės politikos tematykoje // *Lietuvos strateginė metinė apžvalga, Lietuvos Karo Akademija*, 10 tomas, 219-246; Чулицкая Т. (2012). Статистика, социально-экономические и политические рейтинги Беларуси на фоне Литвы: рядом, но не вместе // *Перекрестки*, №3-4/2012 Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 257-277; Chulitskaya T., Ramasheuskaya I. (2012). Reforming the System of Public Administration in Belarus: Contemporary challenges in context of international experience. *Policy Paper*. Minsk: SYMPA; Matonytė I., Chulitskaya T. (2011). The Third Sector in Belarus. The Case of Social Affairs // *Working materials of The First Congress of Belarusian Studies*, Kaunas: Vytautas Magnus University Press, 101- 105; Chulitskaya T. (2011). Ales Bialiatski's Case: a lesson to be learned? // *Lithuanian Foreign Policy Review*, №26, 154-160; Чулицкая Т. (2008). Расейска-грузинская вайна ў медыйнай прасторы Беларусі // *Arche*, №9, 21-31; Чулицкая Т. (2007). Исследования медиа в контексте местных выборов // *Палітычная сфера*, №9, 64-70.

представляются две, связанные с различными аспектами исследования. Первая статья (в соавторстве с Ирминой Матоните) «Третий сектор и политическая коммуникация в Беларуси. Основные моменты, связанные с темой социальной политики в президентской кампании 2010 года» (Matonytė, Chulitskaya 2012) посвящена анализу третьего сектора в Беларуси (с выделением оригинальной типологии организаций третьего сектора) и присутствия социальной тематики в избирательной кампании 2010 г. Целью второй статьи «Статистика, социально-экономические и политические рейтинги Беларуси на фоне Литвы» (Чулицкая 2012) было рассмотрение специфики оценки социально-экономической ситуации в Беларуси при помощи различных инструментов и разнообразными субъектами (в частности, международными организациями и Белстатом). В ней сделаны выводы об особенностях статистических данных и оценок, получаемых в результате такого анализа.

Глава 1. Понятие *социальная справедливость*: анализ концепций и институциональных оснований

Глава посвящена теоретическим аспектам анализа понятия *социальная справедливость*, его содержательных и контекстуальных оснований. *Социальная справедливость* при этом рассматривается в качестве одного из рамочных понятий, определяющих существующий в стране режим благосостояния с соответствующим институциональным дизайном. Для анализа использовано разделение существующих теоретических подходов по критерию концентрации на *индивидуальном* (либеральные, либертарианские теории: Ролз, Дворкин, Нозик, Хайек) либо *групповом* измерении (коммунитаристский подход: Макинтайер, Тэйлор, Сэндел, Уолцер), представлены критические подходы (Фрэйзер, Янг), а также подход с позиций возможностей (*capability approach*) (Сен, Нуссбаум).⁵ В качестве значимого для анализа понятия рассматривается *постсоциалистическое состояние* (*postsocialist condition*) (Фрэйзер). Для анализа политического поля, в котором существует понятие *социальная справедливость*, использован подход с позиций социологии доминирования Бурдье (1989). Кроме того, описываются особенности артикуляции принципов публичной политики (с фокусом на проблематику социальной справедливости) в демократическом и недемократическом режимах. При этом сделано предположение о том, что в рамках демократически организованной политической коммуникации понятие *социальной справедливости* присутствует в публичном пространстве наравне с другими дискурсивными основаниями режима благосостояния, а в случае коммуникации недемократической, монополизируется властью и приобретает черты пропаганды.

⁵ Обобщение использованных в работе подходов представлено в Приложении 1 в таблице «Теоретические подходы к понятию социальная справедливость».

1.1. Теоретические подходы к понятию социальная справедливость

1.1.1. Социально-философские подходы к понятию *социальная справедливость*

Исследования, связанные с понятием *социальная справедливость*, имеют давние исторические корни и теоретические основания. Данный концепт находился в центре внимания авторов различных эпох, придававших ему различные значения и наполнение. Понятие *социальная справедливость* имеет множество интерпретаций, как на абстрактном теоретическом уровне - работы Ролза (Rawls), Нозика (Nozick), Хайека (Hayek), Нуссбаум (Nussbaum) и др., так и на прикладном, эмпирическом - в сфере публичной политики, получая соответствующее истолкование в основных современных идеологических течениях - неоконсерватизме, неолиберализме, социал-демократии (Фитцпатрик/ Fitzpatrick 2011). В исторической перспективе принцип социальной справедливости обеспечил идейное (идеологическое) обоснование институтов поддержки социально уязвимых групп общества и систематизации практик социальной поддержки.

В рамках теоретических подходов существует концептуальные споры и противоречия, порожденные расхождениями как в понимании основы содержания данного понятия (в качестве которой предлагается ряд этически-окрашенных концептов, например, *добродетель, честность, равенство*), так и сферы охвата принципами социальной справедливости (*scope of justice*) (Уолцер/Walzer). Крайней точкой критики является позиция, в соответствии с которой понятие *социальная справедливость* в ее дистрибутивном измерении в принципе не имеет содержательного наполнения и нарушает спонтанный порядок, обеспечивающий саму возможность существования общества (Hayek 1979: 78). Теоретические споры существуют вокруг способов обеспечения справедливости в обществе, которые на более ранних этапах социальной теории проявлялись в противоречиях между подходом с позиций общественного договора (Локк, Руссо, Кант) и утилитаризмом (Бентам, Смит, Милль), в свою очередь, содержательно противостоявших

интуитивизму (Мур, Барри). В работе в качестве одного из оснований классификации современных теорий социальной справедливости использовано разделение на **индивидуалистические/ атомистические и коллективистские/ холистские** (Тэйлор 1998: 219) теории справедливости, критерием выделения которых является субъект предоставления прав - индивид либо группы.

Для **либерального индивидуалистического подхода** характерна интерпретация справедливости как честности, т.е. создание схемы распределения, основанной на либеральных принципах. Одним из наиболее ярких представителей данного подхода является Ролз, чья работа «Теория справедливости» выступила катализатором многочисленных дискуссий о данном понятии. Вместе с тем, его интерпретации стали основанием для сравнения различных содержательных подходов к пониманию справедливости (Holst 2010).

Одной из задач предлагаемой Ролзом концепции являлось создание альтернативы утилитаризму, фокусировавшемуся на достижении обществом наибольшего баланса удовлетворения (максимизация чистого баланса удовлетворения) для всех членов и не способствовавшего, по мнению автора, развитию конституционной демократии (Ролз 1995: 8-9, 34). В своей теории Ролз исходит из двух основных предпосылок: возможности формулирования базовых идей и общих принципов справедливости, с которыми согласятся все; и равенства и свободы граждан (наличия у них равных возможностей). В соответствии со вторым признаком, в качестве *справедливого* выступает такой порядок, который принимается всеми гражданами на основании консенсуса в условиях существования общей заинтересованности в улучшении своего положения наиболее уязвимыми членами общества. При этом особое значение придается обеспечению равенства возможностей в доступе к ресурсам. При определении субъекта справедливости важной для Ролза выступает «базовая структура общества», т.е. способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и

обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации» (Ролз 1996: 22). При интерпретации справедливости как честности автор исходит из того, что свободные и преследующие собственные цели рациональные индивиды в исходном положении равенства примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения, которые и формируют базисную структуру общества (Ролз 1996: 26). Т.е. справедливость в обществе – это *разделяемое всеми его рациональными членами понимание честности*. Принципы справедливости являются объектом исходного общественного соглашения.

Подобное толкование **справедливости как договорной честности** вызвало критику по ряду оснований, включая тезисы о рациональности всех членов общества, базовую ситуацию равенства и равной свободы, а также возможности достижения идеального консенсуса в обществе (Sen 2009). Хотя Ролз стремился ограничить основания для критики утверждениями о том, что каждый человек рождается в конкретном обществе, определяющем его жизненные перспективы (Ролз 1996: 27), но критики подчеркивали недостаточность и противоречивость данных объяснений и предположений.

В качестве общих концептуальных оснований *индивидуалистических теорий* справедливости можно выделить: представление субъекта как атомизированного индивида, являющегося носителем универсальных прав, которые первичны по отношению к обществу; либеральное равенство возможностей; общая идея права как абсолютной ценности; признание за субъектами социального контракта таких качеств как рациональность и чувство справедливости; приоритет свободы. А также убеждение в том (Дворкин/Dworkin), что государство должно быть «нейтрально по отношению к различным концепциям добродетельной жизни отдельных индивидов» (цит. по Тэйлору 1998: 220).

К индивидуалистическому блоку теорий справедливости можно отнести и **либертарианский подход**, одним из наиболее известных авторов которого является Нозик. В своей полемике в Ролзом он выступал с характерной для либертарианства критикой государства всеобщего благосостояния и самой возможности идеи распределительной справедливости (и распределения), интерпретируемых как «конечные состояния». А также критиковал методологические предпосылки Ролза (в частности, гипотетический выбор в ситуации «занавеса неведения») (Нозик 2008: 160-162). В противовес этому определяя основания справедливости, либертарианство концентрируется на признании *абсолютного характера индивидуальных прав*, которые не могут быть нарушены ради каких бы то ни было общих целей, включая благосостояние и безопасность (Алексеева 2001: 160). За государством признается минимальная роль - гаранта реализации прав, в рамках которых социальная справедливость выступает в качестве права на равную защиту со стороны государства, хотя при этом и подчеркивается необходимость установления соответствующей институциональной системы для устранения существующих несовершенств современного общества.

Содержательную оппозицию индивидуалистическому подходу к пониманию социальной справедливости представляют **либеральные групповые/ коллективистские теории** Сэндэла (Sandel), Уолцера, Тэйлора (Taylor), Макинтайера (MacIntyre). В основании этого подхода находятся представления о коллективном (групповом) субъекте и необходимости некоторого «общепризнанного определения добродетельной жизни» (Тэйлор 1998: 220). При этом утверждается первичность сообщества, в котором индивид рассматривается как носитель определенных социальных идентичностей. Государство является субъектом, проводящим политику, направленную на обеспечение *общего блага* при соответствующем закреплении определенных групповых прав (Тэйлор 1998: 237-239) и признания

существования *коллективной субъектности*. Кроме того, утверждается невозможность существования справедливости как некоего нейтрального, не связанного с социальным контекстом *абстрактного идеала* (Сэндэл 1998: 191). Таким образом, в рамках коллективистского подхода закладываются основания для соответствующего политического дискурса, основанного на признании коллективных прав и идентичности. Данное понимание также вливается в (нео-)либеральный подход, однако представляет в нем отдельное течение, отличающееся в представлении роли государства и общества.

В рамках сформированных на основании индивидуалистических и групповых концепций **(нео-)либеральный подход** в публичной политике воспроизводит понятие справедливости, прежде всего, как взаимосвязь понятий *свобода* и *равенство возможностей*, т.е. обеспечение государством условий для равного доступа к реализации своих прав для всех граждан. Второе идеологическое течение, основанное на аналогичном подходе – **(нео-)консерватизм** - также использует идею *свободы*, интерпретируя ее как *гарантии невмешательства государства в жизнь граждан* (в особенности, в вопросы собственности) и его минималистической роли, в целом.

Политической альтернативой либеральному подходу (в его индивидуальном и групповом измерении) является понимание справедливости в категориях *распределения и перераспределения* с доминированием государства в данных вопросах, фокусировке на проблематике равенства, эгалитаризме. Подобный подход породил в публичной политике соответствующий дискурс *левой направленности*, распадающийся на отдельные течения политического спектра (от умеренной новой социал-демократии к коммунистическим, марксистским течениям и более радикальным политическим воззрениям). В основании **социал-демократического подхода** к пониманию справедливости и роли государства в ее обеспечении находится идея возможности коллективного контроля капиталистической экономики, ограничиваемого

политическими рамками либеральной демократии (Fitzpatrick 2003: 2). Вместе с тем, данный подход (независимо от локализации в политическом спектре) является наиболее критикуемым именно с политических позиций в силу ряда исторических и политических обстоятельств (прежде всего, трансформационных мировых политических процессов 1990-х гг., а также электоральным проигрышам левых партий в ряде европейских стран в 2000-х гг.) (Fitzpatrick 2003: 2-12).

1.1.2 Критические подходы к пониманию социальной справедливости

Дополнением и развитием указанных подходов к пониманию социальной справедливости являются **концепции признания**, представленные в работах таких авторов как: Фрэйзер, Бурдье, Янг. Концепции признания направлены на перефокусировку самой проблематики социальной справедливости с моральных и нормативных на *функциональные требования*, призванные обеспечить жизнедеятельность общества. Например, Фрэйзер предлагает так называемую **интегративную теорию справедливости**, совмещающую требования *перераспределения* (redistribution) и *признания* (recognition), позже дополняемые требованием *представительства* (representation). В ее подходе проблематика справедливости формулируется в плоскости взаимосвязи экономики и культуры. На первый план при этом выходят вопросы диспропорции в распределении материальных ресурсов и неравенства статусов. Перераспределение и признание трактуются как взаимосвязанные аспекты справедливости, несводимые друг к другу, но обладающие общим нормативным ядром - так называемым *паритетом участия*, т.е. набором социальных мер, позволяющим всем (взрослым) членам общества участвовать в социальной жизни на равных основаниях (Fraser 2008: 16). Паритет участия предполагает выполнение двух основных условий: *объективного* (распределение материальных ресурсов должно обеспечивать независимость и «право голоса» участников

социального взаимодействия) и *интерсубъективного* (обеспечение посредством институционализированных культурных схем равных шансов в завоевании общественного престижа). Т.е. равенство должно быть не только формально закреплено, но и реализовано в социальной интеракции. При этом совмещение требований распределения и признания создает основу для борьбы с бедностью (политики бедности) (Lester 2008: 105).

Развивая свою теорию справедливости, Фрэйзер вводит относящееся к сфере политического участия понятие *представительство* (representation), необходимость которого обусловлена изменением структуры политической повестки дня в современном мире, включением в нее проблематики равенства и взаимного уважения. Политическое измерение объединяет в себе экономическое и культурное, и указывает на субъекта и основания, при которых он/она может претендовать на справедливость. При этом находящиеся на разных полюсах проблемы распределения и признания не могут быть сведены либо решены за счет друг друга.

Если содержательная демаркационная линия индивидуалистического и группового походов находится в плоскости определения моральных оснований социальной справедливости и определения субъектности, концепции признания рассматривают социальную справедливость с функциональных и критических позиций. Вместе с тем, они не дают достаточных оснований для операционализации понятия в качестве одного из рамочных принципов публичной политики. Синтезированной моделью, позволяющей уйти от дилеммы *индивид-группа*, а также поисков механизмов распределения-признания и определения идентичности, является подход к понятию справедливость с **позиций возможностей** (Сен, Нуссбаум).

Социальная справедливость в данном случае понимается как наличие *действенных/ функциональных возможностей* развития человека в таких сферах как: здоровье, образование, материальная обеспеченность,

возможность участия в политической жизни. Личность при этом рассматривается как конечная цель социальной справедливости⁶ (Сен, Нуссбаум). Подход с позиций возможностей в качестве решения дилеммы индивидуального либо группового подхода к пониманию справедливости предлагает анализ его функциональных составляющих, обеспечивающий возможности их измерения. Понятие *развитие* рассматривается как «процесс расширения реальных прав и свобод, которыми пользуются члены общества». Т.е. устранения несвободы, основными источниками которой являются: нищета, ограниченность экономических возможностей, социальные депривации, несовершенство структур социального обслуживания населения, а также деятельность репрессивных учреждений (авторитарных режимов) (Сен 2004: 21).

Подход с позиций возможностей предполагает оценку, исходя из набора субстанциональных свобод, которыми может действительно воспользоваться (либо пренебречь) каждый человек в конкретном обществе. При этом присутствует плюралистическое понимание возможностей, которые не могут быть оценены только на основании количественных показателей (в частности, ВВП), но с обязательным учетом уровня уже существующего неравенства и несправедливости, возникающих вследствие процессов маргинализации и дискриминации в обществе. Данный подход ставит под сомнение неолиберальную идею прогресса основных сфер развития общества (здравоохранения, образования, политических и религиозных свобод) исключительно за счет экономического роста, поскольку он не дает полного представления о положении социально-уязвимых групп в обществе. В сфере публичной политики он предполагает ориентацию на улучшение качества жизни людей посредством проведения национальным государством соответствующей политики (Нуссбаум 2011). Кроме того, для обеспечения прав дискриминируемых и маргинализируемых по

⁶ Признание приоритета отдельного индивида (в частности определении вэлфэризма *welfarism*) дает основание некоторым исследователям говорить о наличии в подходе Сена атомистического компонента (Тэйлор 1998: 220).

различным признакам (включая физические и психические особенности, национальность, гражданство) групп предусматривается введение значимой для них проблематики в политическую повестку дня (Nussbaum 2006: 1-2).

Нуссбаум выделяет в своих работах десять базовых возможностей обеспечения справедливости в развитии человека, ответственность за закрепление которых в качестве необходимого минимума лежит на государстве.⁷ При этом предлагаемые ценности в своей формулировке являются открытыми, т.е. оставляющими возможности для интерпретаций и различных механизмов реализации на практическом, политическом уровне. Минимально справедливое и достойное общество в данном подходе рассматривается как общество, где все граждане «ощущают поддержку в своих усилиях реализовать базовые возможности» (Нуссбаум 2011). Важной составляющей предлагаемого ею концепта справедливости является понятие *человеческого достоинства*, т.е. обеспечение обществом (государством) человеку такой жизни, в которой он/она могли бы беспрепятственно функционировать в качестве достойного субъекта (Нуссбаум 2011: 10). Само понятие *достоинство* берет начало в понятии *равенство*, а право на *равное достоинство*, в свою очередь, находится в основании требования признания (Nussbaum 2006: 292). Нуссбаум говорит о том, что если в обществе есть концепция базовой справедливости, то принципиальным является понимание того, какие возможности и свободы составляют ее содержание, являются фундаментальными для всех граждан (Nussbaum 2001: 17). Декларация базовых принципов справедливости при этом не эквивалентна возможности их применения на политическом уровне, т.е. каждое государство вправе само определять возможности и рамки их имплементации, принуждение к этому со стороны более сильных

⁷ Нуссбаум выделяет «пороговый уровень десяти основополагающих возможностей», которые должно обеспечить для каждого человека государство: жизнь, физическое здоровье, телесная неприкосновенность, чувства (воображение и мысли), эмоции, практический разум, членство, взаимодействие с другими видами живых существ, свободное время, возможность контролировать свою среду обитания (Нуссбаум 2011).

субъектов является недопустимым (за редкими исключениями) (Nussbaum 2001: 14).

Развивая идею подхода с позиций возможностей, Нуссбаум подчеркивает его особую значимость как ориентированного на *результаты* (политики). Последний аспект на уровне государства предполагает, что целью общественного взаимодействия является установление принципов и создание институций, гарантирующих всем людям обеспечение базовых возможностей, или право выступать с публичными требованиями предоставления данных возможностей, в случае, если они не предоставлены. Таким образом, предлагаются рекомендации по созданию конституционного и институционального дизайна, необходимого для обеспечения в обществе справедливости (Nussbaum 2003 (1): 16).

Важной составляющей данного подхода является то, что все предлагаемые базовые возможности имеют и, можно сказать, требуют обеспечиваемых государством экономических оснований. При этом подчеркивается невозможность сведения идеи развития к экономическому росту, как единому интегративному показателю эффективности, и необходимость использования на политическом уровне категории *возможности*. Последние интерпретируются как общая цель социального взаимодействия в государстве на индивидуальном и институциональном уровнях. В качестве основных причин надления определяемых национальным законодательством институтов (а не индивидов) обязанностями по обеспечению базовых возможностей указываются: дилемма коллективного действия, преодоление которой более продуктивно на институциональном уровне; проблема честности распределения социальной нагрузки, в рамках которой добровольно занимающиеся филантропией граждане выполняют также нагрузку тех, кто этого не делает и пр. (Nussbaum 2003 (1): 17-19).

На теоретическом уровне подход Нуссбаум противопоставляется подходу Ролза, где исходной точкой распределения выступают базовые

блага, прежде всего, *доход* (income) и *богатство* (wealth). В противоположность этому предполагается, что люди могут рассматриваться как равные не в ситуации равенства дохода, состояния либо других показателей, но возможностей действовать (Holst 2010: 2-3). Справедливость (в противоположность Ролзу) при этом определяется не как соблюдение определенной процедуры, но как результат (outcome) политики. Т.е. процедуры важны не сами по себе, но только в случае, если приводят к справедливости как результату (Holst 2010: 4).

Принципиально важным положением подхода с позиций возможностей является утверждения Нуссбаум и Сена о *дискурсивности* и *дискуссионности* содержания понятия *справедливость*, а также самой повестки дня социальной политики.⁸ Предлагаемые ими принципы не рассматриваются в качестве единожды заданных, но, напротив, как открытые, обладающие потенциалом пересмотра в публичных дискуссиях. Таким образом, предлагаемая концепция справедливости является в политическом плане своеобразным *консенсусом*, который по своим рамочным принципам совпадает с либеральными идеями Ролза (Holst 2010: 3-8).

Проводя дальнейшие сравнения между индивидуалистическим либеральным подходом деонтологического либерализма (Ролза) и называемой *аристотелианской социал-демократией* подхода (Нуссбаум), можно сказать, что в основании первого находится задача исправления негативных последствий функционирования политических институтов, тогда как второй сосредоточен на устранении причин неравенства (Карнаш 2011: 105). Кроме того, подход Нуссбаум предполагает институциональное переустройство общества, т.е. создание системы

⁸ Определяя повестку дня социальной политики, Нуссбаум выделяет две целевые группы – получающие заботу и предоставляющие ее. Основными пространствами локализации проблем данных групп являются: публичный сектор с соответствующими практиками социальной политики; образовательный сектор, как воспроизводящий ценностные, идеологические установки относительно тех, кто нуждается в обеспечении дополнительных возможностей со стороны общества и государства; рабочее место, которое не всегда определяется в качестве такового и, соответственно, не обеспечивает оплату труда для оказывающих социальных услуги (Нуссбаум 2006: 212).

институтов, не допускающих возможности неравенства и бедности, а основной задачей правительства при этом видится радикальные институциональные преобразования и изменения политического порядка в сторону реального улучшения жизни человека (Nussbaum 1990: 228-242). Однако при всех различиях в обоих подходах существует признание таких либеральных институтов как частная собственность, представительная демократия и приоритет личной свободы (Карнаш 2011: 108).

Подход с позиций понимания справедливости как наличия действенных возможностей для самореализации стал основанием для оценки благосостояния некоторыми международными организациями (в частности, ПРООН). В первом Докладе о развитии человека ПРООН (1990 г.) подчеркивалось, что *развитие* – это *свобода*, относящаяся как к человеческому *выбору* (свободы, связанные с возможностями), так и к процессу участия (свободы, связанные с процессами). Впоследствии данное определение было дополнено понятиями *благосостояния*, как расширения реальных свобод человека для процветания; расширением прав и возможностей и *агентностью*, т.е. возможностями индивида и групп действовать, получая ценные результаты, а также указанием на необходимость повышения социальной справедливости (ПРООН 2010: 22).

В качестве ключевого положения концепции развития в методологии международных организаций используется положение о том, что благополучие не сводится только к материальному благосостоянию, а предполагает расширение спектра выбора. Наиболее важные составляющие которого заключаются в таких положениях как: жить долгой и здоровой жизнью, получить образование, пользоваться достойным жизненным уровнем, политическими свободами, гарантированными правами человека и возможностями для самоуважения, а также противодействие процессам, ведущим к обнищанию людей либо усилению неравенства и структурной

несправедливости (ПРООН 2010). При операционализации данного подхода в Индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП) производится оценка по трем измерениям с соответствующими показателями: *здоровье* (ожидаемая продолжительность жизни), *образование* (средняя продолжительность обучения, ожидаемая продолжительность обучения) и *уровень жизни* (валовой национальный доход (ВНД) на душу населения). При этом отдельно анализируются взаимосвязь политических свобод, экономических возможностей и существующих в обществе институциональных структур, как определяемых в поле политики. Сен говорит о направленности подхода с позиций возможностей на «развитие умения человека жить той жизнью, которую он ценит и имеет основания ценить». Возможности человека имеют потенциал расширения посредством социальной политики, а также участия в политической жизни, т.е. определении политической повестки дня в части определения социальных проблем и политики для их решения (Сен 2004: 35).

Подход Сена и Нуссбаум дает принципиально новые основания для оценки социальных проблем общества. Одним из базовых примеров в данном случае является оценка бедности, которая понимается не просто как низкий уровень дохода либо отсутствие каких-либо товаров, но и отсутствие базовых возможностей для развития человека (Сен 2004), которые не всегда будут зависеть исключительно от доходов. В политическом плане решение проблемы бедности предполагает не просто механическое предоставление недостающих благ, но создание возможностей для самостоятельного обретения данных благ уязвленными социальными группами в будущем (Нуссбаум 2011).

Таким образом, в рамках данного подхода социальная справедливость рассматривается как *развитие* (предоставление возможностей для такого развития) базовых функциональных возможностей человека институтами государства и общества (Sen 1995). Государство выступает как деятельный субъект, обеспечивающий

развитие граждан, при этом сохраняется присущий либеральному подходу идеал индивидуальных свобод. Этот подход объединяет коллективистские и индивидуальные воззрения концептуального осмысления понятия *социальная справедливость*, учитывая и политическое измерения. Важное значение имеет потенциал операционализации понятия на уровне практических политико-экономических показателей (в частности, в методологиях оценки, применяемых международными организациями) и соответствующее последующее применение на уровне публичной политики.

1.2 Социальная справедливость как содержательное основание режима благосостояния

Для анализа институционально-содержательных аспектов *социальной справедливости* в работу вводится понятие **режим благосостояния** (welfare regime). В качестве общей классификации режимов благосостояния использован подход Эспин-Андерсена, в соответствии с которым выделяются: **либеральный, консервативно-корпоративистский и социал-демократический режимы**.⁹ Данные режимы являются основаниями для выделения различных моделей социальной политики и ее составляющих. В *либеральном режиме* – оказание социальной помощи в рамках минимальных социальных потребностей узкоограниченному количеству граждан и предоставление минимального набора социальных гарантий. В *консервативно-корпоративистском* – оказание социальной помощи по категориальному принципу в зависимости от трудового вклада. В *социал-демократическом* – универсальный характер оказываемой социальной поддержки (Esping-Andersen 1990: 26 - 29).

⁹ Определения всех типов режимов, согласно Эспин-Андерсену, приведены в глоссарии. Необходимо отметить существование и других типологий, разрабатывавшиеся для классификации государств и режимов благосостояния. Так, ряд исследователей выделяли дополнительные типы режимов: «южный» (Fenger), «средиземноморский» (Boloni), «радикальный» или «антиподный» (Castles), как присущий таким государствам как Австралия и Новая Зеландия. В то же время как некоторые отрицали саму идею возможности выделения режимов благосостояния (Kasza).

Однако другие исследователи классифицировали социальные политики (в другой терминологии – режимы бедности) по иным основаниям. Так, Либфрид (Leibfried et al. 1995) обосновывал существование четырех моделей политики и соответствующих им режимов бедности: современный, институциональный, остаточный и рудиментарный. Соответственно, разграничивая скандинавские государства благосостояния, «бисмаркские» государства, англосаксонские страны и государства Латинского Рима (отличительной особенностью последних назывался недостаток четко определенного минимума социальной поддержки и прав на ее получение). Феррера (Ferreira 2008) называл последний тип – *южно-европейским*, проводя свою классификацию по критерию характеристики систем социальной защиты и присущих им свойств: условий доступа, распределения и гарантирования социальных выплат, регулирования принципов финансирования, организации и управления системой социальной защиты.

В целом, вышеуказанные типологии воспроизводят деление, схожее с предлагаемым Эспин-Андрерсеном. Однако все они относятся к режимам благосостояния западных стран, в то время как постсоветские государства, социальная политика которых находится в процессе реформирования, могут не попадать в данную классификацию. Данная проблема вызвала полемику среди исследователей с предложениями выделить постсоветские страны в отдельный тип режима. Некоторые из них (Deacon 2000, Ferge 2001, Standing 1996) настаивали на принципиальном отличии государств ЦВЕ и существующих в них режимов обеспечения благосостояния, вызываемом высокой степенью зависимости от иностранного капитала и финансового влияния на их социальную политику международных организаций. При этом международные финансовые организации (прежде всего, Всемирный Банк) оценивались, как промотирующие неолиберальные экономические преобразования. Дополнительной сложностью в классификации

государств региона ЦВЕ считались существенные различия как между ними самими, так и реализуемыми в них социальными политиками. Так, в одном из исследований отмечалось, что, несмотря на то, что всем этим государствам присущи «некоторые общие тенденции в обеспечении здравоохранения» (Rys 2001: 178), этого недостаточно для их выделения в отдельную модель. Вместе с тем, сам Эспин-Андерсен (Esping-Andersen 1996) выступал против выделения центрально- и восточноевропейских государств в отдельную категорию, мотивируя данную позицию тем, что отличия этих государств от предлагаемой триединой классификации заключается в том, что они находятся на стадии транзита, после завершения которой, они (отличия) исчезнут.

Таким образом, проблема классификации режимов благосостояния и соответствующей типологии является дискуссионной. В рамках исследования использована классификация на либеральный, консервативно-корпоративистский и социал-демократический режим, однако при этом во внимание принимается контекст постсоциалистического состояния, предполагающий наличие в этих странах, прежде всего, идеологических особенностей.

1.3 Постсоциалистическое состояние как контекст социальной справедливости

Понятие *социальная справедливость* получает особые интерпретации в публичной политике региона ЦВЕ в силу, с одной стороны, длительной апелляции к нему (понятию) во время существования СССР и последующей девальвации после его распада. С другой, как следствие актуализации в современных государствах региона вопросов бедности, неравенства, и, в целом, возможностей развития отдельного человека и общества. Для описания контекста социальной справедливости в бывших советских странах подходящим представляется введенное Фрэйзер понятие **постсоциалистическое состояние** (Fraser 1997), которое использовалось для характеристики преобладавшего в странах бывшего советского блока состояния после 90-х гг. XX в. и

связывалось с процессами *делегитимизации социального эгалитаризма и актуализации либеральной риторики*. Последняя образно характеризовалась как «чудесным образом воскресший фундаментализм свободного рынка». Параллельно с этим указывалось, что последствия падения коммунизма и *триумф капитализма* привели к идеологическим изменениям не только в регионе ЦВЕ, но и в Западной Европе, где идеи социал-демократии были поставлены под сомнение (Fraser 2009). Фурс характеризовал это состояние как «определенную *натурализацию либеральных принципов* как одержавших окончательную победу», блокировавшее появление любых радикальных альтернатив (Фурс 2005: 144).

В определении Фрэйзер *постсоциалистическое состояние* придает *идеологическую окрашенность* всем его (состояния) составляющим. В качестве первой составляющей рассматривается отсутствие в постсоциалистическом обществе альтернативного неолиберализму проекта эмансипации, представления о котором разделяются большинством граждан на фоне увеличения социально-экономических проблем в обществе, требующих его консолидации. Автор описывает данное положение как «отсутствие какого-либо вызывающего доверие всеобъемлющего проекта эмансипации, несмотря на разрастание фронтов борьбы» (Fraser 1997:3). Последнее обстоятельство связывалось с возникновением в современных обществах новых как социально-экономических, так и культурных несправедливостей, которые, не смотря на все различия, имеют одинаковое основание – систематическое нарушение прав отдельных социальных групп (Fraser 1997: 72).

Неоформленность вызывающей доверие альтернативы неолиберализму, в свою очередь, вела к отсутствию разделяемых в постсоциалистических обществах представлений о *справедливом социальном порядке*. По мнению Фрэйзер, на противоположном неолиберальному (в терминологии автора - капиталистическому проекту) политическом полюсе постсоветских стран на месте социализма

оказалось *пустое понятие*, заполнение которого происходило скорее интуитивно, чем направленно (цит. по Фурс 2005: 158 - 160).

Вторым выделяемым аспектом постсоциалистического состояния является *разделение культурной и социальной повестки дня*, «отделение культурной политики признания от социальной политики перераспределения» (Fraser 1997:3). Данный процесс, по мнению Фрэйзер, сопровождался умножением субъектов (протестных групп), борющихся за собственное признание (национальной и любой другой групповой идентичности), а также групповые права, и, соответственно, не консолидирующиеся в этой борьбе с другими. Указывалось на негативно оцениваемый переход части существовавших ранее протестных движений за эмансипацию (в частности, феминистских, антирасистских) из *сферы перераспределения в сферу признания*. В результате которого борьба за коллективные социально-экономические права, как принципы устройства общества, сменялась и подменялась борьбой за признание идентичностей. Кроме того, утверждалось возникновение различий в выдвижении притязаний на социальное равенство у этих групп, которые вытесняли на задний план идеи перераспределения социальных рисков. В постсоциалистическом состоянии, таким образом, культурные вопросы занимают доминирующее положение в политической повестке дня, отделяясь от социально-экономических проблем и соответствующих политических программ. Соответственно, изменяются и представления о справедливости, в центр которых перемещаются вопросы признания и разделения культурной и социально-экономической политики с приоритетом первой (цит. по Фурс 2005: 158 - 160). Исходя из этого, в постсоциалистическом состоянии социальная справедливость приобретает характер борьбы за признание, а вопросы распределения являются вторичными (если присутствуют вообще).

Третьей составляющей постсоциалистического состояния указывалось *возрождение либерализма* (цит. по Фурс 2005: 159), повлекшее обострение материального неравенства, которое в силу

практик агрессивной маркетизации было вытеснено на задний план публичной повестки дня. Как результат, проблематика притязаний на равенство также оценивалась как утрачивающая свои позиции в политическом поле (Fraser 1997: 3). Вследствие этого интересы отдельных социальных групп вне категории высокого материального положения оказались не только не представленными, но и не имеющими перспектив артикуляции. Кроме того, неолиберализм в условиях увеличивающегося неравенства (как материального, так и доступа к социальным, экологическим благам) не оставляет пространства для критики и «подавляет всякую критику политической экономии» (цит. по Фурс 2005: 159).

В развитие своих идей Фрэйзер добавляет к проблематике постсоциалистического состояния вопрос о *фрэймах справедливости* в современном мире, связываемый с *неуверенностью* относительно границ применения данного понятия, а, следовательно, возникновением вопроса о том, интересы каких социальных групп могут рассматриваться в качестве *общих*. Утверждалось смещение фреймов от существовавшего в период холодной войны в качестве основного субъекта национального государства параллельно с отсутствием уверенности и согласия относительно нового признаваемого субъекта выражения общего интереса (Fraser 2009).

Таким образом, определение понятия *постсоциалистическое состояние* у Фрэйзер связано с проблемой отсутствия разделяемой и признаваемой альтернативы (нео-)либеральным представлениям, вытеснившей из публичной повестки дня проблематику социального равенства и распределения (подменяя их вопросами признания) на фоне увеличения в постсоциалистических обществах социально-экономических проблем. Указывалось на возрождение экономического либерализма (неолиберализма) с параллельной эрозией системы социальной защиты, маркетизацией социальных отношений, ростом

социального и других видов неравенства (например, экологического), сужением круга возможностей для людей (цит. по Фурс 2005: 158 - 160).

Результатом постсоциалистического состояния для стран региона ЦВЕ становится специфическая ситуация доминирования в политическом поле неолиберальных социально-экономических представлений, подкрепляемых консервативным политическим дискурсом признания групповых (преимущественно национальных) идентичностей с параллельным нивелированием вопросов социального равенства и распределения. В качестве альтернативного варианта такого положения может выступать стремление национальных элит заполнить *пустую* альтернативу капитализму и неолиберализму просоциалистическими (различной степени измененности) ценностями советского времени. Вопрос о содержательных основаниях постсоциалистического состояния является важным для определения и понимания режимов благосостояния бывших советских государств и проводимой в них социальной политики.

1.3.1 Постсоциалистический режим благосостояния

При содержательном переходе от понятия *постсоциалистическое состояние* как общей характеристики обществ в регионе ЦВЕ к сфере социальной политики можно говорить о выделении отдельного типа режима благосостояния, отличающегося по своему содержанию от режимов в странах развитого капитализма. Например, Дикон (Deacon 1993) предлагал отдельную классификацию посткоммунистических государств (названную «вероятно временной»), выделив в них **посткоммунистический консервативно-корпоративистский** режим благосостояния (post-communist conservative corporatist welfare regime). Особенности которого была идеологическая и практическая связанность с социалистическими ценностями и преимущественная ориентация на рабочих, а также сохранением у власти некоторых представителей советской элиты (Deacon 1993: 69). В свою очередь в качестве элементов, характерных для советской системы обозначались: высокая степень декоммодификации (хотя социальные выплаты и

зависели от показателей труда); сочетание распределения с эгалитаристскими (уравнительными) практиками режимов социал-демократического типа, совмещаемыми со скрытыми корпоративистско-консервативными практиками для защиты/ сохранения привилегированного положения партийно-государственного аппарата. На основании сохранения советских признаков для постсоветских режимов благосостояния в качестве характерных указывались такие принципы, как: сохранение *высокой степени декоммодификации*; возникновение *социальных неравенств новых типов* (гендерных, стратификационных); роль *рынка* как основного института обеспечения социальных выплат. На политическом уровне утверждался посткоммунистический консервативный корпоративизм, в рамках которого остающаяся у власти старая номенклатура стремится к сохранению высокой степени государственной защиты. В то время как новые институты, которые могли бы привлекаться к переформулированию социальной политики, являются слабыми (Standing 1996).

Другим подходом к классификации режимов благосостояния постсоциалистических стран было добавление новых категорий к уже существующим. Например, Фенджер (Fenger) предлагал использовать классификацию Эспин-Андерсена, добавляя к ней три дополнительные категории. 1). Государства благосостояния бывшего советского типа (включая в эту группу Беларусь, Эстонию, Латвию, Литву, Россию и Украину), которые по уровню государственных расходов на социальную сферу похожи на консервативно-корпоративистскую модель, однако количество и качество программ существенно меньше, а уровень доверия ниже. 2). Посткоммунистические государства европейского типа (Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Польша и Словакия), отличительной особенностью которых, по мнению автора, являются более высокие показатели экономического роста, социального благосостояния (в частности, показатели детской смертности и продолжительности жизни) и большей степени эгалитаризма. 3).

Развивающиеся государства благосостояния (Грузия, Румыния и Молдавия), показатели в сфере благосостояния и соответствующей политики в которых существенно ниже других постсоветских государств (Fenger 2007). В плане общих характеристик региона Стэндинг (Standing 1996) утверждал, что в нем будут превалировать черты либерального режима благосостояния. В свою очередь Фэйж (Fajth 1999) указывал на возможность обобщений в отношении постсоветских государств в связи с существованием в них одинаковых, по его мнению, оснований системы социальной защиты: пенсий по старости, выплат в сфере здравоохранения и социальное обеспечение семьи, в дополнение к которым могут применяться инструменты выплаты наемным рабочим (employee benefits) и субсидирования потребления.

Анализ постсоветского состояния и свойственного ему режима благосостояния проводился и в рамках феминистической критики. Так, Гал (Gal) и Клигмен (Kligman) (Гал, Клигмен 2003) проводят сравнительный анализ *социалистических, постсоциалистических и западных* (разного типа) систем социального обеспечения с позиций анализа семьи и положения женщин в публичной и частной сферах, выделяя для этих целей несколько параметров.

Первый - степень устойчивости идеала мужчины-добытчика или иного главного лица, обеспечивающего семью в политических практиках государства (пенсионной политике, здравоохранении и пр.). В соответствии с данным критерием в рамках консервативно-корпоративистского режима благосостояния ставка делается на традиционную модель семьи, а основной задачей становится поддержка определенного уровня семейных доходов. В то время как в социал-демократической модели центральной проблемой является обеспечение деятельности институтов социальной сферы (в частности, по уходу за детьми). В социалистических системах при декларируемых установках на гендерное равенство, по мнению авторов, игнорировалось противоречие между одновременным стимулированием рождаемости и требованием

полного рабочего дня для женщин. При этом политика была направлена на изменение публичной роли женщин, однако в сфере домашнего труда сохранялись традиционные установки, вследствие чего женщины несли на себе основное бремя домашних обязанностей (включая воспитание, заботу о больных и пр.). *Постсоветская система* характеризуется сохранившейся *зависимостью социальных выплат от трудового стажа*, оцениваемая как ведущая к воспроизводству гендерного и возрастного неравенств (в частности, исключение отпуска по уходу за ребенком из трудового стажа, более ранний возраст выхода женщин на пенсию и пр.).

Второй параметр сравнения - показатели и формы женской занятости, моделируемые посредством реконтекстуализации понятия *принуждение*. Если в социальных государствах Запада право на труд для женщин рассматривалось как освобождение и расширение возможностей самореализации для более обеспеченных классов, то в социалистических это было не имевшей альтернатив обязанностью. В постсоциалистических государствах *формы женской занятости определяются ухудшением экономической ситуации*, порождающей практики занятости на нескольких работах в качестве компенсации низкой оплаты на основной работе (часто – в государственном, бюджетном секторе).

Третий параметр – изменяющиеся и изменяемые основания, на которых могут строиться обращения к государству, т.е. требования социального обеспечения, дискурсивные формы которого влияют на взаимоотношения между государством и гражданами. В западных государствах мотивация государственных затрат базируется не только на основании экономической эффективности, но и представлениях о ценностных установках общества в разрезе понимания их влияния на политическую повестку дня. В случае советских государств пространство для высказываний было ограничено эгалитарным характером государства, которое, обеспечивая всеобщую занятость как основание предоставления социальных услуг, не имело потребностей в

дополнительных субъектах (например, профсоюзы, имевшие формальный характер и функции) и практиках артикуляции социальных проблем. В постсоветских государствах отмечается *уход государства из сферы социальной защиты*, с соответствующей бессмысленностью апелляции к нему в качестве субъекта социального обеспечения. Вместе с тем, происходит *стратификация оснований социальной защиты*, вызываемая сокращением социальных групп, которые могут претендовать на поддержку и расслоение по материальному критерию внутри признаваемых адресных групп.

Четвертый параметр связан со способом регулирования имущественного неравенства. Либеральная и корпоративистская модели благосостояния рассматриваются как стимулирующие неравенство в доходах при стабилизирующей их системе социальной поддержки. Социал-демократическая модель стремится к эгалитаризму с поощрением соответствующих социальных программ. После существовавших ранее уравнивательных моделей распределения постсоветские государства в настоящее время демонстрируют *разнообразные модели неравенства*.

Последний параметр относится к дихотомии автономии и зависимости, которая находится в центре феминистского анализа социального государства. Отмечается несколько лучшее положение женщин в западных моделях за счет увязывания возможностей социального обеспечения с политическим участием на фоне многообразных и не получивших закрепления практик балансировки автономии и зависимости в постсоветских странах (Гал и Клигмен 2003: 350-360).

Таким образом, постсоциалистическое состояние можно рассматривать в качестве содержательного контекста анализируемого в работе понятия социальной справедливости в странах региона и в Беларуси, в частности. Постсоветское состояние характеризуется расширением в обществе нелиберальных представлений как не имеющих привлекательных идеологических альтернатив, вытеснением

вопросов социальных прав проблематикой культурного признания, а также углублением социального неравенства, которое не имеет возможностей артикуляции. Выделяемый постсоциалистический режим благосостояния имеет специфические характеристики. Вместе с тем, вероятно, что по мере реформирования и ухода от советских практик у государств могут увеличиваться возможности вести политику обеспечения благосостояния в соответствии с моделями, выделяемыми в рамках классификации Эспин-Андерсена. Дополнительное измерение в рассмотрении постсоветского режима благосостояния привносит подход с позиций феминистической критики, в котором отмечается ряд особенностей в сфере занятости и социального обеспечения, включая тезис об уходе государства из социальной сферы.

1.4 Артикуляция социальной справедливости в недемократических режимах

В поле публичной политики понятие *социальная справедливость* выступает как инструментальное воплощение разнообразных теоретических подходов и один из основополагающих идейных (идеологических) принципов социальной политики (Craig et al. 2008:17). В контексте работы рассматривается процесс артикуляции принципа социальной справедливости в публичной политике и его особенности в зависимости от типа политического режима. Следуя классическому определению функции *артикуляции* политической системы Алмонда, она понимается как процесс выражения индивидами и различными социальными группами (неассоциированными, ассоциированными, аномическими и институционализированными) своих интересов и требований субъектам, принимающим политические решения, используя различные средства и стратегии. Особое значение приобретает анализ возможностей различных политических субъектов участвовать и влиять на формирование политической повестки дня и последующую реализацию принятых решений. Сами субъекты по критерию участия в осуществлении власти при этом разделяются на официальных

(находящихся внутри системы) и неофициальных (находящихся за ее пределами).¹⁰ Отдельный интерес при этом имеют СМИ и медийная повестка дня. Если в исследованиях, посвященных формированию повестки дня в демократических режимах, публичная/ государственная и медийная повестка рассматриваются как взаимозависимые (Weaver, McCombs 2004: 251), то в условиях режима недемократического такое взаимоотношение не является обязательным. СМИ в силу структурных и политических ограничений будут, вероятнее всего, исполнять роль ретранслятора идей других публичных акторов, но не самостоятельного субъекта.

Не смотря на специфику процессов политической коммуникации в странах ЦВЕ (Oates 2012), можно утверждать, что режимы в них (понимаемые как делиберативные и процедурные модели демократии) предполагают возможность артикуляции интересов (в том числе, конфликтных) различных акторов в соответствии с условиями, принимаемыми всеми участниками социального взаимодействия (Benhabib 1996: 73). В то время как в случае режима недемократического, процесс артикуляции интересов для акторов, находящихся за пределами правительства ограничивается как на уровне возможности самого присутствия в политическом поле (практики прямого и скрытого цензурирования), так и доступа к средствам и каналам артикуляции интересов. В результате, в недемократическом политическом режиме проявляется коммуникативный дисбаланс с символическим преобладанием дискурса находящихся у власти субъектов. Последние за счет устранения конкуренции получают монополию на высказывание с соответствующими пропагандистскими возможностями, формируя, таким образом, идеологические основания публичной политики. Процесс артикуляции при этом трансформируется в пропагандистские практики

¹⁰ К группам находящихся «внутри» правительства, согласно типологии Киндона, относятся президент, его администрация, парламент и чиновники. В то время как: группы интересов, академические деятели, СМИ и общественное мнение указываются как находящиеся «за пределами» (Kingdon 1984: 21).

властных субъектов, призванные обеспечить дополнительные основания легитимности последних.

Для анализа места понятия *социальная справедливость* в политическом поле и специфике его выражения в закрытых, недемократических условиях, можно обратиться к разработанной Бурдьё социологии доминирования. Непризнание в данном подходе принимает форму легитимного отказа предоставлять позиции в поле символического доминирования, в котором субъекты обладают символической властью возможности навязывания легитимного видения разделения социального мира (Bourdieu 1989). При этом доминирующие субъекты получают возможность формировать категории восприятия, определенные слова и понятия (системы классификаций), которые дают возможность легитимного использования идеологического воздействия и, соответственно, поддержания определенного социального порядка. Кроме того, они вынуждены защищать так называемые *условия входа* - социальные условия производства понятий политического поля, т.к. иначе появляется угроза возникновения альтернативных социальных программ, которые могут привести к смене диспозиции на поле. Одним из наиболее эффективных способов легитимного идеологического доминирования в политическом поле является достижение ситуации признания субъектами создаваемых структур и производимых ими социального разделения как самих собой разумеющихся. Второй важной символической функцией доминирующего субъекта является возможность разделять социальный мир, т.е. формировать определенные социальные группы, обеспечивать (либо не обеспечивать) признание существующих (групп). Именно эти прошедшие процесс институционализации социальные группы могут наделять своих представителей властью организовывать новые группы. В данном аспекте критерием (символической) эффективности создания групп будет выступать степень соответствия навязываемых ими представлений

действительности (адекватность навязываемых представлений), а также их базирование на реально существующей общности людей.

Проблема институционализации создаваемых либо утверждаемых социальных групп возвращает к вопросу об их политическом представительстве. В данном случае вопрос признания какой-либо группы связан с ее возможностью быть представленной на политическом уровне и артикулировать свои интересы в политическом поле, т.е. участвовать в определенных демократических институтах. Так, Янг (Young) утверждает необходимость включения в понятие *социальная справедливость* политических аспектов институциональной структуры государства и общества (Young 1990: 91). Для обеспечения социальной справедливости люди должны принимать участие в политике, в процессе принятия решений. Демократия, таким образом, является одновременно составляющим элементом и условием социальной справедливости.¹¹ В итоге, на политическом уровне проблематика признания перетекает в необходимость существования институтов и механизмов защиты и представительства для всех категорий граждан, в частности, социально-уязвимых групп.

Последнее требование – наличие институтов представительства и соответствующих механизмов ставит вопрос о том, каким образом государство может обеспечивать реализацию требований распределения, признания и представительства. Т.е. как на уровне публичной политики формируются механизмы и институты, гарантирующие возможность участия в ней разнообразных акторов (представительство), формируются режимы взаимоотношений государства с группами интересов (признание) и обеспечивается распределение. При этом важным моментом является степень демократичности либо недемократичности всей политической системы, в рамках которой формируются практики и соответствующие

¹¹ Согласно Янг, выделяются следующие условия того, чтобы демократия была действительно справедливой: её правила не должны меняться под влиянием обстоятельств; демократичными должны быть все институты общества; обеспечение возможности выражения своих интересов для всех социальных групп (Young, 1990: 92-93).

им инструменты реализации принципа справедливости. В случае демократических политических систем преобладает использование символических средств убеждения, в недемократических - практик подавления (символического либо физического).

Специфику артикуляции социальной проблематики, в целом, и тем, связанных с понятием *социальная справедливость*, в режимах различного типа можно рассматривать исходя из существующих в них практик адвокатирования (advocacy).¹² В исследованиях по данному вопросу отмечается прямая зависимость между возможностями адвокатирования, уровнем политической активности неправительственных организаций и их влиянием на политическую повестку дня (т.е. структурно-функциональных составляющих демократического режима). В частности, организации в социальной сфере, привлекающие наибольшее количество волонтеров и проявляющие политическую активность, получают наибольшие возможности политического влияния. Вместе с тем, добавление переменной в виде государственного финансирования демонстрирует результат, проявляющийся в снижении уровня политической активности и адвокатирования (Schmidt et al. 2008: 581-583). В условиях смещенной структуры артикуляции интересов недемократического режима последнее обстоятельство, вероятно, будет приобретать еще большее значение. Таким образом, финансирование групп интересов за счет бюджетных средств в любом типе режима можно рассматривать в качестве структурного фактора, влияющего на процесс артикуляции. Однако если возможности адвокатирования и влияния на принятие решений институциональными элитами заложены в самой структуре демократической политической системы, то в случае исходных

¹² Под *адвокатированием* понимаются действия с целью изменить существующую политику либо повлиять на решения институциональных элит, правительства и государственных институтов посредством поощрения гражданского участия в продвижении общей цели либо общественного интереса (collective goal or interest) (Boris & Mosher-William 1998; Reid 1999). В рамках адвокатирования действия групп интересов могут быть представлены между двумя крайними полюсами: активности с ограниченной вовлеченностью (направление писем, запросов или подписание петиций с обращениями к высшим должностным лицам) и действия с высоким уровнем требований (организация публичных событий, кампаний, манифестаций и пр.) (Salamon 2002: 4).

ограничений недемократического режима отсутствуют либо слабо представлены структурные элементы, обеспечивающие сами возможности артикуляции.

Вместе с тем, согласно Саламону, даже наиболее репрессивные государства не только разрешают, но и поощряют гражданское участие в социальной политике (Salamon 2002: 4). Примерами подобного рода могут выступать профсоюзные организации СССР, не выполнявшие своих непосредственных функций представительства и защиты интересов трудящихся, но, вместе с тем, активно вовлекались в решение ряда социальных вопросов: поддержка дошкольных, рекреационных и оздоровительных учреждений, предоставление мест для отдыха и пр. (Pascall et al., 2000). Таким образом, лишаясь возможностей артикуляции собственных интересов на этапе формирования повестки дня, граждане и отдельные группы могут привлекаться в качестве дополнительного исполнителя на этапе реализации политики. В отношении практик адвокатирувания в современных недемократических режимах, в частности, в Беларуси, существуют различные оценки. Так, в одной из специализированных публикаций для активистов третьего сектора Беларуси (Віданава 2012) указывается ряд примеров, оцениваемых, как успешные кампании адвокатирувания. Однако при этом подчеркивается, что ни одна из них не привела к изменению политики, реализуемой в сферах интересов адвокатирующих субъектов либо произошедшие изменения нельзя непосредственно объяснить только деятельностью рассматриваемых субъектов.

При артикуляции проблематики социальной справедливости в политическом поле важное значение приобретает такое измерение данного понятия как «равенство возможностей». По утверждению Вольфа (Wolff 2008: 181), в публичной политике важно обеспечивать равенство несоревновательных возможностей (*non-competitive opportunity*) с обязанностью правительства улучшить возможности тех, кто ими обделен или находится в ситуации неравенства.

Таким образом, различные типы режима порождают различные практики артикуляции общественного/общего интереса. Соответствующий содержательным требованиям прозрачности и равенства субъектов демократический политический процесс предполагает возможность выражения интересов различных субъектов, предлагая идейные основания социальной политики как итог достижения консенсусного понимания различных субъектов и баланса интересов. В то время как в условиях режима недемократического содержательные границы, связанные с выявлением и донесением общественного интереса до субъектов власти, формируются преимущественно властными субъектами, вследствие чего утрачивается *общественный интерес*, подменяемый частными интересами сохранения власти и использования для этого пропагандистских высказываний и идеологических конструкций.

1.5 Обобщение главы 1

В первой главе были рассмотрены некоторые теоретические подходы к понятию *социальная справедливость*. Социально-философские подходы разделялись исходя из критерия индивидуального либо коллективного субъекта социальной справедливости, а также содержательных оснований данного понятия (например, честность). Отдельно проанализированы критические теории понимания социальной справедливости (в частности, интегративная теория справедливости с фокусом на работы Фрэйзер), а также подход с позиций возможностей Нуссбаум и Сена. Последний рассматривается как совмещающий различные измерения понятия *социальная справедливость* и обеспечивающий возможность дальнейшего функционального анализа понятия на уровне публичной политики.

Понятие *режим благосостояния* (на основании типологии Эспин-Андерсена) определяет критерии и механизмы принятия решений в сфере социальной политики, а также основных субъектов предоставления социальных услуг. *Социальная справедливость* при этом рассматривается

как одно из содержательных оснований национального режима благосостояния. В идеологическом измерении теоретические подходы к пониманию *социальной справедливости* в совокупности с понятием *режим благосостояния* позволяют выделять либеральный (сосредоточенный на ценностях свободного рынка и индивидуальной свободы), социал-демократический (с государством в качестве главного субъекта обеспечения социального благосостояния) и консервативно-корпоративистский (предполагающий принципы субсидиарности, солидарности основополагающую роль семьи и сообществ) режимы. Вместе с тем, отдельно рассматривается режим благосостояния в условиях *постсоциалистического состояния*, как имеющий ряд отличительных содержательных особенностей, включая сформулированные феминистической критикой. Само постсоциалистическое состояние представляется как оказывающее влияние на существующие в обществе представления о социальной сфере, что влечет к идеологическому доминированию неолиберальных идей в отсутствие других разделяемых альтернатив.

Кроме того, в рамках социологии признания рассмотрены проблемы артикуляции понятия *социальная справедливость*. В качестве исходной установки при этом принимается различие процессов артикуляции интересов социальных групп в условиях демократических и недемократических режимов в силу структурных ограничений последнего. Артикуляция интересов в условиях недемократического режима приобретает характер пропаганды, тогда как режим демократический функционально обеспечивает возможность введения общественного интереса (в частности, представлений о социальной справедливости) в публичную повестку дня.

Глава 2. Методы и материалы исследования

В данной главе представлен обзор методов и материалов, использованных в ходе проведения исследования. Основные методы работы: дескриптивный институциональный анализ, качественный дискурс-анализ, полустандартизированное/неформализованное интервью и вторичный анализ статистических и социологических данных. Выбор методов обусловлен спецификой объекта и поля исследования, которые требуют комплексного подхода, сочетания качественных и количественных методов, поскольку использование только одного их (методов) типа является недостаточным для раскрытия темы.

Далее рассматриваются применяемые методы анализа в работе. Приводится описание материалов исследования, включая интервью с политическими деятелями, гражданскими активистами, экспертами; статистические данные национальных и международных источников; публикации СМИ, отчеты международных организаций, связанные с анализом социально-политической ситуации в Беларуси.

2.1 Дескриптивный институциональный анализ

Институциональная теория, развитие которой в разное время связано с исследованиями Марш и Олсон (March and Olsen 1984, 1989, 1995); Хол и Тэйлор (Hall and Taylor 1996); Пирсон и Скочпол (Pierson and Skocpol 2002), в работе используется для описания основных институтов политической и социально-экономической сфер Беларуси, участвующих в производстве режима благосостояния. Институциональный подход важен для понимания режима благосостояния, как демонстрирующий невозможность изолирования экономики от социальных и политических институтов, поскольку в противном случае возникает угроза для существования самого общества. Кроме того, институциональный подход позволяет изучить характер взаимоотношений политических институтов и существующих в государстве практик распределения (Esping-Andersen 1990: 15)

Согласно фон Бойме (von Weyme), так называемый *новый институционализм* позволяет увидеть влияние результатов политики (*policy outcomes*) на исторические институты и решения, быстрая и волюнтаристская возможность изменения которых затруднительна для политических акторов. Результаты политики в данном случае рассматриваются как зависящие от предыдущих условий (*path dependence*) (von Weyme 2006: 749). Вместе с тем, фон Бойме указывает, что политические институты в политической теории чаще всего были зависимыми переменными, тогда как экономическая система - независимой (von Weyme 2006: 749). Решением данной дилеммы анализа политических институций могут быть неоинституциональные подходы, предполагающие анализ реального поведения вместо превалировавших ранее формальных и легальных аспектов (von Weyme 2006: 753).

В условиях недемократического режима институциональный подход имеет ряд ограничений, обусловленных, прежде всего, недостаточной работой/ отсутствием системы сдержек-противовесов, влекущее за собой произвольные решения властных субъектов, которые не ограничены предпочтениями масс, а также кумулятивной совокупностью предыдущих выборов, определяющих предпочтения, действия и ожидания вовлеченных в политический процесс акторов. Так, в описании функционирования институтов в различных режимах указывается на то, что «одномоментная приватизация всей системы социальной защиты может быть проведена недемократическим режимом Пиночета, но, как показывает опыт, в демократических системах это более затруднительно» (Rhodes et al. 2006: xv).

Однако, не смотря на указанные ограничения, дескриптивный институционализм может быть использован для анализа государства и других институтов, поскольку помогает описать особенности их статуса и функций, а также понять аспекты, требующие анализа при помощи других методов.

2.2. Качественный дискурс-анализ

Одним из основных методов исследования является дискурс-анализ, выбор которого обусловлен спецификой политического поля Беларуси, а также:

- неполнотой статистических данных, их ориентацией на количественные показатели и политико-идеологической окрашенностью материалов в случае институционального анализа;
- необходимостью дополнения количественных данных качественными интерпретациями для пояснения контекста и особенностей анализируемых субъектов и нормативных понятий;
- недостаточностью в политико-социальном контексте Беларуси количественно-ориентированного дискурс-анализа, основанного на подсчете словосочетаний и топографическом подсчете дискурсивных элементов.

В силу вышеуказанных обстоятельств, представляется актуальным использование методологии качественного дискурс-анализа, который дает возможность исследовать специфику социальной проблематики в Беларуси. В содержательном плане качественный дискурс-анализ позволяет анализировать значения, воспроизводящиеся в дискурсивных актах различных субъектов при определенных обстоятельствах. Кроме того, он дает возможность рассмотреть анализируемое понятие как в развитии (динамике) в течение определенного времени, так и в статике: с позиций того, каким образом рассматриваемая тема присутствует в политической риторике различных субъектов, определения тематики, смысловой наполненности выстраиваемых ими нарративов.

Единицей анализа в исследовании являются – **высказывания/ фразы и смысловые отрывки текстов**, интерпретирующие концепт *социальная справедливость* и связанные с ним понятия, в частности, составляющие режима благосостояния. Выбор фраз в качестве единицы анализа связан с недостаточностью количественного анализа соответствующих слов либо словосочетаний, поскольку задачей

исследования является выявление основных содержательных характеристик нарративов социальной справедливости в Беларуси. Вместе с тем, количественный анализ представляется интересной перспективой для продолжения исследования по теме социальной справедливости и ее преломления в публичной политике в условиях недемократического режима.

Для исследования содержания понятия *социальная справедливость* проводится анализ следующих материалов:

- публичные выступления различных политических субъектов (публикации на официальных веб-сайтах и в СМИ), включая: президента Беларуси Александра Лукашенко; представителей администрации президента; чиновников Минтруда; оппозиционных политических деятелей в лице кандидатов в президенты на выборах 2006 и 2010 гг.; представителей третьего сектора и экспертов;
- публикации интернет-СМИ в части, где предполагалось обращение к понятию *социальная справедливость*. Сделана выборка материалов ведущих белорусских новостных интернет-ресурсов со специализированными рубриками, посвященными социальной проблематике: naviny.by, belta.by, tut.by.¹³ Выбор первых двух связан с а). преобладанием на них авторских оригинальных материалов б). использованием другими СМИ их материалов для перепечатки. Новостной раздел портала tut.by взят как один из наиболее популярных в Беларуси, хотя, преимущественно, размещает информацию других источников;
- публикации различных печатных СМИ, где предполагалось обращение к понятию *социальная справедливость*. Материалы

¹³ Сайты соответствующих интернет-ресурсов: <http://naviny.by/>, <http://www.belta.by/>, <http://news.tut.by/>

отбирались в соответствии с тематическим указателем «Летапіса беларускага друку» (бел.).¹⁴

Корпус текстов электронных и печатных изданий был сформирован с использованием выборки в период 2006 – 2010 гг. Отбор публикаций осуществлялся на основании качественной оценки автором, исходя из тематики, затрагивающей социальные проблемы белорусского общества либо социальную политику. Отдельно отбирались и просматривались авторские материалы, содержащие оценку либо представляющие полемические точки зрения в отношении социальных проблем.

- официальные документы и отчеты различных политических субъектов (в частности, белорусского правительства в лице его министерств) в сфере реализации социальных проектов и государственных программ социальной направленности;
- материалы веб-сайтов, внутренних печатных изданий организаций третьего сектора (включая политические партии) и международных организаций, реализующих социально-значимые проекты, в числе которых: ПРООН, социальные организации, включая БРСМ, БСЖ, ФПБ, а также другие социальные организации;
- проведенные в ходе исследования интервью с политическими, общественными деятелями и экспертами.

В анализе высказываний различных субъектов используется такой подвид качественного дискурс-анализа как **нарративный анализ политики** (narrative policy analysis) **Роя** (Roy 1994). Данный вид анализа включает следующие стадии:

1. Конвенциональное определение соответствующих исследуемому понятию и нарративу *историй* (stories) в условиях высокой степени неопределенности и сложности политического окружения.

При этом рассматриваются такие виды историй как:

¹⁴ «Летопись печати Беларуси» - государственный (национальный) библиографический указатель, предназначенный для информирования обо всех видах печатных изданий, которые выходят на территории Республики Беларусь, а также об изданиях, которые публикуются за рубежом по заказам отечественных издателей и поступают в Национальную книжную палату Беларуси.

- *структурированные истории* (с началом, серединой, окончанием);
 - *сценарии* - воспроизводимые в публичной риторике споры с тезисами и выводами относительно находящейся в центре нарратива темы;
 - *не-истории* (nonstories) – другие относящиеся к нарративу сюжеты, не обязательно имеющие четкую структуру и форму законченной истории.
2. Выявление историй, находящихся в смысловой оппозиции к доминирующим политическим нарративам – *противоположные истории* (counterstories).
 3. Сравнение историй и не-историй и формируемых ими нарративов для создания общего нарратива – *метанарратива* субъекта.
 4. Определение значения метанарратива и находящейся в его центре проблемы для процесса принятия политических решений и процессов разработки и реализации политики (policymaking), а также возможностей реформатирования проблемы для включения в политическую повестку дня в случае, если проблема там не присутствует.¹⁵

Данная схема использовалась сначала для анализа совокупности высказываний каждого рассматриваемого в работе политического субъекта (группового и индивидуального). Затем выявленные метанарративы различных субъектов объединялись в рамках оппозиционного либо властного, после чего производилась их общая оценка для процессов публичной политики. Такое объединение расценивается как допустимое на основании предположения о невысокой роли самостоятельности в публичной политике (для субъектов властного дискурса) и ограниченных недемократическим режимом возможностях

¹⁵ Последний шаг не применялся непосредственно в работе, как находящийся в плоскости практической политической деятельности. Тем не менее, именно вопросы реформатирования понятия *социальная справедливость* и соответствующего ему историй могли бы стать перспективным направлением при разработке проектов реформирования социальной политики оппозиционными субъектами в Беларуси.

участия в публичной политике (для оппозиционных субъектов). Таким образом, на финальной стадии анализа оценивалось значение метаннарративов социальной справедливости для процесса публичной политики в Беларуси.

В дополнение к материалам нарративного анализа использовались данные проведенных в ходе исследования неформализованных интервью. Данное допущение сделано на основании рассмотрения интервью в качестве нарратива/ нарративного повествования (Садмэн, Брэдберн 2005: 197-198), способствующего лучшему пониманию значений, которые респонденты вкладывали в те или иные понятия либо придавали какому-то событию.

2.3. Полустандартизированное / неформализованное интервью

В силу недостатка публичных высказываний как дополнительный метод в работе использовано неформализованное интервью с открытыми вопросами. Само понятие *интервью* рассматривается как социально обусловленные интерпретации реальности, а получаемая при его применении информация как ситуативная и контекстуальная (Denzin, Lincoln 1994:353). Вопросы интервью были подготовлены заранее (*см. Приложение 2. Примерный список вопросов интервью по теме диссертационного исследования*), однако использовались преимущественно в качестве контрольного листа рассматриваемых тем. Данный «мягкий» опросник помогал в ходе интервью принимать решения о том, какая информация нуждается в более подробном уточнении (Штейнберг и др. 2009: 166).

В некоторых случаях интервью использовалось в пилотажных целях для выяснения недостающих фактов либо корректировки информации, полученной из других источников (других опрашиваемых). В ходе интервью собирался «объяснительный речевой материал с упором на контекстуальность» (Brenner 1985: 86), т.е. особое значение придавалось фактам и описаниям практик в ответах интервьюируемых.

Проведенные интервью имели направленный характер и предполагали ответы респондентов на вопросы, задаваемые в последовательности, определяемой интервьюером. Формулировки вопросов и их последовательность корректировалась в зависимости от профессиональной деятельности и личных особенностей респондентов (Белановский 2001:48). Опросник формировался из составляющих непрерывную смысловую последовательность тем, необходимых для раскрытия содержания понятия *социальная справедливость*, представлений интервьюируемых о режимах благосостояния и *историй*, связанных с их профессиональной деятельностью.

В ходе интервью выяснялись мнения респондентов по следующим темам:

1. Оценка социально-экономической ситуации, социальной политики и существовавших социальных проблем (в том числе, по сравнению с соседними государствами) для анализа контекста использования понятия *социальная справедливость*;
2. Отношение к идейным/ ценностным высказываниям президента Лукашенко как основаниям для построения собственных высказываний;
3. Представления о *наилучшей* модели режима благосостояния, включая: роль государства и третьего сектора в социальной политике, а также семьи в распределении социальных рисков;
4. Оценка возможностей третьего сектора участвовать в публичной политике и основных сложностей в осуществлении их деятельности;
5. Личное отношение респондентов к работе социальных органов.

Большинству политиков также задавался вопрос о готовности использовать понятие *социальная справедливость* в публичных выступлениях, а также определения самого понятия. Кроме того, задавался вопрос об отмене в 2007 г. социальных льгот. Для пояснения вопросов респондентам использовались иллюстрирующие примеры (в

частности, в вопросах о режиме благосостояния – примеры стран). Кроме того, почти во всех интервью задавались вопросы на уточнение, связанные с деятельностью организаций или реализуемых ими проектами, о которых не было известно заранее.

В соответствии с выделяемыми в работе субъектами политики,¹⁶ для интервью были выбраны представители следующих групп (*Таблицы социо-демографических характеристик респондентов см. в Приложении 2*):

1. Оппозиционные политики в лице кандидатов в президенты на выборах 2006, 2010 гг. Проведено интервью с одним из 3-х кандидатов на президентских выборах 2006 г. и 5-ти из 9-ти кандидатов на выборах 2010 г. (6 интервью).
2. Представители ведущих оппозиционных политических партий и общественных движений политической направленности (7 интервью).
3. Представители и активисты оппозиционных политических организаций третьего сектора, а также гражданские активисты регионального уровня, вовлеченные в акции по адвокатированию (7 интервью).
4. Представители социальных организаций различного типа (9 интервью).
5. Эксперты и журналисты, отобранные по критерию работы в аналитических институтах с социальной проблематикой либо специализирующиеся на социальной тематике и проблемах гражданского общества в Беларуси (8 интервью).

В основании отбора респондентов было стремление представить широкий набор разнообразных мнений на разных уровнях: политическом, экспертном, журналистском, а также работы с социальными проблемами различных целевых групп.

¹⁶ О классификации политических субъектов в Беларуси и, в частности, организаций третьего сектора в Беларуси в главе 4.

Всего в ходе исследования в период с апреля 2011 г. по февраль 2012 г. проведено 37 интервью. Интервью проводились лично в формате лицом-к-лицу, за исключением одного интервью по телефону, проведенного по просьбе опрашиваемой. Все интервью кроме последнего были записаны на диктофон. В среднем, каждое интервью длилось от 30 мин. до 1,5 часов. Интервью проводились на русском или белорусском языках по желанию респондентов.¹⁷ Большинство интервью было проведено в Беларуси в г. Минске, а несколько в других странах (в частности, в Литве и Польше), что связано с местом нахождения респондентов.

Необходимо отметить, что респонденты различных групп с разной степенью готовности соглашались на интервью. Аналогичная ситуация была и с ответами на сформулированные вопросы. Некоторые из них респонденты расценивали, как находящиеся «вне сферы своей компетенции», но, как правило, все равно старались дать ответы. Легче всего соглашались на интервью политики и независимые эксперты, чему способствовало личное знакомство либо наличие общих знакомых. В данной категории был получен только два отказа на проведения интервью: от бывшего кандидата на пост президента и бывшего депутата Палаты Представителей.¹⁸ Некоторые затруднения с данной группой возникали при достижении договоренности о времени интервью в силу специфического рабочего графика, условий профессиональной деятельности (ненормированного рабочего дня, в некоторых случаях – отсутствия офиса, частых зарубежных поездок пр.).

Договоренности с представителями социальных общественных объединений об интервью было достичь сложнее. Для получения их согласия использовались отсылки к людям или организациям, знакомым по совместной работе либо на уровне личного общения. Такой способ

¹⁷ В некоторых случаях респонденты отвечали на русском языке в силу сложившейся практики общения с автором исследования, хотя в обычной жизни используют белорусский язык.

¹⁸ В телефонном разговоре политик сослался на то, что обсуждать эту тему небезопасно. Депутат отказался давать интервью, сославшись на личные обстоятельства, связанные с болезнью близкого родственника.

был избран после нескольких случаев игнорирования запросов со стороны данных организаций при формальном обращении, а также для достижения большей открытости и готовности к разговору со стороны респондентов. В целом, уровень настороженности в данной группе был выше, чем в других.¹⁹ Были отказы от интервью, которые формулировались со ссылкой на загруженность на работе. Наиболее охотно представители данной группы рассказывали о реализуемых их организациями проектах и старались как можно меньше касаться любых тем, которые в их представлении, могли иметь политическую окрашенность.

Независимые эксперты шли на контакт легко, что в ряде случаев обуславливалось личным знакомством либо, аналогично случаю с представителями социальных организаций, рекомендацией со стороны общих знакомых. Однако в некоторых случаях выказывали готовность разговаривать только при условии предварительного ознакомления с вопросами интервью. Вместе с тем, достижение договоренностей на условиях личного знакомства либо рекомендации третьих лиц выступило искусственным ограничителем поля исследования, лимитировав его неформальными отношениями либо с автором исследования, либо с общими знакомыми.

В большинстве случаев респонденты соглашались на проведение интервью с возможностью последующего озвучивания своих имен и позиций, однако были исключения, когда оговаривались условия анонимности, связанные с личными особенностями респондентов (люди с ограниченными возможностями) и нежеланием быть публично идентифицируемыми с высказываниями по теме исследования. Кроме того, в нескольких случаях в ходе интервью часть информации озвучивалась на условиях «не под запись». Как правило, такие просьбы были связаны с оценкой деятельности государственных чиновников в

¹⁹ Так, одна из респонденток в начале интервью признавалась, что не хотела встречаться, т.к. не знала автора исследования, но затем изменила свое решение в силу того, что «надо рассказывать о том, чем мы занимаемся, чтобы о нас знали».

социальной сфере, общей политической ситуации в стране, спецификой получения финансирования и внутренней деятельностью организации. Однако с учетом чувствительности темы и специфики деятельности в Беларуси общественных объединений респонденты из группы, относящейся к социальным организациям и эксперты, приводятся в тексте в соответствии с номером респондента (в соответствующих таблицах). Для соблюдения требований конфиденциальности в анализе подчеркивается только сфера деятельности организации.

Ограничением исследования стала невозможность получить согласие на интервью у провластных общественных деятелей и организаций (например, БРСМ, БСЖ). Отправленные письменные запросы были проигнорированы. На уровне международных организаций, занимающихся социальной проблематикой в Беларуси, удалось провести только одно интервью.

Дополнительно на условиях анонимности и без записи удалось побеседовать с начальником отдела идеологической и воспитательной работы в одной из подконтрольных Министерству образования институций, в ходе которого он представил свое видение системы государственной идеологии в Республике Беларусь, а также оценку социальных проблем в обществе. Аналогичным образом удалось поговорить с представительницей одной из лояльных власти социальных организаций, которая преподает в государственном университете. Некоторые из их высказываний использованы в тексте в качестве пояснений.

Поскольку интервью имело неформализованный характер, при анализе полученных данных использовались две стратегии: *анализ случая* (каждого интервью) и *перекрестный анализ данных*, в рамках которого производился анализ различных точек зрения на одни и те же проблемы (Штейнберг и др.: 256-257). Данные группировались с учетом различных перспектив: событий (в частности, отмены льгот в 2007 г.), идей (оценка режимов благосостояния, определение понятия «социальная

справедливость» и пр.), личного опыта (обращение в социальные службы). Выбор способа анализа определялся по усмотрению автора в зависимости от предварительной оценки информации в интервью.

2.4. Анализ статистических и социологических данных

В работе также использован вторичный анализ статистических и социологических данных для оценки уровня социально-экономического развития Беларуси, и сопоставления целей социальной политике с достигаемыми результатами. Для анализа статистических и социологических данных важен контекст сбора информации (Seale 2011: 361), т.е. существующей в этой сфере в Беларуси ситуации.

Основной источник статистической информации в работе - данные Белстата: выборочные обследования домашних хозяйств по уровню жизни, годовые показатели оценки уровня жизни, материалы переписи населения (2009). А также данные Национальных отчетов о человеческом развитии ПРООН, включая страновые показатели Беларуси по индикаторам ИРЧП в части оценки уровня развития Беларуси и ее сравнения с другими странами. Использована и статистическая информация о Беларуси в программных отчетах международных организаций (МВФ, ЕБРР). В случаях оценки социально-экономических показателей использовались данные материалов Исследовательского центра ИПМ. Важным источником информации являются результаты опросов общественного мнения НИСЭПИ, а также данные опросов ИАЦ в период 2006 – 2010 гг.

В работе использовались и национальные нормативно-правовые акты (в качестве отсылочных материалов). Их поиск осуществлялся в по Национальному реестру правовых актов, размещенном на специализированном интернет-портале Республики Беларусь www.pravo.by, и на официальных сайтах органов государственного управления.

2.5 Обобщение главы 2

Использование в работе институционального анализа дает возможность обозначить действующих в политическом поле Беларуси субъектов в зависимости от их институциональной принадлежности. При этом подход с позиций нового институционализма позволяет избежать проблемы формального подхода и концентрации исключительно на легальных аспектах, фокусируясь на результаты деятельности различных политических субъектов. Однако естественным ограничителем институционального подхода является сам недемократический режим, в котором формальные взаимодействия часто подменяются произвольными действиями субъектов власти. Таким образом, хотя данный подход и позволяет выделить основных политических субъектов, он не является достаточным для оценки в рамках исследования их деятельности.

Использование в работе качественных методов (качественный дискурс-анализ в виде нарративного анализа политики и неформализованное интервью) помогает дополнить обусловленный недемократическим политическим режимом недостаток информации, проявляющийся как в отсутствии в публичном доступе части информации, так и ее искажении в ходе пропагандистских и имитационных действий (в частности, при составлении национальной статистики). Нарративный анализ публичной политики дает возможность проанализировать высказывания во всей полноте, включая их различные виды, а также объединить их в два метанарратива (*властный* и *оппозиционный*). Материалы неформализованного интервью дополняют информацию открытых источников, поскольку позволили выявить представления различных субъектов по вопросам, связанным с понятием *социальная справедливость*. Содержательно важным дополнением исследования стало использование статистических материалов (национальных и международных), а также законодательной базы, что добавило в качественный анализ необходимые количественные данные.

Глава 3. Социально-экономический контекст Беларуси в период 2006 – 2010 гг.

В главе 3 рассматривается социально-экономическая ситуация в Беларуси, как определяющая контекст существования понятия *социальная справедливость*. Для этого использован синтезированный анализ данных различных источников: международных рейтингов, национальной статистики, опросов общественного мнения с фокусом на показатели, которые могут отражать отношение к рассматриваемому понятию в обществе и практиках, сопровождающих его реализацию на уровне социальной политики. Необходимость синтезированного анализа при этом обусловлена спецификой статистических данных в условиях недемократического, политического режима, не предполагающего принципа прозрачности управления. Информация о социально-экономическом развитии Беларуси представляется на основании, как внутренних национальных данных, так и внешних, оценок международных организаций. Далее описаны некоторые инструменты регулирования социально-экономической сферы Беларуси, влияющие на существующие практики распределения, составляющее одно из измерений понятия *социальная справедливость*. В конце главы представлены оценки социально-экономической ситуации в Беларуси в данных провластных и независимых социологических центров.

3.1. Оценки социально-экономического контекста Беларуси в международных рейтингах

При анализе социально-экономической ситуации в Беларуси становится очевидна проблема оценки эффективности ее публичной политики, качества управления, а также используемых при этом инструментах измерения. В настоящее время существует множество международных институтов (преимущественно неправительственных), специализирующихся на сборе и оценке информации для прикладных проектов, используемой также и в академических сравнительных исследованиях. Однако, как отмечает Шедлер, эти институции так и не

смогли преодолеть «дилемму измерителя» (measurer's dilemma), связанную с систематической нехваткой первичной информации и неэффективностью самого процесса ее сбора, приводящего к непрозрачности и неполноте (Schedler 2012: 237-238).

Проблемы применения международных рейтингов и национальной статистики в сравнительном анализе рассматриваются многими исследователями (Pal et al. 2010; Schedler 2012; Knutsen 2010). Отдельной темой, имеющей особую актуальность для постсоветских стран, является концептуализация понятий «демократический» и «недемократический режим» и индикаторы их измерения (Møller&Skaaning 2010; Bogaards 2010; Zaitsev et al., 2012). Другой - использование данных международных оценок в качестве инструмента легитимации/пропаганды при демонстрации достижений того или иного правительства/ государства либо контрпропаганды – в случае негативных оценок. Проблема пропагандистского использования рейтинговых показателей проявилась уже при составлении первых индексов развития человеческого потенциала (ИРЧП) (вначале 90-х гг.), а также других рейтингов и индексов международных институций. Попытки создания универсальных многомерных индикаторов с использованием существующих баз данных для преодоления проблем измерения и сравнения предпринимаются различными исследователями (Kaufmann et al. 2010; Human Development Report 2010).

В данном контексте актуальным представляется изучение присваиваемых Беларуси оценок и рейтингов международных организаций, а также специфики национальной статистики, используемой для оценки ее социально-экономических показателей. Оценка этих показателей в Беларуси имеет ряд проблемных моментов на политическом и техническом уровне. На политическом уровне национальная статистика и международные рейтинги используются в качестве инструментов пропаганды, обоснования белорусскими властями особой модели социально-экономического развития, как внутри, так и за

пределами страны. На техническом – национальная статистика в Беларуси до настоящего времени применяет национальные показатели, выстраиваемые на основании малоизмененной с советских времен методологии и инструментария (Чулицкая, 2012).

В плане международных оценок наиболее благоприятными для Беларуси являются рейтинги, связанные с социальным развитием (например, ИРЧП, мировой рейтинг процветания Legatum). Вместе с тем, проблемным моментом остается их ориентация на количественные показатели без учета качественной составляющей оцениваемого явления. Например, в отчетах о развитии человеческого потенциала фиксируется высокий показатель количества детей, посещающих дошкольные учреждения, но без оценки качества последних. При переходе к более стандартизированным и унифицированным на международном уровне экономическим показателям оценки Беларуси снижаются. Самые низкие показатели в международных рейтингах страна имеет в политической сфере, оценки которой часто сосредоточены на информации, полученной в ходе качественных исследований (экспертных опросов). В свою очередь белорусские власти используют позитивные оценки международных агентств для легитимизации существующей в стране модели социально-экономического развития, параллельно пытаясь нивелировать негативные политические рейтинги, ссылаясь на их необъективную оценку ситуации в стране. Примером пропагандистского использования показателей международных рейтингов и национальной статистики властями Беларуси являются информационные материалы под названием «Беларусь: международные рейтинги и национальная статистика», выпускаемые Министерством иностранных дел (МИД) Республики Беларусь для распространения за рубежом (в частности, на официальных сайтах посольств Беларуси). Данные материалы содержат наиболее выгодные страновые показатели из различных сфер и источников с целью демонстрации социально-экономических достижений Беларуси. Например, в информационном сообщении под названием «Беларусь:

международные рейтинги и национальная статистика», размещенном на официальном сайте белорусского посольства в Литве, содержатся разрозненные выдержки из документов различных международных организаций: Доклада ООН о развитии человека (2011 г.), доклада ЮНИСЕФ об уровне и тенденциях детской смертности (2011 г.), отчета Международного союза электросвязи, доклада Всемирного банка и Международной финансовой корпорации «Ведение бизнеса – 2012», доклада Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» и пр.²⁰ Аналогичное использование рейтингов можно проследить и в публикациях, выступлениях белорусских чиновников и депутатов. Например, депутат Совета Республики Антонина Морова апеллировала к ним при оценке проводящейся в Беларуси социальной политики (Морова 2010: 39 - 40).

В качестве специфики международного рейтингования Беларуси можно обозначить:

- Высокие по региону (по сравнению с соседними бывшими советскими республиками, за исключением Литвы, Латвии и Эстонии) показатели социально-экономического развития (до экономического кризиса 2011 г.);
- Низкие и демонстрирующие тенденцию ухудшения показатели в политической сфере во всех рассматриваемых рейтингах;
- Пропагандистское использование белорусскими властями рейтингов. Апелляция в случаях, когда они содержат благоприятные для режима показатели (ИРЧП, рейтинг процветания Legatum) на фоне агрессивной официальной риторики в случаях неблагоприятной оценки (индексы Freedom House) (Чулицкая, 2012).

Декларируемая белорусскими властями социальная направленность экономики присутствует в качестве ключевой характеристики не только на уровне официальной риторики, но частично

²⁰ Материал доступен: <http://lithuania.mfa.gov.by/rus/rb/facts/> (режим просмотра 27.09.2012).

находит отражение и в оценках международных организаций. Так, вплоть до экономического кризиса 2011 г. Беларусь демонстрировала высокие по сравнению с соседними бывшими республиками СССР показатели социально-экономического развития, позволявшие говорить об особенной «белорусской модели развития» с невысоким уровнем социального расслоения и бедности. Например, в одном из докладов ВБ подчеркивалось, что «для Беларуси характерен сравнительно низкий уровень неравенства по потреблению... (который) достигается за счет сжимания диапазона уровней оплаты труда, административного регулирования цен и высоких социальных выплат» (ВБ 2004:ii).

В работе приводятся показатели Беларуси в международных рейтингах в социальной, экономической и политической сферах. Для сравнения взяты рейтинговые данные соседних стран, отобранных по географическому критерию (Литва, Польша, Россия, Украина) с учетом того, что первые две страны являются членами ЕС. Для наглядности выбрано два года в рамках периода исследования - 2006, 2010 (*см. Приложение 4. Таблица «Беларусь и соседние государства в международных рейтингах 2006 - 2010»*).

По оценкам в международных рейтингах в отношении развития социальной сферы Беларусь опережала соседние постсоветские государства, не являющиеся членами ЕС, в частности, Украину и Россию (показатели ИРЧП и рейтинг процветания); а в отношении экономических показателей находилась с ними приблизительно в одной категории. Однако при качественной оценке социальных и экономических показателей отмечалось отсутствие или недостаточные темпы системного реформирования экономики (ВБ 2004).

В отношении международных рейтингов следует отметить особое внимание властей Беларуси к разработанному в рамках концепции развития многомерному ИРЧП, который часто упоминается

белорусскими чиновниками,²¹ как пример высокой позитивной международной оценки модели социально-экономического развития страны. С 2006 по 2010 гг. Беларусь улучшила свой показатель с 67-го до 61-го места, обогнав Украину (77-я и 69-я позиции соответственно) и Россию (сохранившую 65-е место). Однако место Беларуси в рейтинге было все равно ниже входящих в состав ЕС Литвы (41-я и 47-я позиции) и Польши (37-я и 41-я позиции). Интересно, что, не смотря на активное использование данного показателя и в политической риторике, и в обоснованиях принимаемых и реализуемых правительством государственных программ, в период с 2005 по 2012 гг. Национальные отчеты о человеческом развитии в стране не выпускались.

Согласно классификации докладов ООН о развитии, Беларусь вместе с другими постсоветскими государствами (включая Литву, Латвию, Россию, Украину) входила в группу стран «с высоким уровнем развития человеческого потенциала», отставая от Польши, которая относилась к группе стран с «очень высоким уровнем развития человеческого потенциала». Беларусь находилась в середине группы по показателям трех основных оцениваемых сфер: *экономического дохода* (благополучия), *здравоохранения* и *образования*. На основании приведенных показателей можно говорить о том, что Беларусь более успешно развивается в сферах, не связанных с доходом (см. Таблицу 1). Так, при корректировке значения ИРЧП на показатели не связанные с доходами, индекс Беларуси увеличивается с показателя 0,732 до 0,763. Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении других рассматриваемых стран: Литва с 0,783 до 0,832; Польша с 0,795 до 0,834; Россия с 0,719 до 0,729; Украина с 0,710 до 0,794. По показателю экономического дохода (12,926 долларов США валового национального дохода на душу населения) Беларусь существенно опережает Украину

²¹ Например, выступление президента А.Лукашенко на IV Всебелорусском собрании (2010), а также раздел «Главные принципы государственной политики Беларуси» на официальном сайте президента Республики Беларусь. Доступно: <http://www.president.gov.by/press10663.html> (режим просмотра: 4.08.2013).

(6,535 долларов США), но отстает от всех остальных представляемых для сравнения государств. Однако при этом страновые показатели демонстрируют невысокую степень экономического неравенства (с индексом Джини – 28,8 *versus* 34,5 в Польше и 35,9 – в Литве), а также единственный в своей группе индекс многомерной бедности равный нулю (0). Аналогичные нулевые показатели имеют бывшие социалистические страны, относящиеся к группе стран с «очень высоким уровнем развития человеческого потенциала» (например, Словакия и Чехия), в то время как в России он составляет 0,005, в Украине – 0,008. Благоприятными для Беларуси являются также показатели количества населения, проживающего за чертой бедности (оцениваемой по национальной шкале).

Таблица 1. Основные показатели развития (ИРЧП) Беларуси и других государств региона в 2010 г.

	ИРЧП место/показатель	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении / лет	Средняя продолжительность обучения / лет	Ожидаемая продолжительность обучения / лет	ВНД на душу населения (2008) ²²	Значение ИРЧП, не связанное с доходом	Коэффициент Джини (ВБ)	Население, проживающее за национальной чертой бедности %
Беларусь	61 (0,732)	69,6	9,3 ²³	14,6	12,926	0,763	28,8	17,4
Литва	44 (0,783)	72,1	10,9	16	14,824	0,832	35,8	-
Польша	41 (0,795)	76	10	15,2	17,803	0,834	34,9	14,8
Россия	65 (0,719)	67,2	10,9	16	15,258	0,729	43,7	19,6
Украина	69 (0,710)	68,6	11,3	14,6	6,535	0,794	27,6	19,5

Источник: ПРООН 2010.

Относительно высокие показатели социально-экономического развития Беларуси снижаются при переходе к более специфическим индикаторам, предполагающим большее разнообразие в ежедневных бытовых практиках. Так, не смотря на одинаково низкий уровень распространенности недоедания, составлявший для всех сравниваемых стран в периоды с 1990 по 1992 гг. и с 2004 по 2006 гг. менее 5% общей численности населения (ПРООН 2010:172-173) показатель интенсивности

²² Рассчитано на основании данных по ВНД на душу населения и ВВП на душу населения в USD по ППС (в текущих и постоянных ценах). По информации доклада Всемирного банка (2010) и предполагаемых показателях роста ВВП на душу населения докладов Международного валютного фонда.

²³ Согласно информации доклада, использованы показатели более раннего периода.

депривации в отношении продуктов питания (процент дефицита минимальной диетической потребности в энергии) для Беларуси увеличился в три раза - с 6.0% (в период 1990-1992 гг.) до 18.0% (в период 2000-2006 гг.). Аналогичные показатели Литвы (с 8.0 до 10.0%), Польши (с 6.0% до 10.0%) и России (с 8.0% до 11.0%) также претерпели негативные изменения, которые, тем не менее, не привели к столь высокой разнице в показателях. В свою очередь, индикаторы Украины остались на одном уровне – 7%. Тенденцию снижения можно увидеть и по ряду других показателей развития ООН, связанных с восприятием индивидуального благосостояния и благополучия (например, «общая удовлетворенность жизнью», «удовлетворенность размерами благосостояния» (работы, личного здоровья, уровня жизни), «осмысленная жизнь»). По некоторым показателям (в частности, «удовлетворенность от работы») граждане Беларуси вместе с гражданами двух других бывших республик СССР (Грузии и Армении) демонстрируют одни из самых низких результатов в группе стран с «высоким уровнем развития человеческого потенциала» (ПРООН 2010:177). Таким образом, высокие показатели Беларуси по ИРЧП относятся преимущественно к структурному уровню обеспечения базовых потребностей без субъективной оценки уровня жизни.

Показатели Беларуси в мировом рейтинге процветания британского центра Legatum, оценивающего уровень благосостояния в 104 странах, как и в случае с ИРЧП, были выше российских и украинских (в 2010 Беларусь занимала 54-е место, Россия – 63, а Украина – 69), но ниже литовских (42) и польских (29). Вместе с тем, в динамике рейтинг Литвы снижался (в 2009 – 40-я позиция, в 2010 – 42-я, а в 2011 – 44-я), а Беларуси рос (2009 – 55-я, 2010 – 54-я, 2011 – 50-я), что давало основания белорусским властям для его использования в качестве демонстрации социально-экономических достижений страны.²⁴ Вместе с тем, данная

²⁴ Например, сюжет первого телеканала Белорусского телевидения (2.11.2011) «Британский институт "Легатум" провел ежегодное независимое исследование уровня благосостояния в

рейтинговая ситуация была связана с тем, что в Литве в период 2009 – 2011 гг. проявились последствия мирового финансово-экономического кризиса, которые были политическими мерами отложены для Беларуси до весны 2011 г.

Ситуация с рейтингами Беларуси изменяется при переходе от оценки социальной сферы к экономической. Используемые здесь индикаторы выстраиваются исходя из экономических показателей страны, имеющих точное количественное значение (например, ВВП). Из данных ИРЧП, изменений в сфере демократизации и рыночных отношений немецкого центра Bertelsmann и оценки экономических свобод Heritage Foundation видно, что Беларусь отставала от всех сравниваемых стран. Необходимо отметить, что белорусское правительство (как и правительства других постсоветских стран) целенаправленно стремилось улучшать позиции именно в экономических оценках, влияющих на возможность привлечения инвестиций.²⁵

Самыми неблагоприятными для Беларуси в рейтингах международных агентств являются политические показатели, где страна имеет более низкие оценки даже в сравнении с Россией и Украиной. Так, Freedom House (оценка политических свобод) относит ее к категории «не свободных» с показателями «политические права» - 7 и «гражданские свободы» – 6 баллов (в 2006 и 2010). В то время как также относимая к

разных странах». Доступно: <http://www.tvr.by/rus/society.asp?id=57140> (режим просмотра: 15.08.2012).

²⁵ Например, как отмечается в исследовании BISS, «экономическая либерализация и качество рыночного регулирования улучшаются не столько в связи с давлением и потребностями организационного роста национальных рыночных субъектов, сколько в связи с тактикой правительства по привлечению инвестиций» (BISS 2010:1). В частности, изменения в рейтинге Условий ведения бизнеса (Doing Business) для Беларуси были связаны с указанием президента Лукашенко правительству (2008) на необходимость «вывести страну в тридцатку мировых лидеров по условиям ведения бизнеса» (BISS 2010:3). «Неоднозначность» некоторых аспектов методологии Doing Business Report позволила правительству Беларуси «успешно воспользоваться существующими лазейками методологии доклада и совершить фасадную подстройку экономических институтов под ожидания внешних игроков» (BISS 2010:2). В результате Беларуси удалось улучшить свои показатели, однако после пересмотра в 2010 г. методологии измерения данного рейтинга (и соответствующего пересчета показателей), позиции Беларуси оказались менее высокими (85-я в 2009 и 91-я в 2010), чем заявлявшиеся до изменения методологии расчета (82 – 2009; 58 – 2010).

категории «несвободных» Россия имела соответствующие показатели «политические права» - 6, «гражданские свободы» -5. В оценке Freedom House ситуации со свободой прессы, Беларусь занимала все более низкие позиции (88-ю в 2006 и 92-ю в 2010), показатели России также ухудшались, но оставались выше белорусских (72-я и 81-я соответственно). Низкая оценка Беларуси наблюдается и в отчетах американской организацией USAID в Индексе устойчивости развития НГО (NGO Sustainability Index) (рейтинг 5.9 по десятибалльной шкале в 2006 и в 2010 гг.). Показатели России несколько выше – 4.3 (2006) и 4.4.(2010). Остальные страны имеют более высокие оценки.

Низкая оценка на фоне более высоких политических индикаторов Литвы, Польши, Украины и России была у Беларуси и в индексе развития и трансформации Bertelsmann.²⁶ Позиции Беларуси с 2006 по 2010 гг. ухудшились с 89-й до 96-й, России с 59-й до 65-й, Украины с 35-й по 37-ю, в то время как Литва среди трансформирующихся и развивающихся стран находилась в десятке стран с самыми высокими результатами (показатели 6 и 7 соответственно), а Польша улучшила свой показатель с 11 до 10.

Согласно оценкам экспертов Всемирного Банка, особенностями национального экономического развития Беларуси в рассматриваемый период были: низкий вклад сектора услуг в экономический рост (по сравнению со странами с аналогичными показателями уровня социально-экономического развития); усиление концентрации энергоемкого экспорта и рынков; малая роль частного сектора в экономике.²⁷ Кроме

²⁶ Более подробно о методологии измерения данного рейтинга доступен на странице организации: http://www.bertelsmann-stiftung.de/cps/rde/xchg/SID-7416E337-45920379/bst_engl/hs.xsl/307.htm (режим просмотра: 15.08.2012).

²⁷ Данный тезис противоречит национальным статистическим показателям, согласно которым по состоянию на 1.02.2012 количество организаций частной формы собственности в Беларуси составляло 82.1%, государственной - 24.3%, а иностранной - 3.6% (Белстат, http://www.belta.by/ru/infographica/i_1177.html). К организациям частной формы собственности, в соответствии с белорусским законодательством, отнесены все акционированные предприятия вне зависимости от доли государства в их собственности. Косвенным подтверждением невысокой роли частного сектора в Беларуси являются показатели участия субъектов малого предпринимательства в экономике Беларуси. Так, удельный вес субъектов малого предпринимательства в ВВП в разные годы составлял: 8.8% (2006), 8.3% (2007), 9.3% (2008),

того, в Беларуси, в отличие от большинства соседних стран, не проводилось системного реформирования экономики, сохранялся значительный объем государственной собственности, а реструктуризация государственных предприятий была отложена (ВБ 2012: xvi).

В период 2001 - 2010 гг. в Беларуси наблюдался экономический рост, составлявший порядка 8% в год. Такие темпы роста (по оценкам Всемирного банка) были выше средних показателей по региону Европы и Центральной Азии (ЕЦА) (5.7%) и СНГ (7.1%). Мировой финансово-экономический кризис 2008 г. повлек снижение темпов роста белорусской экономики только в 2009 г., однако уже через год (в 2010 г.) ВВП вновь стал увеличиваться, хотя при этом его показатели так и не сравнялись с докризисным уровнем (Таблица 2). Так, если в 2008 г. показатель роста ВВП составлял 11.4% в год, то в 2009 г. он снизился до 1.2%, но в 2010 г. вновь начал расти, составив 7.9%.

Таблица 2. Показатели ВВП в Беларуси 2006 – 2010 гг.

Название индикатора/ год	2006	2007	2008	2009	2010
ВВП на душу населения, ППС (актуальный международный US \$)	9 740.7	10 924.1	12 438.2	12 716.8	13 878.6
ВВП на душу населения GDP (актуальный US \$)	3 797.8	4 666.6	6 328.2	5 182.6	5 818.9
Рост ВВП на душу населения (годовой %)	10.5	9	11.4	1.2	7.9

Источник: База данных всемирного банка. Доступно: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (режим просмотра: 15.08.2012).

Среди основных факторов, способствовавших экономическому росту в Беларуси, по мнению международных экспертов, выделялись: поставки энергоносителей из России по заниженным ценам; экономический рост в странах - основных торговых партнерах Беларуси (до кризиса); стимулирование внешнего (до 2008 г.) и внутреннего спроса (после 2008 г.), финансируемое за счет кредитования экономики (в частности, посредством государственных программ) (ВБ 2012). Заниженные цены позволяли Беларуси импортировать энергоносители по ценам ниже мировых и экспортировать продукты нефтепереработки и другие энергоемкие товары по мировым ценам. По расчетам

11,4% (2009), 12,3% (2010) (данные Белстата доступны: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/small_annual1.php (режим просмотра: 16.08.2013)).

специалистов Всемирного банка, среднегодовой размер условно начисленной субсидии, связанной с российскими поставками нефти и газа за период 2001 – 2008 гг., составлял порядка 14.5% ВВП Беларуси в год (ВБ 2012:3). Однако при этом отмечалось увеличение внешних экономических дисбалансов, в частности, профицита счета текущих операций, равнявшегося 1.4% ВВП в 2005 г. и выросшего до 15% ВВП в 2010 г. При этом увеличивающийся разрыв между внутренними сбережениями и инвестициями покрывался за счет внешних заимствований. Так, в период 2009 - 2011 гг. валовой внешний долг Беларуси вырос в 2 раза, превысив 62% ВВП в 2011 г. (ВБ 2012: ix).

Вместе с тем, хотя последствия мирового кризиса 2008 г. были политическими мерами отложены для Беларуси, в этот год произошли внешнеэкономические изменения, повлиявшие на условия функционирования белорусской экономики. В частности, были изменены условия поставок российских энергоносителей и введены элементы рыночного ценообразования для белорусских потребителей,²⁸ ухудшились условия внешней торговли белорусскими товарами, поскольку основные торговые партнеры Беларуси (Россия и ЕС) под влиянием кризиса сократили объемы торговли. Финансирование дефицита текущего счета в рассматриваемый период осуществлялось за счет внешних заимствований, в результате чего по состоянию на 1 января 2011 г. показатель внешнего валового долга Беларуси составил 52.2% ВВП (ВБ 2011: 7).

Таким образом, в период 2006 – 2010 гг. оценки социальной сферы Беларуси международными институциями являлись преимущественно благоприятными для режима Лукашенко особенно на фоне восточных соседей (в частности, России и Украины), вследствие чего белорусская власть публично апеллировала к ним. Вместе с тем, данные оценки часто

²⁸ Однако уже в 2011 г. Россия продолжала субсидирование белорусской экономики. В частности, было подписано новое соглашение о поставках газа между Беларусью и Россией, предусматривающее продажу в полную собственность Газпром взамен на льготные цены и условия поставки, вследствие чего Беларусь получает помощь в размере 10-15 млрд долларов США (ВБ 2012: 7).

фиксируют только количественные составляющие социальных явлений без их качественной оценки. Как видно по ситуации экономического кризиса в Беларуси 2011 г., социальные показатели Беларуси в международных рейтингах могут ухудшаться по мере нарастания кризисных тенденций либо начала реформирования системы управления в стране.²⁹ В случае с экономическими рейтингами в Беларуси предпринимались попытки технически улучшить необходимые для привлечения инвестиций показатели (например, Doing Business), однако при этом эксперты высказывали ряд критических замечаний, связанных с нереструктурированностью экономики и ростом внешних заимствований. Низкие оценки политической сферы в международных рейтингах находятся в центре идеологизированной критики белорусских властей, указывающих на необъективность и предвзятость международных институций в отношении Беларуси. Вместе с тем, возможным объяснением бездействия режима Лукашенко по улучшению внешней политической оценки страны, является отсутствие заинтересованности в реальных политических изменениях и стремлении сохранить политическое *status quo*. Кроме того, дополнительной проблемой является использование в них данных национальной статистики.

3.2. Особенности национальной статистики и социально-экономических оценок Беларуси

Другим важным аспектом оценки социально-экономического положения Беларуси представляется ситуация в сфере национальной статистики. В отличие от являющихся членами ЕС и использующих стандартизированные европейские показатели соседних Литвы и Польши, белорусская статистика имеет ряд проблем, обусловленных закрытой недемократической политической системой.

²⁹ Данная проблема представляется интересным направлением для дальнейших исследований, однако выходит за рамки темы работы. Вместе с тем, в качестве подтверждения тезиса об изменениях оценки социальной сферы Беларуси в международных рейтингах в условиях кризиса социально-экономической системы можно привести показатели ИРЧП – 65 в 2011 г. (против 61 в 2010).

Среди основных проблем национальной статистики можно обозначить:

- устаревшая методология измерения национальных статистических индикаторов, используемых для оценки социально-экономических явлений (например, показателей занятости и безработицы, доли частных и государственных предприятий);³⁰
- различия международных и национальных параметров и шкал оценивания социально-экономического развития, приводящие к отличающимся показателям (в частности, исследования бедности);
- зависимость национальных социально-экономических показателей от политического цикла (например, статистическая «подгонка» размера заработной платы к декларируемому в предвыборных обещаниях президента уровню 500 долларов США в 2010 г.);
- имитация изменений национальной статистической системы под давлением внешних субъектов (в частности, ВБ³¹) (Чулицкая 2012).

Кроме того, несмотря на присутствие Беларуси во многочисленных международных рейтингах и наличие нескольких открытых национальных статистических источников информации (в частности, сайта (Белстата)³²) информация о некоторых сферах социально-экономического развития страны практически недоступна (например, о трудовой миграции).

³⁰ Проблемы методологии статистического измерения социально-экономического развития Беларуси и используемых при этом показателей рассматривались в работах экспертов ИПМ (Гайдук, Чубрик, Шимановский).

³¹ Анализ системы белорусской статистики на предмет соответствия международным стандартам проводился представителями международных организаций, заинтересованных в получении стандартизированной информации о социально-экономической ситуации. Среди представляющих интерес прикладных исследований можно отметить проект «Глобальная оценка статистической системы Республики Беларусь», реализованный в 2007 г. при финансовой поддержке ТАСИС, целью которого была оценка системы статистики, ее соответствия европейским стандартам и определение основных направлений совершенствования. А также аналитические отчеты консультантов ВБ: Корнса 2007; Оленского, Тамашевича 2007. Последний документ содержит развернутый анализ и оценку системы статистики в Беларуси, а также рекомендации по развитию национальной статистической системы (НСС).

³² Официальный интернет-сайт Белстата <http://belstat.gov.by/>

Методологические недостатки национальной статистики можно рассмотреть на примере *оценки уровня безработицы*. Так, согласно данным Белстата, уровень безработицы в Беларуси после 2003 г. (с самым высоким из зафиксированных показателем в 3.1%) постоянно снижался, и в период 2009 - 2011 гг. составлял, соответственно, 0.9%, 0.7% и 0.6%.³³ В качестве основной единицы измерения при этом использовалось количество официально зарегистрированных безработных, ставших на учет в органах по труду, занятости и социальной защите населения (ст. 1 Закона «О занятости населения Республики Беларусь» № 125-3 от 15.06.2006). Согласно действующему законодательству, статус официально зарегистрированного безработного дает право на получение пособия, размер которого составляет порядка 15 евро в месяц при условии обязательно участия в оплачиваемых общественных работах до 3-х дней в месяц, а также соблюдении ряда других процедурных моментов. В результате, количество официально зарегистрированных безработных является незначительным. Вместе с тем, косвенное подтверждение большего количества безработных дает официальная статистика в части информации о количестве трудоспособного населения, увольняемого и принимаемого на работу, полученная в ходе обследований домашних хозяйств. Так, по данным Белстата, в период с января по февраль 2012 гг. количество работников, принятых на работу на предприятия различных форм собственности составило 238 тыс. 367 человек, а уволенных - 266 тыс. 641 человек. Тенденция превышения количества уволенных над количеством принятых на работу проявлялась во всех сферах занятости после начала экономического кризиса 2011 г., за исключением сферы торговли и сельского хозяйства.³⁴ Вместе с тем, данные о зарегистрированных безработных фактически не изменились, оставаясь в количественном отношении на уровне статистической

³³ Белстат: численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите. Доступно: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/labor.php> (режим просмотра: 15.08.2012).

³⁴ Белстат: информация о занятости населения в январе-апреле 2012 г. Доступно: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/employment1.php> (режим просмотра: 15.08.2012).

погрешности. Дополнительным фактором, влияющим на учет реальной безработицы в Беларуси, является отсутствие границ с Российской Федерацией - одним из основных направлений трудовой миграции для белорусских граждан. Однако официальной обнародованной статистики относительно количества работающих в России граждан Беларуси нет, что частично объясняется спецификой российского рынка труда с высокой долей нелегального трудоустройства, а также отсутствием инструментария для измерения трудовой миграции в данных условиях.

Проблема выявления реального количества безработных в Беларуси частично признается и на уровне государственных органов. Так, в 2010 г. при поддержке Всемирного Банка было начато выборочное обследование домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения (Постановление Совмина №1605 от 1.11.2010 «О проведении в Республике Беларусь выборочного обследования домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения»). В рамках которого, после проведенных в 2011 г. пилотных обследований планируются ежеквартальные обследования занятости в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ). Однако в настоящее время и в национальной статистике, и при составлении рейтингов международных организаций используются показатели уровня безработицы по количеству официально зарегистрированных.

Иллюстрацией проблемы расхождения критериев оценки социально-экономических показателей в отчетах международных организаций и национальной статистике могут также служить *показатели бедности и нуждаемости* (Гайдук, Шиманович 2008, 2010). В Беларуси для определения уровня бедности используется показатель БПМ, определяемый как «стоимостная величина прожиточного минимума (минимального набора материальных благ и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и сохранения его здоровья), а также обязательные платежи и взносы (ст. 1 закона

Республики Беларусь «О прожиточном минимуме»³⁵. Денежное выражение БПМ в среднем на душу населения по основным социально-демографическим группам в период май - июль 2012 г. составляло 743 020 белорусских рублей в месяц (примерно 70 евро), что выше используемых некоторыми международными институтами (например, Всемирным Банком) показателей в 1 доллар США и 2,15 долларов США в день по паритету покупательской способности (ППС). В соответствии с данным национальным индикатором в Беларуси в период с 2000 по 2010 гг. наблюдалась устойчивая тенденция снижения количества людей, находящихся за линией нуждаемости с 41.9% в 2000 г. до 5.2% населения в 2010 г. (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Население Беларуси по соотношению среднедушевых располагаемых ресурсов с бюджетом прожиточного минимума (в % к итогу) 1995 – 2011 гг.

критерий / год	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
ниже бюджета прожиточного минимума	38.4	<u>41.9</u>	12.7	11.1	7.7	6.1	5.4	<u>5.2</u>	7.3

Источник: Белстат, Выборочное обследование домашних хозяйств по уровню жизни. Доступно: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/house.php> (режим просмотра: 12.08.2012).

Вместе с тем, согласно экспертной оценке бедности ИПМ (Чубрик, Шиманович 2010), в 2008 г. размер располагаемых ресурсов, соответствующий черте бедности (или «низкому доходу») в Беларуси варьировался от 870 евро в год (абсолютная бедность; черта бедности - прожиточный минимум) до почти 1800 евро в год (относительная бедность, рассчитанная по методологии, применяемой Евростатом) (Чубрик, Шиманович 2010:6). Вследствие чего утверждалась необходимость перерасчета показателей бедности в Беларуси с учетом применения модифицированной шкалы эквивалентности ОЭСР. При использовании для расчетов введенных в 2007г. Советом Европы Лаакенских показателей, показатели относительной бедности для Беларуси изменяются в сторону увеличения (см. Приложение 5. Таблица

³⁵ Стоимость корзины товаров и услуг, в которую входят продовольственные товары (из расчета 2700 ккал в день на взрослого человека, что составляет 54.0% корзины), непродовольственные товары (предметы гардероба – 17.4%, товары бытового и хозяйственного назначения – 3.3%, лекарства, предметы санитарии – 2.2%), услуги и обязательные платежи (ЖКХ –16.0%, бытовые и транспортные услуги – 6.6%, взносы и платежи – 0.3%). По данным Минтруда на сентябрь 2010 г. Доступно: <http://mintrud.gov.by/ru/socnorm/norm1> (режим просмотра: 15.08.2012).

«Некоторые Лаакенские показатели для Беларуси, 2008 г.»). Таким образом, использование для оценки социально-экономических явлений индикаторов, построенных по национальной и международной методологии, приводит к различным результатам, которые могут влиять на рейтинговые показатели Беларуси.

Некоторые социально-экономические показатели в Беларуси обусловлены связанным с датами президентских выборов политико-деловым циклом управления. Данная тенденция проявляется при анализе сферы расходов на оплату труда и социальные выплаты. Так, согласно данным Белстата, средний размер заработной платы в декабре 2010 г. составлял около 530 долларов США, что соответствовало предвыборным обещаниям президента Лукашенко. Однако уже через год в декабре 2011 г. эта сумма составляла 339,7 долларов США.³⁶

Кроме того, современная статистика Беларуси сохраняет ряд характерных для советского времени недостатков. Основные из них связаны с нереструктурированностью системы государственного управления, в рамках которой статистические органы де-факто являются частью административной системы, а также в значительной степени сохраняющимся плановым характером белорусской экономики (Скуратович 2012). Основной задачей статистики в таких условиях является обеспечение информацией центральных органов государственного управления, выступающих ее главным потребителем. Небольшой новацией постсоветского периода в отношении субъектов предоставления статистической информации, являются обязательства Белстата по обмену данными со статистическими органами соседних государств и предоставлении данных в соответствии с международными договорами (п. 9.3 Положения о «Национальном статистическом комитете Республики Беларусь»).

³⁶ Информация приводится с использованием перевода с белорусских рублей на доллары США: <http://mojazarplata.by/main/srednjaja-zarplata/dinamika-izmenenija-srednej-zarplaty-v-Belarusi-za-2004-2010-tablicy#-3> (режим просмотра: 12.08.2012).

Кроме того, органы статистики помимо своей основной задачи по сбору информации сохраняют контролирующие функции. Например, п.1.3. ст. 3 закона «О государственной статистике» закрепляет за ними право «проверять достоверность первичных статистических данных путем сопоставления их с данными первичных учетных документов, посещать с этой целью территорию и помещения (кроме жилых) государственных органов, иных организаций, а также индивидуальных предпринимателей». Последнее обстоятельство расценивается экспертами Всемирного банка как противоречащее принципу конфиденциальности получения информации, ведущему к ее недостоверности либо уходу респондентов от ответов (Olenski, Tamashevich 2007: 40-41).

Как и в других постсоветских странах, международные институции (МВФ, Всемирный Банк, ОЭСР и пр.) выступали в качестве инициаторов продвижения трансформаций и инноваций в системе национальной статистики в Беларуси. В числе пролоббированных изменений в белорусской системе в 90-е и 2000-е гг. были: усовершенствование законодательных рамок, институциональной системы национальной статистики, порядка расчета макроэкономических данных (в частности, ВВП), а также практик предоставления и распространения статистической информации (UNCE 2007). Однако в оценках международных экспертов отмечались темы, требующие принципиальных изменений, включая статистику по демографическим показателям (в частности, по вопросам занятости), туризму, сельскохозяйственной отрасли, также указывалось на необходимость совершенствования методологии и проведения выборочных обследований (некоторые шаги в направлении таких изменений предпринимаются в Беларуси в последние годы).

На законодательном уровне в области национальной статистики после 1991 г. был принят ряд нормативных актов. В частности, «Республиканская программа перехода республики на принятую в

международной практике систему учета и статистики» (утверждена постановлением Совмина № 523 от 27.08.1992), предполагавшая перевод системы учета и статистики на международные стандарты, переход к формированию национальных счетов и определение ВВП в качестве основного показателя оценки экономической деятельности государства. Примерно в этот же период при содействии Всемирного банка было разработан проект проведения выборочного национального обследования домашних хозяйств с охватом порядка 6 тысяч семей.³⁷ В 1997 г. принят закон «О государственной статистике», в котором учтены ряд международных стандартов и рекомендаций, включая «Основные принципы официальной статистики ООН» (1993) (Olenski, Tamashevich 2007: 42). В 2004 г. принят новый закон «О государственной статистике» (от 28.11.2004 №345-3), включивший принцип конфиденциальности и «обезличивания первичных статистических данных», терминологические определения, основы для формирования статистического реестра (Olenski, Tamashevich 2007: 42). При участии Всемирного банка разработана и принята государственная программа создания «Единой информационной системы государственной статистики Республики Беларусь на 2007-2012 гг.» (утверждена Указом президента N 665 от 13.11.2006).

В плане институционального оформления системы статистического учета в 2008 г. Министерство статистики и анализа было преобразовано в Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) (Указ Президента №445 от 26.08.2008). На официальном уровне данное изменение объяснялось требованиями «принципа независимости при осуществлении статистической деятельности», хотя в действительности вывело Белстат из-под контроля правительства, иерархически подчинив президенту (так, согласно п. 10 Положения «О Национальном статистическом комитете» после произведенных изменений глава

³⁷ Национальный статистический комитет Республики Беларусь о становлении системы национальной статистики. Доступно: <http://belstat.gov.by/homep/ru/history/article.php> (режим просмотра: 15.08.2012).

Белстата назначается непосредственно президентом и входит в состав Совмина). Хотя формально данное изменение соответствовало рекомендациям международных институций (UNECE 2007), в действительности, Белстат остался в системе госуправления. В рамках существующей в настоящее время в Беларуси модели национальной статистики, по мнению экспертов Всемирного банка, высока вероятность дублирования собираемой различными органами информации, а также ограниченные возможности контроля методологического единства и качества данных (Olenski, Tamashevich 2007: 20-21).

В методическом плане используемые Белстатом методики по формированию и расчету статистических показателей постоянно обновляются, большинство из них вводились в действие не позднее 2010 г. (раздел «Методология» официального интернет-сайта Белстата). В качестве отдельного шага по приведению национальной статистики в соответствие с международными стандартами, необходимо указать присоединение Беларуси в 2004 г. к «Специальному стандарту распространения данных (ССРД) МВФ», предполагающему унифицированное преподнесение экономических и финансовых данных.

Вместе с тем, на уровне описания деятельности Комитета утверждается преемственность с советской системой. Например, указывается, что «проведение активной социальной политики невозможно без изучения уровня жизни населения, его материального благосостояния. С этой целью, начиная с 1932 г., во всех союзных республиках бывшего СССР проводилось выборочное обследование бюджетов семей (домашних хозяйств). И в настоящее время такое обследование является единственной информационной базой для изучения уровня жизни населения».³⁸ На практическом уровне выборочное обследование домашних хозяйств действительно было основным инструментом исследования уровня жизни вплоть до 2011 г.

³⁸ Подраздел «Об организации проведения выборочного обследования домашних хозяйств в Республике Беларусь» на сайте Белстата. Доступно: <http://belstat.gov.by/homep/ru/households/1.php> (режим просмотра: 15.08.2012).

Одним из основных его недостатков можно назвать использование при анализе данных преимущественно региональной (по областям) классификации результатов, за исключением выделения типа семей по наличию несовершеннолетних детей, вследствие чего отсутствовала информация об уровне благосостояния в зависимости от типа населенного пункта, гендерного и возрастного состава. Попытки исправить эти недочеты были предприняты в 2011 г., когда в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между Белстатом и Представительством ЮНИСЕФ в Беларуси (от 25.07.2011) было инициировано проведение многоиндикаторного кластерного обследования по оценке положения детей и женщин (постановление Совмина №1504 от 9.11.2011). В 2011 г. было начато проведение выборочного обследования личных подсобных хозяйств граждан, постоянно проживающих в сельской местности (Постановление Совмина № 88 от 26.01.2011).

Ситуация в сфере белорусской национальной статистики свидетельствует о наличии проблем в плане методологического, институционального оформления и содержательного наполнения системы. Использование национальных статистических данных ограничено невозможностью контроля качества содержащихся в них информации, являющимся одним из характерных недостатков анализа вторичных данных (Bryman 2008:300). Важной проблемой выступает пропагандистское использование статистики, осуществляемое как на уровне политического дискурса, так и в самих показателях, зависящих от политического цикла в стране. На примере Беларуси видно, что некоторые социально-экономические показатели искусственно «сдерживались» на политическом уровне в предвыборный период. Вместе с тем, необходимо отметить определенные технические инновации, произведенные по инициативе внешних субъектов, которые, в частности, способствовали стандартизации экономических показателей Беларуси.

3.3. Инструменты регулирования социально-экономического развития Беларуси

В данном разделе рассматриваются некоторые инструменты регулирования социально-экономического развития Беларуси. В частности, государственное планирование, дизайн бюджетных расходов, методы обеспечения экономического роста (регулирование занятости, льготирование, субсидирование), а также инструменты, непосредственно влияющие на практики распределения социальной поддержки.

В Беларуси существует сконструированная по советским принципам система планирования, регулируемая законом «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» (№ 157-З от 05.05.1998). В качестве основных целей планирования указываются: устойчивый экономический рост, высокая степень занятости, стабилизация цен, внешнеэкономическое равновесие и повышение уровня жизни (преамбула Закона). Само планирование имеет централизованный характер, где среднесрочная программа (сроком на 5 лет) и важнейшие показатели краткосрочных прогнозов (сроком на 1 год) утверждаются непосредственно президентом³⁹ (ст. 4, 5 Закона «О государственном прогнозировании»). Программы обусловлены электоральным циклом и совпадают со сроками действия полномочий президента (например, 2006 – 2010 гг., 2011 – 2015 гг.).

В период 2006 – 2010 гг. цели и основные прогнозные показатели устанавливались «Программой социально-экономического развития Беларуси на 2006-2010 гг.» (утверждена Указом президента №384 от 12.06.2006). В качестве основных инструментов обеспечения экономического роста в Беларуси необходимо назвать *полную занятость* и *государственные программы целевого кредитования*. Последние позволяли направлять средства в приоритетные для белорусских властей

³⁹ На дискурсивном уровне апробация программы происходит во время проводимого накануне президентских выборов Всебелорусского народного собрания, а после выборов закрепляется в соответствующих нормативно-правовых актах.

отрасли экономики. В рамках кредитования государственных программ (КГП) заемщики платили более низкие, чем рыночные, процентные ставки государственным и коммерческим банкам. В результате, сумма задолженностей по кредитам, выданным в рамках государственных программ, возросла с 4.0% ВВП в 2005 г. до 25.5% ВВП в 2010 г. (ВБ 2011: 9), а поток КГП по отношению к чистому внутреннему кредиту увеличился в пять раз - с 4.0% до 20.0% (ВБ 2012:34). Основными направлениями целевого кредитования в Беларуси в рассматриваемый период были: строительство жилья и сельское хозяйство. В качестве примеров мер по реализации КГП можно привести: установление целевых показателей размера кредитования для двух государственных банков при реализации программы по строительству (Постановление Совмина №1749 от 04.07.2009 «О мерах по выполнению заданий на 2010 год по строительству жилых домов»); определение льготных процентных ставок кредитов для сельхозпредприятий (Постановление Совмина №1699 от 26.12.2009 «О мерах по подготовке сельскохозяйственных организаций к полевым работам, созданию прочной кормовой базы и уборке урожая в 2010 г.»). В дополнение для государственных предприятий, особенно сельскохозяйственной отрасли, сохранялись налоговые льготы.

Экономическая политика Беларуси характеризовалась широким использованием инструментов *льготирования* и *субсидирования* в целях перераспределения расходов в пользу граждан и поддерживаемых государством предприятий. Так, в энергетическом секторе Беларуси существовала непрозрачная система субсидирования бытовых потребителей на фоне завышенных тарифов для небытовых. В целом, поддержка бытовых потребителей осуществлялась за счет существования единых тарифов на тепло, электричество и газ, которые в реальном выражении не увеличивались с 2005 г. Разнообразными льготами пользовались также некоторые определяемые властями промышленные

потребители, приобретая энергию по заниженным тарифам либо получая рассрочки платежей (ВБ 2011:43-49).

Расходы государственного бюджета в период 2006 – 2010 г. выстраивались, исходя из политических приоритетов правительства по достижению плановых показателей темпов экономического роста, обеспечивавшего количественный рост уровня благосостояния граждан (Таблица 4).

Таблица 4. Структура расходов сектора органов государственного управления Республики Беларусь 2006 – 2010 гг. (в % ВВП)

№	статья расходов/год	2006	2007	2008	2009	2010
1.	другие расходы	11.0	12.3	14.2	10.3	12.6
2.	социальная политика	13.5	13.4	12.6	13.5	14.3
3.	образование	6.9	5.7	5.7	5.2	5.1
4.	здравоохранение	5.0	4.5	4.2	4.2	4.0
5.	жилищно-коммунальные услуги	2.5	2.7	2.4	3.7	2.4
6.	транспорт	3.1	2.7	2.2	0.9	0.7
7.	сельское хозяйство	4.4	4.2	2.9	4.1	3.4
8.	топливно-энергетическая отрасль	1.4	3.6	5.5	4.4	1.3

Источник: Всемирный Банк 2011: 15

Анализ структуры государственных расходов в период 2006 – 2010 гг. показывает, что их основная доля приходилась на такие статьи как «другие расходы» и «социальная политика». Расходы на последнюю составляли порядка 13% ВВП с тенденцией увеличения. Так, если в 2006 г. на статью «социальная политика» выделялось 13.5% ВВП, то к 2008 г. (после изменения системы предоставления льгот) произошло снижение расходов до 12.6% ВВП, но к 2010 г. эта статья увеличилась и составляла уже 14.3% ВВП. При этом наблюдалось снижение расходов на образование с 6.9% ВВП (2006) до 5.1% ВВП (2010) и здравоохранение с 5.0% ВВП (2006) до 4.0% ВВП (2010). Наиболее серьезные изменения претерпели транспортные расходы, которые снизились с 3.1% (2010) до 0.7% ВВП. Расходы на топливно-энергетическую отрасль демонстрировали тенденцию изменений. При этом расходы на социальные нужды Беларуси (2.7% ВВП) превышали большинство сопоставимых по уровню развития стран региона⁴⁰ и были схожими со

⁴⁰ Для сравнения в 2008 г. расходы Беларуси на социальную помощь (в % от ВВП) составляли 2.7%, в то время как Польша тратила - 1.4%, Литва – 1.5%, Россия – 1.8%, Украина 1.9%. Большими расходы были только у таких сопоставимых по уровню развития с Беларусью стран как, Босния (3.3%), Хорватия (3.4%) (ВБ 2011: 65).

странами ОЭСР с высокими доходами, выделяющими на эти цели около 2.5% ВВП (ВБ 2011:65).

В структуре расходов на социальную политику в период 2006 – 2009 гг. большая часть приходилась на Фонд социальной защиты населения (ФСЗН), который в 2010 г. был исключен из консолидированного бюджета. Другими существенными статьями расходов являлись: пенсионное обеспечение и помощь в обеспечении жильем (см. Таблицу 5).

Таблица 5. Расходы на социальную политику консолидированного бюджета, % от ВВП (2006 – 2009)

Статья расходов / год	2006	2007	2008	2009
Социальная защита	0.38	0.38	0.36	0.38
Социальная помощь	0.02	0.02	0.01	0.00
Пенсионное обеспечение	1.16	1.11	0.93	0.94
Помощь семьям, воспитывающим детей	0.07	0.00	0.00	0.00
Молодежная политика	0.02	0.02	0.02	0.01
Содействие занятости населения	0.15	0.10	0.08	0.08
Помощь в обеспечении жильем	0.35	0.58	0.64	1.06
ФСЗН	10.72	10.81	10.00	10.69
Другие	0.56	0.52	0.50	0.41
Итого:	13.42	13.54	12.56	13.57

Источник: Шиманович, Чубрик 2010:20.

Полная занятость выступала в качестве еще одного приоритета социально-экономического развития Беларуси и рассматривалась белорусскими властями как основной инструмент борьбы с бедностью и неравенством. По экспертным оценкам, в Беларуси государство является основным субъектом, обеспечивающим занятость (ВБ 2012), хотя согласно официальной статистике (в соответствии с действующим национальным законодательством), количество занятых на предприятиях государственной и частной собственности в период 2006 – 2010 гг. было примерно одинаковым с небольшим перевесом в сторону частной формы собственности в 2009-2010 гг.⁴¹

Административный контроль со стороны органов власти осуществлялся как над уровнем занятости, так и заработной платы с применением ряда формальных и неформальных средств. Система контролируемых государством предприятий (ГП) позволяла избежать закрытия нерентабельных предприятий и являлась одним из

⁴¹ Белстат: годовые данные категории «труд». Доступно: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/labor.php> (режим просмотра: 15.08.2012).

инструментов обеспечения занятости (ВБ 2012: ivx). На многих предприятиях была ситуация избыточной занятости при сохранении сравнительно высоких издержек, связанных с увольнением работников.⁴² Одним из последствий мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. для белорусских предприятий стало возобновление использования практики неполной занятости. Согласно данным Белстата, в 2009 г. этот показатель увеличился практически в два раза. Так, если в 2008 г. количество работников, получавших отпуска без сохранения либо с частичным сохранением заработной платы составляло 75 тыс. 756 чел., то в 2009 г. - уже 154 тыс. 291 человек. Таким образом, белорусские предприятия дополнительно выполняли социальную функцию сдерживания роста безработицы.

В сфере занятости также применялся ряд дисциплинарных инструментов. Так, с 1999 г. в стране существует система заключения краткосрочных (преимущественно сроком на 1 год) трудовых контрактов для работников всех отраслей.⁴³ По некоторым оценкам, в настоящее время порядка 90% занятых в реальном секторе Беларуси работают по срочным трудовым контрактам. Данная мера оценивается, с одной стороны, как порождающая у работников неуверенность относительно перспектив своей трудовой деятельности, с другой, как снижающая их возможности смены места работы без согласия нанимателя (Шиманович, Скриба 2011: 60). Кроме того, действует регулятивная норма относительно обязательного распределения (сроком на 2 года) выпускников вузов, отучившихся за счет бюджетных средств, которые в

⁴² Так, согласно международным оценкам (по состоянию на 2012 г.) размер выходного пособия для работника при увольнении был эквивалентен компенсации за 13 рабочих недель (для сравнения в Литве этот показатель при условии контракта работника сроком на 1 год составлял 8,7 недель; в Польше – 0; Россия – 8,7 недель; Украина – 4,3 недели // Показатели «Занятость рабочих в Беларуси» в рейтинге «Ведение бизнеса». Доступно: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/belarus/employing-workers/> (режим доступа: 15.08.2012).

⁴³ Введена Декретом президента №29 от 6.07.1999 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины».

противном случае обязаны возмещать государству стоимость своего обучения.

Экономический рост в Беларуси сопровождался *ростом заработной платы*, обусловленным соответствующей политикой правительства, одной из важных составляющих которой было стимулирование внутреннего спроса. Согласно существующей в Беларуси практике, планируемый уровень заработной платы устанавливается Программой социально-экономического развития и, как правило, рассчитывается в долларах США. При этом в Беларуси вплоть до 2011 г.⁴⁴ действовала единая тарифная сетка (ЕТС), устанавливавшая ставки оплаты труда, обязательные для применения на предприятиях всех форм собственности, что позволяло контролировать уровень зарплаты. Рост зарплаты в Беларуси в период 1998 – 2008 гг. (в пересчете) произошел более чем в 10 раз - с 40 до 413 долларов США. Однако он замедлился после начала мирового финансово-экономического кризиса и вынужденного шага белорусского правительства по девальвации рубля на 30% в начале 2009 г. (Шиманович, Скриба 2011: 70-71). Тем не менее, к 2010 г., исходя из установленного планового показателя в 500 долларов США, последовало очередное повышение заработной платы.

По оценкам Минэкономики, за 2000 – 2009 г. реальная заработная плата в Беларуси увеличилась в 2,9 раза при ежегодном приросте в 12.8% (ПРООН 2010: 19). Данные о росте оплаты труда в Беларуси приводятся и неправительственными экспертами. Например, в отчетах НИСЭПИ подтверждается тенденция роста доходов населения (за исключением 2009 г.), хотя и с использованием других показателей (см. Таблицу 6).

Таблица 6. Данные о заработной плате в оценках НИСЭПИ 2006-2010 гг.

Показатель/ год	2006	2007	2008	2009	2010
Начисленная заработная плата (НЗП), в \$ по рыночному наличному курсу	275.5	327.2	415.8	355.2	413.0
Минимальный потребительский бюджет (МПБ), в \$ по рыночному наличному курсу	119.7	132.9	159.4	137.2	148.9
Реальная заработная плата (НЗП : МПБ), в МПБ	2.302	2.462	2.609	2.589	2.774
Индекс реальной заработной платы к	1.126	1.070	1.060	0.992	1.071

⁴⁴ В 2011 г. данная норма была изменена Указом Президента «О некоторых мерах по совершенствованию государственного регулирования в области оплаты труда» (№181 от 10 мая 2011 г.).

Показатель/ год	2006	2007	2008	2009	2010
предыдущему году					
Прирост реальной заработной платы к предыдущему году, %	+12.6	+7.0	+6.0	-0.8	+7.1
Индекс цен к предыдущему году (по МПБ), %	+12.3	+11.0	+19.9	-13.9	+8.5

Источник: НИСЭПИ. Динамика среднемесячной заработной платы. Доступно: <http://www.iiseeps.org/statistica/7> (режим просмотра: 15.08.2012).

В целом, по оценкам властей, в период 2006 – 2010 г. в Беларуси удалось выполнить заложенные в пятилетнюю «Программу социально-экономического развития» показатели (см. Приложение 6. Таблица «Выполнение показателей программы социально-экономического развития на 2006 – 2010 гг.»). При этом в качестве сохранявшихся проблемных моментов указывались: «сохранение недостаточно эффективной структуры экономики с высокой импортностью, материалоемкостью и энергоемкостью выпускаемой продукции при относительно низкой производительности труда», вследствие которых возникали «недостаточная конкурентоспособность продукции отечественного производства, снижение эффективности инвестиций», а также «несбалансированность во внешней торговле» (гл. 2 Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011 – 2015 гг.). Вместе с тем, оценить предлагаемые данные итоги не представляется возможным в силу неясности источников приведенных показателей, а также отсутствия критериев для определения эффективности реализации самой программы.

Таким образом, в период 2006 – 2010 гг. властям Беларуси удавалось поддерживать показатели, связанные с экономическим ростом, увеличением доходов населения, невысокой степенью неравенства и абсолютной бедности. Дизайн бюджетных расходов Беларуси позволял поддерживать высокий для региона уровень расходов на социальные нужды, включая не только непосредственно средства, выделяемые на социальную политику, но субсидирование и льготы для бытовых потребителей в сфере ЖКХ, а также поддерживаемых государством предприятий.

В сфере социальной защиты Беларусь вплоть до 2000-х гг. находилась вне характерного для соседних стран тренда либерализации

(Ярская-Смирнова 2005: 501-504), сохраняя систему, функционировавшую на основании несколько видоизмененных советских принципов. Изменения в социальной политике подчинялись логике политико-делового цикла и имели разрозненный характер. При этом, как и в других странах региона, одним их факторов, влияющих на изменения в сфере социальной политики, выступали взаимоотношения Беларуси с международными финансовыми институтами (МВФ, ВБ), продвигавшими проекты нелиберального реформирования в качестве условий получения заемных средств.

Начиная с 2007 г. реформирование системы социальной защиты приобрело более масштабный характер. Заявив о необходимости оптимизации государственных расходов, власти инициировали отмену универсального принципа оказания социальной поддержки. В результате которой произошло сокращение категорий граждан, имевших право на получение льгот⁴⁵, и дальнейшее развитие ГАСП. В июне 2007 г. Парламент принял закон «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан» (№ 239-3 от 14.06.2007),⁴⁶ вступивший в силу в декабре 2007 г. В декабре 2007 г. президент издал Указ №638 «О некоторых мерах государственной поддержки населения» (от 14.12. 2007), определявший виды и порядок оказания ГАСП.⁴⁷ Далее в течение нескольких следующих месяцев

⁴⁵ При этом сохранялись категориальные профессиональные льготы для сотрудников правоохранительных органов и военных.

⁴⁶В соответствии с Законом были отменены льготы для следующих категорий граждан: инвалиды III группы; лица, сопровождающие инвалидов ВОВ III группы и инвалидов войны, принимавших участие в военных действиях на территории других государств; граждане, незаконно репрессированные в период 1920-1980 гг. и впоследствии реабилитированные; определенные категории военнослужащих; лица, направленные в Афганистан в период с декабря 1979 г. до декабря 1989 г., уволенные в запас или выехавшие досрочно по уважительным причинам; члены семей, кроме родителей и детей лиц, погибших во время войны или военных действий. Законом устанавливались следующие категории льгот: льготы по лекарственному обеспечению, обеспечению техническими средствами социальной реабилитации, по санаторно-курортному лечению и оздоровлению (гл. 2 закона); льготы по проезду на пассажирском транспорте (гл.3); льготы по оплате за техническое обслуживание, пользование жилыми помещениями и коммунальными услугами; льготы по предоставлению услуг связи (гл. 4).

⁴⁷ ГАСП могла выделяться в виде ежемесячного либо единовременного социального пособия. Также предусматривалась возможность получения безналичных жилищных субсидий (для платы за пользование жилыми помещениями). В качестве критерия предоставления ежемесячного социального пособия (критерия нуждаемости) выступало наличие у заявителя среднедушевого

президент принимает ряд решений о восстановлении льгот для некоторых категорий граждан (например, льготы на проезд для пенсионеров в период сельскохозяйственных работ). В дальнейшем правовое регулирование сферы оказания адресной помощи и предоставления социальных льгот регулировалось президентскими указами. Так, в 2009 г. принят Указ № 458 «О государственной адресной социальной помощи» (от 14.09.2009, вступил в силу с 1.01.2010), где помимо ежемесячного и единовременного социального пособия⁴⁸ также предусматривалось пособие на оплату технических средств социальной реабилитации.⁴⁹

В результате этих изменений, количество категорий граждан, получавших социальные пособия, снизилось с 50-ти до 27-ми, количество домашних хозяйств, пользовавшихся льготами, уменьшилось с 2,4 млн. в 2007 г. до 1,5 млн. в 2008 г., а расходы бюджета на выплату льгот сократились с 1.0% ВВП в 2005 г. до 0,5 % ВВП в 2010 г. (ВБ 2011: 71). Однако параллельно в 2008 г. размеры предоставляемой ГАСП и число ее получателей увеличилось более чем в 3 раза (Белорусский ежегодник 2008: 289).⁵⁰ Как отмечают эксперты, хотя изменение порядка предоставления социальных льгот в 2007 г. и привело к сокращению количества получателей, в 2011 г. ими продолжало пользоваться около 40% жителей Беларуси (ВБ 2011: 75).

дохода, который по объективным причинам был ниже наибольшей величины БПМ за последние два квартала.

⁴⁸ Единовременное социальное пособие выделялось на приобретение продуктов питания, определенного набора товаров и на другие нужды для обеспечения нормальной жизнедеятельности, а также на оплату (полностью или частично) жилищно-коммунальных услуг

⁴⁹ Вместе с тем, нормы Указа 2009 г. имели ограничительный характер (например, вводились основания для отказа в предоставлении ГАСП в виде приобретения автомобильного средства, сдачи недвижимости в аренду и пр.). Также предусматривалась ответственность, с одной стороны, госорганов за ненадлежащее, несвоевременное рассмотрение заявлений о предоставлении помощи либо излишнюю бюрократизация процесса (например, требование дополнительных документов от заявителей). С другой, вводилась ответственность заявителя за предоставление ненадлежащих сведений. Параллельно увеличивался максимальный возможный срок получения ежемесячного социального пособия (с 3-х до 6-ти месяцев).

⁵⁰ При этом средний размер единовременного пособия остался низким – порядка 62 долларов США (174 тыс. белорусских рублей), а ежемесячного 23 доллара США (65,4 тыс. белорусских рублей) (Белорусский ежегодник 2009: 85).

В настоящее время в Беларуси действует 14 программ социальной помощи (*перечень программ в Приложении 7*), а также порядка 32 категориальных льгот и субсидий для ветеранов войны, инвалидов и других категорий граждан, предоставляемых на оплату услуг (например, оплату проезда в общественном транспорте, услуг ЖКХ). При этом количество программ, основанных на критерии нуждаемости всего 4 (ВБ 2011: 65), т.е. сохраняется широкий охват программами социальной помощи малообеспеченного населения при невысокой адресности последней. По оценке экспертов, самой значительной категорией расходов является выплата пособий на детей (ВБ 2011: 66). Хотя многие уязвимые социальные группы (например, безработные и бездомные) остаются без достаточного внимания со стороны системы социальной защиты (Chubrik et al. 2009). Кроме того, существуют дисбалансы в предоставлении социальной помощи, когда граждане, относящиеся к более высоким децилям распределения доходов, пользовались большими льготами, в результате чего на долю 20% наименее обеспеченного населения приходилось всего 40% социальной помощи (ВБ 2011: 75). В целом, реформирование системы социальной защиты не носило системного характера и ограничивалось введением отдельных новаций в целях оптимизации расходов госбюджета, которые достигались с разной степенью успешности.

3.4. Общественное мнение: оценка социально-экономического развития Беларуси

Структура поля социологических исследований (в части опросов общественного мнения) в Беларуси воспроизводит существующие расколы политического поля и демонстрирует разделение действующих в нем институтов⁵¹ на *провластные* (например, ИАЦ, Институт социологии НАН РБ) и *оппозиционные* (НИСЭПИ, НОВАК). Также существуют

⁵¹ Всего в настоящее время в Беларуси действует порядка 8 центров исследования общественного мнения. Наиболее известными из которых являются: зарегистрированный в Литве НИСЭПИ <http://www.iisepts.org/>, лаборатория аксиометрических исследований НОВАК <http://www.novak.by/>, Институт социологии НАН РБ <http://socio.bas-net.by/>, Центр социологических и политических исследований Белгосуниверситета (ЦСПИ БГУ) <http://www.cspr.bsu.by/Main%20Page.htm>, ИАЦ <http://iac.gov.by/>

небольшие агентства, стремящиеся сохранить нейтральные позиции по отношению к власти и фокусирующиеся преимущественно на маркетинговых исследованиях (Социологический центр «Заркало-инфо», центр системных бизнес-технологий «Сатио»).

Проведение социологических опросов в Беларуси обладает спецификой, связанной с формальными ограничениями на деятельность независимых социологических центров (в частности, необходимость аккредитации Комиссией по опросам общественного мнения Национальной академии наук⁵², планирующееся введение административной ответственности и наказания в виде штрафа за проведение опросов без аккредитации⁵³); а также политическим давлением на них со стороны белорусских органов власти (например, кампания давления на НИСЭПИ и его главу Олега Манаева со стороны властей, приведшая к закрытию института в Беларуси и его последующую перерегистрацию в Литве). Вместе с тем, оппозиционные белорусские социологические центры зависят от внешнего финансирования иностранных донорских организаций, вследствие чего последние имеют возможности влияния на содержательную часть их работы. В свою очередь прогосударственные центры исследования общественного мнения находятся в институциональной,⁵⁴ финансовой и политической зависимости от органов власти, являясь (особенно в преддверии президентских выборов) инструментами пропаганды. Кроме того, необходимо отметить проблемы в части методологии проводимых социологическими центрами исследований, в частности, проблемы выборки и определения трендов. Например, в национальных опросах

⁵² Порядок работы комиссии определяется Положением «О Комиссии по опросам общественного мнения при Национальной академии наук Беларуси», утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31.05.2002 N707 «О Комиссии по опросам общественного мнения при Национальной академии наук Беларуси».

⁵³ Соответствующие поправки в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) приняты Палатой представителей 26.07.2013 г., однако еще не вступили в силу. Более подробно об этом в статье Ю. Чаусова «Как наказать общественное мнение» // Наше мнение, 1.08.2013. Доступно: <http://nmnby.eu/news/express/5243.html> (режим просмотра: 3.08.2013).

⁵⁴ Например, согласно информации на сайте, общее руководство ИАЦ осуществляется Главой Администрации Президента РБ и его заместителем, курирующим деятельность Центра. Доступно: http://iac.gov.by/ru/about_iac/manag (режим просмотра: 15.08.2012).

НИСЭПИ остается неясным, каким образом формируется «многоступенчатая случайная выборка, репрезентативная для населения страны в возрасте 18 лет и старше», где «стандартный объем выборочной совокупности составляет примерно 1500 респондентов»,⁵⁵ поскольку центр не зарегистрирован в Беларуси и не имеет аккредитации для проведения опросов. Кроме того, при определении трендов общественного мнения этим же институтом маркирующие вопросы повторяются без четко установленной периодичности (в качестве примера разнообразия дат при выстраивании тренда можно привести раздел «Актуальные тренды» официального сайта НИСЭПИ, где не соблюдается требование регулярности исследований).⁵⁶ Необходимо также отметить проблему затруднения в получении данных о проведенных исследованиях провластными социологическими центрами. Так, информация о результатах исследований проводимых Институтом социологии НАН, а также ЦСПИ БГУ присутствует в сообщениях СМИ, но не на официальных сайтах данных организаций. Проблема с опубликованием данных опросов есть и у независимых центров, например, лаборатория НОВАК не публикует данные своих исследований, распространяя их преимущественно на основании адресной (платной) рассылки.

Отсутствие собственных источников финансирования, институциональная зависимость и формальные ограничения деятельности ведут к политической ангажированности белорусских социологических центров обоих видов. В случае провластных центров можно говорить об их использовании в качестве пропагандистского инструмента продвижения и обоснования существующего политического режима. В дискурсивном плане это проявляется на уровне описания их деятельности: например, сайт ИАЦ содержит специальный раздел

⁵⁵ По информации официального сайта НИСЭПИ <http://www.iiseps.org/poll.html> Из частных бесед с представителями оппозиционных центров исследования общественного мнения следует, что опросы проводятся при содействии официально зарегистрированных в Беларуси организаций.

⁵⁶ Раздел «Актуальные тренды» на официальном сайте НИСЭПИ <http://www.iiseps.org/trend.html>

«Руководителю»,⁵⁷ где публикуются материалы для проведения идеологической работы для сотрудников государственных органов и предприятий. В случае оппозиционных – существующие структурно-функциональные ограничения и зависимость от доноров также может оказывать влияние на их деятельность. Вместе с тем, данные этих центров являются единственными доступными в Беларуси и, с учетом существующих недостатков, могут выступать в качестве дополнительного источника анализа присутствия социальной проблематики в политическом поле Беларуси.

В данном подразделе рассматриваются результаты опросов в сфере социально-экономического развития независимых (в частности, НИСЭПИ и Новак) и провластных (ИАЦ) исследовательских центров. Исследования третьей группы центров (небольших коммерческих) не анализируются, поскольку, как правило, имеют локальный характер (например, центр «Инфо-зеркало» проводит опросы преимущественно в Минске) либо специализируются на более узкой тематике (исследования центра «Сатио»). Основные различия в данных, получаемых провластными и оппозиционными центрами в ходе опросов общественного мнения, связаны с формулировками вопросов в опросниках и определяемой центрами на основании интересов своих основных стэйкхолдеров тематикой, а также влияния на исследования политических запросов со стороны властных или оппозиционных субъектов, особенно ярко проявляющееся в предвыборный период.

Анализ тематики исследований различных центров в период 2006 – 2010 гг. показывает, что и прогосударственные, и оппозиционные центры включали в свои опросники вопросы, связанные с обозначением белорусскими гражданами наиболее *актуальных социальных проблем*. Например, в 2006 г. в опросе НИСЭПИ предлагался вопрос: «Какие проблемы для Вас будут наиболее важными при принятии решения за

⁵⁷ Раздел «Руководителю» официального сайта ИАЦ
http://iac.gov.by/ru/help_head/metod_materials

кого голосовать на следующих президентских выборах?». В ответах респондентами в числе первых по значимости указывались: «общее качества жизни» - 44.2%; «рост цен» - 31.8%; «улучшение здравоохранения» - 24.8%; «рабочие места» - 23.1%, «выплата пенсий» - 15.4% (НИСЭПИ 2006(1)). К выборам 2010 г. данный набор не претерпел существенных изменений и среди приоритетных по-прежнему назывались: «общее качество жизни» - 45.5%; «рост цен» - 24.7%; «рабочие места» - 15.0%; «улучшение здравоохранения» - 13.9%; «выплата пенсий» - 12.0% (НИСЭПИ 2010). Характерно, что в обоих случаях в расстановке приоритетов белорусских граждан занимали социальные проблемы более высокие позиции по сравнению с категориями, связанными с гражданскими и политическими свободами, такими как: «потребность свободы в Беларуси», «отношения с Западом», «отношения с Россией», «коррупция в обществе», «свобода вероисповедания». Единственное исключение составляла категория «демократия и независимость», которую в 2006 г. отмечали в качестве определяющей для выбора кандидата при голосовании 18% опрошенных, а в 2010 г. - 17.5% опрошенных.

Тема мирового финансово-экономического кризиса появилась в опросах в качестве социально-значимой и влиявшей на благосостояние граждан в конце 2008 г., хотя при этом в исследованиях НОВАКа отмечалось, что в представлении белорусов кризис в Беларуси имел меньшее влияние, чем в других странах. Однако после 2009 г. оценка влияния кризиса начала изменяться. Так, если в ноябре 2008 г. количество опрошенных затруднявшихся ответить на вопрос о том, коснулся ли кризис Беларуси, составляло 19.3%, то уже в феврале 2009 г. этот показатель был 9.0%. Вместе с тем, количество полагающих, что «кризис есть, и не меньше, чем в других странах», постепенно увеличивалось, и к декабрю 2009 г. достигло большего значения (45.7%), чем количество людей, считающих, что «кризис [в Беларуси] есть, но меньше, чем в других странах» (42.2%) (Ефимова 2009: 240 – 241). В

материалах провластных центров тема кризиса также нашла свое отражение. Например, в данных ИАЦ за 2009 г. указывалось, что на вопрос о проблемах, вызывающих наибольшее беспокойство в международной обстановке, 57.4% опрошенных указали мировой финансово-экономический кризис (ИАЦ 2009:12).

После проявления в Беларуси последствий кризиса, перечень социально-значимых проблем в представлениях белорусских граждан возглавили проблемы *роста цен и безработицы*, что нашло свое отражение в данных как провластных, так и оппозиционных центров. По данным опросов НОВАКа и ИАЦ, проведенных в 2009 г., в качестве наиболее значимых социальных проблем назывались: *рост цен*; *алкоголизм*; *жилищная проблема* (недоступность жилья); *безработица* (нехватка рабочих мест) (см. Таблицу 7). По этим категориям и порядку их значимости для белорусского общества результаты опросов двух центров совпадают. Кроме того, в них также присутствуют такие проблемы как: *кризис морали, культуры, нравственности и воспитание молодежи*; *ухудшение состояние окружающей среды* (экологические проблемы); *наркомания и токсикомания*. В материалах ИАЦ в качестве приоритетных отмечаются и проблемы в сфере ЖКХ, образовании, здравоохранении, а также политические проблемы (внутренние и внешние), тогда как в рейтинге НОВАКа дополнительно фигурируют экономические проблемы (в частности, спад производства в экономике). Вместе с тем, результаты опросов НИСЭПИ в декабре 2008 г. несколько отличаются по выделяемым социальным проблемам. Так, на вопрос (с возможностью нескольких вариантов ответа): «Какие проблемы наиболее остро стоят сейчас перед нашей страной и ее гражданами?» первую позицию занимал ответ - «*рост цен*» (82.5%), за ним следовали «*обнищание населения*» (37.8%) и «*безработица*» (35.7%) (НИСЭПИ 2008 (1)). В отношении остальных выделяемых НИСЭПИ проблем наблюдается пересечение как с данными НОВАКа (позиция «спад производства»), так и с данными ИАЦ («коррупция», «демографическая

ситуация», «раскол общества»). В категоризации проблем НИСЭПИ экологические вопросы интерпретируются в качестве «преодоления последствий Чернобыльской катастрофы», а проблемы в сфере культуры как «упадок национальной культуры».⁵⁸

Таблица 7. Ранжирование социальных проблем Беларуси в данных социологических центров 2008, 2009 гг.

НОВАК	ИАЦ	НИСЭПИ
1. Высокие, постоянно растущие цены на продукты и товары (68.4%);	1. Рост цен (67,8%)	1. Рост цен (82.5%)
2. Алкоголизм (43.9%);	2. Алкоголизм (49,4%)	2. Обнищание населения (37.8%)
3. Недоступность жилья (27.3%);	3. Жилищная проблема (42,7%)	3. Безработица 35.7
4. Нехватка рабочих мест, безработица (21.1%);	4. Безработица (37,8%)	4. Спад производства (31.7%)
5. Неопределенность своего будущего и будущего детей (19.9%);	5. Воспитание молодежи (27,0%)	5. Коррупция, взяточничество (26.0%)
6. Кризис морали, культуры и нравственности (15.6%);	6. Преступность (26,5%)	6. Преступность (20.8%)
7. Ухудшение состояния окружающей среды (15.3%);	7. Расслоение общества на бедных и богатых (23,7%)	7. Отсутствие порядка, законности (20.6%)
8. Наркомания, токсикомания (15.2%);	8. Коррупция (21,4%)	8. Нарушение прав человека (20.1%)
9. Равнодушие, апатия в обществе (12.9%);	9. Ситуация в сфере здравоохранения (21,2%)	9. Уменьшение численности населения (14.9%)
10. Спад производства в экономике (10.3%)	10. Низкий уровень культуры населения (19,0%)	10. Угроза Запада (13.0%)
	Наркомания (17,8%); Экологические проблемы (охрана окружающей среды) (15,5%); Демографическая ситуация (рождаемость, смертность) (11,5%); Ситуация в сфере образования (11,5%); Ситуация в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) (9,6%); Энергетическая безопасность (9,0%); Угроза террористических актов (8,3%); Политические противоречия внутри страны (2,3%); Межнациональная напряженность (1,0%); Напряженность на религиозной почве (0,3%).	Преодоление последствий Чернобыльской катастрофы (10.6%); Международная изоляция Беларуси (9.8%); Упадок национальной культуры (8.1%); Угроза потери независимости Беларуси (5.2%); Раскол общества (4.0%).

Источник: материалы опросов лаборатории НОВАК (Ежегодник 2010: 278), ИАЦ (2009 пресс-выпуск №5), НИСЭПИ (национальный опрос, декабрь 2008 г.).

Однако оценка кризиса в опросах стала изменяться к 2010 г. с выходом политико-административного цикла на предвыборную стадию. Так, в данных опроса НИСЭПИ за март 2010 г. 25.6% опрошенных указали, что «нас ожидает углубление кризиса и нарастание связанных с ним проблем», однако количество оценивавших кризис в Беларуси как завершённый этап преобладало. Мнения «кризис уже "достиг дна" и "хуже не будет"» придерживалось 38.3% опрошенных, «Беларусь уже начала выходить из кризиса» - 26.6% (и «затруднились с ответом» 9.5%). В материалах ИАЦ за первый квартал 2010 г. также воспроизводилась

⁵⁸ Интересно, что при этом только в опросе НИСЭПИ выделена в отдельную категорию «угроза Запада».

«бескризисная» парадигма, декларировавшая повышение оценки белорусскими гражданами уровня своего благосостояния: «по мнению 51% опрошенных социально-экономическое положение в республике остается стабильным. На постепенное его улучшение указали 21.5%, столько же граждан (20.0%) отметили ухудшение. За год значительно повысилось количество граждан, которые считают социально-экономическое положение в республике стабильным (с 40.0% до 51.0%) и отмечающих его улучшение (с 13.0% до 21.5%). Соответственно, существенно снизилось количество отметивших ухудшение положения (36.5 до 20.0%) (ИАЦ, 2010 пресс-выпуск 17). Таким образом, к началу избирательной кампании кризис, если и оказывал влияние на экономику, оставался выпадающей категорией для белорусских граждан в оценках оппозиционных и провластных социологических центров.

Тематика изменения порядка предоставления льгот появилась в опросах НИСЭПИ вскоре после вступления в силу соответствующих нормативных актов. Так, в 2008 г. в опросе НИСЭПИ задавался вопрос относительно сокращения льгот для большинства категорий населения. Полученные данные свидетельствовали об отсутствии поддержки данного шага: его «не одобряли» 75.9% против 20.1% опрошенных. При этом в качестве основных инициаторов отмены льгот в общественном мнении фигурировали президент (61.0%) и парламент (20.0%) (НИСЭПИ 2008 (2)). Тема изменения порядка предоставления льгот поднималась также и провластными центрами, однако не в опросах, а в интерпретационных материалах, направленных на пропаганду эффективности проведенных изменений (например, сборник ИАЦ 2008).

Основной сферой несовпадения данных провластных и оппозиционных центров была оценка качества, уровня жизни в Беларуси, а также моделей и перспектив социально-экономического развития страны. Согласно данным НИСЭПИ, в феврале 2006 г. при ответе на вопрос «Как бы вы оценили качество Вашей жизни?» только 1.8% опрошиваемых указывали «очень хорошее»; 16.1% - «довольно

хорошее»; 57.6% - «среднее»; 16.9% - «довольно плохое»; «очень плохое» - 6.7% и затруднялись ответить – 0,9% (НИСЭПИ 2006 (1)). В течение конца 2005 – 2010 гг. максимально высокий показатель оценки своего материального положения как «улучшившегося», согласно опросам НИСЭПИ, был зафиксирован в 2006 г. (21.0% опрошенных) со снижением до минимума (10.9% опрошенных) в 2009 г.; и последующим ростом к выборам 2010 г., когда его значение составило 18.7%. Аналогичная закономерность наблюдалась при оценке материального положения как «ухудшившегося» с минимальным показателем в 2006 г. (12.8%), максимальным в 2009 г. (36.9%) и уменьшением количества недовольных (23.6%) к президентским выборам (по данным сайта НИСЭПИ, раздел «Динамика белорусского общественного мнения»). Вместе с тем, в интерпретации результатов опросов ИАЦ в 2010 г. говорилось, что «на протяжении трех лет (с 4-го квартала 2007 г.) стабильность материального положения подтверждают около половины опрошенных (в среднем, 48.0%). При этом рост граждан, относящих себя к категории «среднего достатка», с 2006 по 2010 гг. увеличился с 65.0% до 81.0% (ИАЦ Пресс-выпуск №24 2010).

Аналогичное расхождение наблюдается и при оценке модели социально-экономического развития Беларуси. В опросе ИАЦ за 2 квартал 2009 г. при ответе на вопрос: «Насколько вы согласны, что Беларусь, в целом, развивается в правильном направлении?» отмечалось, что 72.6% опрошенных указали - «полностью согласен» и «скорее согласен»; 19.3% - «скорее не согласен, не согласен»; 8.0% - «затрудняюсь ответить, нет ответа» (ИАЦ пресс-выпуск №10, 2009). Вместе с тем, в опросах НИСЭПИ, оценивавших «развитие положение вещей в стране» в «правильном» направлении в сентябре 2009 г. составляло 53.3%, а в «неправильном» - 31.0% (по данным сайта НИСЭПИ, раздел «Динамика белорусского общественного мнения»)

В опросах НИСЭПИ можно также выделить некоторые данные, относящиеся к оценке режима благосостояния и практик распределения.

В большинстве случаев вопросы в данной сфере задавались только один раз, вследствие чего невозможно проследить тенденции либо динамику изменений общественного мнения. В 2006 г. при ответе на вопрос о роли государства в обеспечении занятости в контексте публичных высказываний президента Лукашенко относительно недопустимости «иждивенчества», данные опросов демонстрировали *патерналистские установки*, где государству отводилась главная роль как в обеспечении работой (43.8%), так и обязанности поддерживать безработных (33.1%).⁵⁹ Количество придерживающихся индивидуалистических либеральных установок в данном вопросе составило 18.8% (НИСЭПИ 2006 (2)).

Схожие установки были выявлены и в 2009 г. при ответе на вопрос о наилучшей модели взаимоотношений между государством и гражданами в 2009 г., когда большинство опрошенных продемонстрировало *патерналистское* понимание роли государства, как субъекта, заботящегося о своих гражданах и «обеспечивающего им достойный уровень существования» (53.4%). Либеральные представления (государство как «устанавливающее единые для всех правила игры» арбитра и государство, которое «должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность») даже при суммировании (27.0% и 17.2%, соответственно) отставали от этого показателя (НИСЭПИ 2009).

В оценке уровня своего благосостояния и достатка в сравнении с гражданами соседних государств опрашиваемые оценивали его как более низкий по сравнению с западными соседями (Литвой, Латвией, Польшей), но отмечали, что люди живут «хуже, чем в Беларуси» в Украине (56.1%) и России (28.1%) (см. Таблицу 8).

Таблица 8. Оценка уровня своего благосостояния гражданами Беларуси

⁵⁹ Интересной перспективой в данном вопросе могло бы быть сравнение установок граждан Беларуси и соседних государств (в частности, Литвы). Например, в одном из исследований о роли государства, индивида и семьи в социальном обеспечении в Литве (Butkeviciene 2012) указывается, что все еще существуют высокие (хотя и противоречивые) ожидания относительно роли государства в обеспечении социального благосостояния, в частности, в отношении пожилых людей, безработных, а также людей, страдающих серьезными физическими и психическими заболеваниями. Хотя при этом и отмечается наличие рационалистических установок, когда в ситуации индивидуального выбора (например, развода, рождения детей), признается индивидуальная ответственность.

Вопрос: Как, на Ваш взгляд, живут люди в соседних странах?

Вариант ответа	Лучше, чем в Беларуси	Так же, как в Беларуси	Хуже, чем в Беларуси	З/НО
В Польше	50.8	26.0	11.4	11.8
В Латвии	39.7	26.3	18.0	16.0
В Литве	36.8	27.3	20.0	15.9
В России	24.6	40.7	28.1	6.6
В Украине	10.9	26.0	56.1	7.0

Источник: НИСЭПИ. Национальный опрос, апрель 2006 г.

Однако, когда опрашиваемым предлагалось оценить уровень «справедливости» общества (задавался вопрос: «Какое общество, на Ваш взгляд, является наиболее справедливым?»), как «*наиболее справедливое*» называлось белорусское (28.1%). При этом проводилось сравнение с немецким (23.7%), американским (20.6%), российским (3.4%) и польским (6%). Количество затруднившихся ответить на этот вопрос составило 18.2% (НИСЭПИ 2011).

Подводя итоги, необходимо отметить, что в период 2006 - 2010 гг. в данных опросов общественного мнения провластных и оппозиционных социологических центров присутствовали схожие оценки социально-экономического развития Беларуси. Это проявлялась в обозначении наиболее значимых социальных проблем, а также оценке влияния мирового финансово-экономического кризиса на ситуацию в Беларуси. Вместе с тем, данные центров расходились при оценке общих тенденций развития Беларуси, а также показателей, связанных с перспективами развития социально-экономической ситуации. Вопросы, связанные с режимом благосостояния, практиками распределения и ролью государства в решении социально-экономических проблем присутствовали в опросах центров обоих видов, эпизодически, что не дает достаточных оснований для обобщений, однако разрозненные данные демонстрируют высокие ожидания белорусских граждан в отношении государства, как основного субъекта их решения.

3.5 Обобщение главы 3

В главе рассмотрены различные аспекты оценки социально-экономической ситуации в Беларуси, а также некоторые инструменты регулирования экономической и социальной политики. Согласно проведенному анализу вторичных данных, показатели Беларуси в

оценках международных организаций имеют наивысшие значения в сфере социального развития с постепенным ухудшением при переходе к экономической и политической сферам. Последнее обстоятельство обусловлено, в том числе, особенностями политики белорусских властей, которая прагматично направлена на поддержание как можно более высоких социальных и, в особенности, экономических показателей, как обеспечивающих возможности привлечения заемных ресурсов. Дополнительным средством обеспечения выгодных власти показателей является национальная статистика, которая, не смотря на ряд технических новаций, по-прежнему имеет ряд проблем с инструментарием измерений, остается подконтрольной государству и подвержена влиянию политико-делового цикла. Не смотря на то, что международные эксперты (в частности, Всемирного Банка) отмечали некоторые позитивные моменты социально-экономического развития Беларуси, параллельно ими указывалось на отсутствие систематического реформирования и высокой зависимости государства от внешних заимствований, что противоречит тезисам властей о целях *устойчивого развития*. Кроме того, отмечено пропагандистское использование властями благоприятных оценок международных рейтингов и национальной статистики на фоне игнорирования или критики негативных, не вписывающихся в рамки саморепрезентации режима.

В регулировании социальной политики в период 2006 – 2010 гг. наблюдалась непоследовательность, когда заявляемые цели не всегда соответствовали получаемым результатам (например, ситуация отмены универсального принципа предоставления льгот в целях оптимизации бюджетных расходов и повышения адресности льгот). Указанное несоответствие целей и результатов изменений можно объяснить несистемным характером реформирования социальной сферы и необходимостью поддерживать популистские основания режима в предвыборный период (прежде всего, всеобщей занятости, субсидирования услуг ЖКХ, финансирования программ кредитования).

Вместе с тем, расходы на социальную сферу в Беларуси в этот период все еще оставались довольно высокими по сравнению с соседними странами, где реформирование системы социальной защиты было уже проведено.

Не смотря на разницу позицией по отношению к власти центров исследования общественного мнения, можно говорить о схожем наборе выделявшихся ими социальных проблем в Беларуси и оценке влияния финансово-экономического кризиса. Однако оценки ими политических тем и вопросов стратегического развития различались. Хотя данные социологических опросов не содержат достаточно информации для определения тенденций, тем не менее, по результатам некоторых из них можно говорить о наличии *патерналистских* установок относительно роли государства в представлениях белорусских граждан. Вместе с тем, можно предположить, что данные установки могут изменяться при переходе на индивидуальный уровень, где доля либеральных представлений может увеличиваться.

Необходимо также отметить, что позитивные показатели международных рейтингов, данные национальной статистики, а также опросов общественного мнения (преимущественно, провластных центров) активно использовались в высказываниях различных властных субъектов. В то время как оппозиционные субъекты преимущественно ссылались на данные опросов независимых социологических центров (в особенности, НИСЭПИ) и намного реже других источников. В случаях использования последних апелляция происходила, в основном, к негативным показателям.

Глава 4. Политическое поле Беларуси

В главе 4 с фокусом на происходившие в период 2006 – 2010 гг. внутривнутриполитические события и с учетом внешнеполитического контекста представлен анализ политического поля Беларуси и обозначены его основные субъекты. Представлен обзор институциональной структуры государственного управления, проанализирована модель взаимоотношений государства и третьего сектора, а также рассмотрены дискурсивные разломы политического поля и их идейные (идеологические) составляющие, как часть политической рамки, определяющей существующий в стране режим благосостояния.

В качестве значимых событий, актуализирующих социальную тематику в высказываниях различных политических субъектов, проанализированы две президентские избирательные кампании (2006, 2010 гг.), а также изменение порядка предоставления социальных льгот, инициированное властью в 2007 г. Избирательная кампания в Парламент 2008 г. не рассматривалась отдельно в силу невысокой значимости для политической системы Беларуси.

Период 2006 – 2010 гг. в политическом плане характеризовался для Беларуси дальнейшей консолидацией недемократического режима, хотя одновременно власти вынуждены были пойти на некоторые изменения (во многом декоративного характера), направленные, прежде всего, во внешнеполитическую среду. Данный курс получил на официальном уровне название «либерализации»,⁶⁰ и был вызван ухудшением отношений с Россией (проявившемся в 2006 г.), вследствие чего белорусское правительство «балансирует» между Россией и Западом. Вместе с тем, парламентские выборы 2008 г. вновь прошли с характерными для недемократического режима нарушениями и были оценены международными наблюдателями, как несоответствующие

⁶⁰ Например, материал «Рассеивая три мифа, публикация Министра иностранных дел Сергея Мартынова, Интернэшнл Геральд Трибьюн» (2008 г.), где в контексте вступления страны в программу «Восточное партнерство» подчеркивается, что «Беларусь по-настоящему находится на пути либерализации». Доступно: <http://mfa.gov.by/press/smi/e9687be605a0b84c.html> (режим просмотра: 10.09.2012 г.).

международным стандартам (OSCE 2008). А период «либерализации» окончился силовым разгоном мирной демонстрации после президентских выборов 2010 г. и последовавшим «откатом» в отношениях Беларусь-ЕС (продолжение политики санкций, приостановка европейскими структурами контактов с государственными чиновниками и пр.). В то время как отношения с Россией, хотя и имели неровный характер, оставались определяющими для внутривнутриполитической ситуации в Беларуси и ее политического поля.

Кампания по выборам президента 2006 г. проходила в условиях актуализировавшегося внешнеполитического конфликта Беларуси и России и прогнозируемого усиления «роевропейского вектора» белорусской внешней политики. Однако данные изменения не привели к качественным улучшениям условий проведения выборов: возможности альтернативных кандидатов были по-прежнему ограничены, отмечалось давление на гражданских активистов до и после выборов. Статус кандидата получило только четверо из зарегистрированных восьми инициативных групп: глава БСДП (Грамада) **Александр Козулин**; президент **Александр Лукашенко**; единый кандидат от демократических сил **Александр Милинкевич** и председатель ЛДПБ **Сергей Гайдукевич**.

Согласно данным Центризбиркома, на состоявшихся 19 марта 2006 г. выборах за Лукашенко проголосовало 83.0% избирателей, за Гайдукевича – 3.5%, за Милинкевича – 6.1%, за Козулина – 2.2%, «против всех» - 3.5% избирателей.⁶¹ Миссия ОБСЕ по наблюдению признала выборы «не соответствующими обязательствам в рамках ОБСЕ и международным стандартам проведения выборов» (OSCE 2006). Последующий разгон палаточного городка протестующих, аресты политических активистов, и осуждение на пять с половиной лет лишения

⁶¹ Сведения об итогах выборов Президента Республики Беларусь 2006 г. Доступно: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PRB2006-Sved1.pdf> (режим просмотра: 30.07.2012).

свободы⁶² Козулина вызвали негативную реакцию со стороны международного сообщества, что не отразилось на политике белорусских властей в отношении оппозиции.

Общую рамку кампании по выборам президента 2010 г. определяли условия декларируемой белорусскими властями «либерализации», а также попытки политической «перезагрузки» отношений с Западом. Результатом стали незначительные улучшения положения гражданского общества в Беларуси, а также уменьшение давления на оппозиционных кандидатов в ходе избирательной кампании и внесение нескольких изменений в Избирательный кодекс. На выборы было зарегистрировано 10 кандидатов, включая президента Лукашенко.

Согласно данным Центризбиркома Республики Беларусь, кандидаты на выборах 2010 г. получили следующее количество голосов: Костусев - 1.97%; Лукашенко - 79.65%; Михалевич – 1.02%; Некляев – 1.78%; Романчук – 1.98%; Рымашевский – 1.09%; Санников – 2.43%; Статкевич – 1.05%; Терещенко – 1.18%; Усс – 0.38%.⁶³ Миссия ОБСЕ в финальном отчете наряду с отмеченными улучшениями указывала на ряд серьезных недостатков в ходе проведения выборов (OSCE 2010). В ночь после выборов произошел силовой разгон мирных протестных демонстраций и массовые аресты участников мирных протестов.

4.1. Особенности политического поля Беларуси

Для определения понятия *недемократический режим* в работе использован подход Линца (Linz 2000:54). В соответствии с которым, белорусский режим можно отнести к категории *недемократического* вследствие наличия следующих характеристик: несменяемый патерналистский лидер; отсутствие правящей партии на фоне ограниченного политического плюрализма, допускающего деятельность лояльных власти организаций; стремление существующей власти

⁶² Александр Козулин обвинялся в злостном хулиганстве, организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок

⁶³ Центризбирком РБ: Сведения о результатах голосования по выборам Президента РБ 19 декабря 2010 г. Доступно: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PRB-sved21.pdf> (режим просмотра: 30.07.2012)

ограничить любые другие (нелояльные) формы объединений; ограничения свободы слова и других гражданских прав; недопуск на политическое поле оппонентов. Характерной особенностью институционального (конституционного) дизайна политической системы Беларуси является нарушение принципа разделения властей, где основным субъектом является обладающий широкими полномочиями президент. Политическая сфера Беларуси сохраняет признаки *гомогенизации* общества (в определении Банс/ Вунсе) с огосударствлением всех институтов общества (цит. по Ховард 2009: 36-37).

С определенной долей условности и признания существующих расхождений между формирующими его субъектами (Гансэн 2006: 121-122), белорусский политический дискурс можно разделить на две основные составляющие: *властный*⁶⁴ и *оппозиционный*. В дискурсивном отношении белорусский политический режим существует в режиме *самоописания* (Козакевіч 2006), представляя себя во многочисленных источниках (что однако не приводит к созданию многочисленных смыслов): официальных выступлениях, монополией на СМИ (прежде всего, телевидение), в официальных текстах - учебниках, журналах и пр. В центре «белорусской модели» власти находится оппозиция «мы - они», на которой и основывается структура властных отношений (Козакевіч 2004; Гансэн 2006).

Особенностью социальных акторов в Беларуси является то, что часто обладая соответствующим формальным статусом (например, политических партий или НГО), они в силу специфического институционального дизайна функционально ему не соответствуют. Наиболее очевидно данное «несовпадение» проявляется в отсутствии демократического разделения властей, в также во взаимоотношениях государство-третий сектор, где организации (например, профсоюзные (ФПБ), молодежные (БРСМ)) в силу аффилированности с государством

⁶⁴ В терминологии белорусских и зарубежных исследователей «официальный».

становятся инструментами реализации политики и утрачивают субъектность.

Вместе с тем, складывающиеся в рамках институтов формальные и неформальные процедуры, нормы и образцы поведения помогают поддерживать легитимность всей недемократической системы Беларуси. Сложившаяся за 19 лет пребывания у власти одного человека институциональная система не соответствует требованиям экономической рациональности, но обеспечивают ее легитимизацию и устойчивость системы. Институциональный дизайн политической системы Беларуси несколько раз принципиальным образом изменялся, в нем «корректировалось» соотношение ветвей власти (посредством двух референдумов), изменялась под нужды одного субъекта Конституция, а также создавалось ряд органов, дублирующих созданные после установления независимости «классических» политических институтов (например, правительство, функции которого дублируются Администрацией президента). Однако параллельно с усилением роли государства развивались и «новые» институты общества, прежде всего, политические партии и организации третьего сектора, однако и они были существенно трансформированы вследствие изменяющихся правил игры и в соответствии с волей одного политического субъекта норм. В отличие от соседних стран Балтии, где институциональный дизайн разрабатывался, следуя логике происходивших изменений, ситуация в Беларуси была более подвержена субъективному политическому фактору.

4.2 Властные политические субъекты

Находящийся во власти с 1994 г. президент Александр Лукашенко не только формально возглавляет государство, но и осуществляет законодательные функции, в частности, право издания нормативных актов, имеющих силу закона декретов и указов (ст. 2 закона № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10.01.2000). Он также имеет широкие полномочия по назначению должностных лиц,

относящихся к другим ветвям власти,⁶⁵ включая назначение главы правительства (премьер-министр) (с согласия нижней палаты). В институциональном плане укреплению президентских позиций способствовало увеличение значения в политической системе подотчетного ему органа – Администрации президента. В дискурсивном отношении в период 2006 – 2010 гг. президент находился на позиции основного спикера, определявшего содержание официального нарратива.

Созданная в 1994 г., а затем реформированная в 1997 г.⁶⁶ Администрация президента является одним из наиболее закрытых органов государственного управления. Так, у данной институции нет собственного интернет-сайта, отсутствуют сведения о нем и на официальном интернет-сайте президента. Сферу компетенций Администрации составляют организационное, информационно-аналитическое и правовое обеспечение деятельности президента (п. 4.4 Положения «Об Администрации президента»), включая широкие функции в сфере государственного управления.⁶⁷

Де-факто именно Администрация президента решает ряд вопросов публичной политики (ее сотрудники готовят законодательные акты президента и законопроекты для последующего внесения в парламент). В частности, этому органу принадлежала ведущая роль в разработке и

⁶⁵ Например, право назначать половину (шесть из двенадцати) судей Конституционного Суда, иных судей. А также Председателя Конституционного Суда, Председателя Верховного Суда, Председателя Высшего Хозяйственного Суда, Председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, Председателя и членов Правления Национального банка (с согласия Совета Республики и правом их отстранения от должностей только с уведомлением последнего) (ст. 84 Конституции Республики Беларусь). Президент назначает восемь (из 64-х) депутатов верхней палаты парламента. В сфере исполнительной власти: определение структуры правительства, назначение и освобождение от должности заместителей премьер-министра, министров и других членов правительства, а также принятие единоличного решения об отставке Правительства или его членов (ст. 84 Конституции Республики Беларусь).

⁶⁶ Нормативно деятельность органа определяется Положением «Об Администрации Президента Республики Беларусь», утверждены соответствующим Указом президента Республики Беларусь № 97 от 23.01.1997.

⁶⁷ Например, «участие в подготовке предложений по определению концептуальных основ государственной политики и механизма ее реализации», «внесение предложений по реализации полномочий президента в области контроля за актами Правительства» (пп. 5.7, 5.11 Положения). Руководители структурных подразделений Администрации имеют право участвовать в работе органов госуправления (п. 23.3).

продвижении законопроекта об изменении порядка предоставления льгот (2007 г.). В публичных выступлениях, связанных с этим событием, основная роль отводилась первому заместителю главы администрации **Наталье Петкевич**. Пребывавший в должности Главы администрации **Владимир Макей** являлся главным спикером по вопросам внешней политики Беларуси, а также возглавлял Общественно-консультативный совет при Администрации президента.⁶⁸

Таким образом, не смотря на непрозрачность структуры и деятельности данного органа, публичная активность ее отдельных чиновников после 2008 г. возрастала (Ежегодник 2009: 9) и была, по некоторым оценкам выше, чем у депутатов парламента и членов правительства. Ровдо (Роўда 2011: 138) характеризует данную структуру как дублирующую работу правительства и проводит аналогию с «направляющей» ролью ЦК КПБ в СССР. Эксперты указывали, что Администрация «вбирала» в себя полномочия других органов власти, в частности, Министерства иностранных дел и Правительства (Ежегодник 2008: 7-8).

Роль правительства в политической системе Беларуси оценивается как номинальная (Ежегодник 2008: 10). Совмин возглавляет назначаемый президентом и утверждаемый парламентом премьер-министр. Срок полномочий правительства привязан к сроку полномочий президента, который и формирует его состав. Конституционно предусмотрено право президента по собственной инициативе принимать решение об отставке правительства и освобождать от должности любого министра (ст. 106 Конституции Республики Беларусь). Согласно оценке Ровдо, в ситуации фактического отсутствия полномочий у Совмина он становится органом, на который «руководитель государства с удовольствием перекладывает ответственность за собственные ошибки» (Роўда 2011:137). В

⁶⁸ Общественно-консультативный совет – структура, созданная в 2009 г. в рамках общей политики «либерализации» белорусской власти. В состав Совета наряду с чиновниками были включены 10 оцениваемых властью в качестве «умеренных» представителей белорусской оппозиции (более подробно см. Белорусский ежегодник 2009: 15 -17).

дискурсивном отношении данную закономерность можно проследить на уровне высказываний президента относительно достижений и недостатков социально-экономического развития страны. Например, во время избирательной кампании Лукашенко 2006 г. для описания позитивных тенденций использовался эпитет *наши* («Лукашенко с народом») достижения, в то время как негативные тенденции трактовались как «*неисполнение правительством установленных показателей*». Так, в одном из отчетных выступлений Лукашенко звучала следующая фраза: «Необходимо прямо сказать, здесь установленные задания *правительство не выполнило*» (из выступления Лукашенко на 3-м Всебелорусском собрании, 2006).

В анализируемый период правительство возглавлял премьер-министра **Сергей Сидорский**. Основные задачи правительства находились в сфере экономики, в частности, обеспечения экономического роста и достижения установленных прогнозных показателей, что противоречило реалиям мирового финансово-экономического кризиса, но определяло деятельность Совмина (Ежегодник 2008: 28; Ежегодник 2009: 27). В публичном плане деятельность правительства оставалась в тени активностей президента. Премьер-министр и вице-премьеры, в отличие от высших чиновников Администрации, выступали спикерами, скорее, «по обязанности», разъясняя реализуемую политику,⁶⁹ без создания и привнесения во властный нарратив новых по содержанию высказываний. Такой же была роль и представителей различных министерств, которые помимо информирования о своей основной деятельности либо событиях, относящихся к их непосредственной компетенции, в контролируемых государством СМИ, публично редко проявляли себя.

⁶⁹ Одним из немногих исключений из данной тенденции стала попытка премьер-министра Сергея Сидорского летом 2010 г. выступить с предложением о переносе сроков погашения кредитов для некоторых белорусских предприятий, что было негативно оценено президентом. Вслед за этим в СМИ появилась информация о вероятной отставке премьера, которая, однако, произошла только после выборов (в декабре 2010 г.). См. статью «Политический аспект. Премьер Беларуси Сидорский на грани... отставки» // интернет журнал «Биржевой лидер», 29.08.2010). Доступно: <http://www.profi-forex.org/news/entry1008054260.html> (режим просмотра 10.09.2012).

Министерство труда и социальной защиты в период 2006 – 2009 гг. возглавлял **Владимир Потупчик**, а после его повышения до позиции заместителя премьер-министра, на эту должность вступила исполнявшая ранее обязанности замминистра **Марианна Щеткина**. Характерно, что при принятии решения об отмене льгот министерство разрабатывало соответствующие предложения совместно с Администрацией президента.

Двухпалатный парламент Беларуси (Национальное Собрание),⁷⁰ обладая широкими формальными полномочиями, де-факто зависит в своей деятельности от президента и Администрации. В логике недемократического режима деятельность парламента характеризуется недостатком публичности.⁷¹ В период 2006 – 2010 гг. в Беларуси происходила смена состава парламента третьего созыва (2004 – 2008 гг.) и избирались депутаты четвертого созыва (2008 – 2012 гг.). Роль парламента на политическом поле в течение всего рассматриваемого периода была незначительной. После конституционного кризиса 2004 г. сузились возможности депутатов для самоорганизации и реализации депутатских инициатив и внутри парламента. Так, если в парламенте второго созыва (2000 – 2004 гг.) действовало 6 депутатских групп, две из которых («Союз экономического развития» (СЭР) и «Республика») выступали с рядом самостоятельных инициатив,⁷² то в составе палаты представителей третьего созыва депутатских групп уже не существовало.

В период деятельности третьего и четвертого созывов основной (и, по сути, единственной) формой объединения и работы депутатов нижней

⁷⁰ В соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию Республики Беларусь после конфликта президента и парламента и последовавшего референдума 24.11.2006 г., белорусский парламента (Национальное собрание) состоит из двух палат: Совета Республики (верхняя палата), формируемого из депутатов местных советов (по 8 представителей от каждой области и 8 назначаемых президентом); и Палаты Представителей, депутаты которой избираются посредством прямого голосования.

⁷¹ Например, протоколы заседаний парламента не доступны для публичного ознакомления.

⁷² Депутатские группы парламента второго созыва: «Республика», «Содействие экономическому развитию» («СЭР»), «Народный депутат», «Единство», «Единая Беларусь» и «Друзья Болгарии». Об оценках нижней палаты парламента в ст. «Состоялся ли в Беларуси профессиональный парламента?»//Naviny.by, 10.11.2004. Доступно: http://naviny.by/rubrics/elections/2004/11/10/ic_articles_623_169625/ Режим просмотра: 12.03.2012.

палаты были сохранившиеся с советских времен постоянные комиссии.⁷³ В нижней палате третьего и четвертого созывов действовало 14 постоянных комиссий. Интерес для исследования представляет деятельность **комиссии «По труду, социальной защите, делам ветеранов и инвалидов»** (в ведении которой находились вопросы труда и занятости, пенсионного обеспечения, социальной защиты ветеранов, инвалидов, малообеспеченных граждан, деятельности общественных объединений ветеранов и инвалидов).⁷⁴ В период 2004 – 2008 гг. эту комиссию возглавлял ранее входивший в состав лояльного по отношению к власти общественного объединения «Белорусский союз ветеранов войны в Афганистане» **Сергей Каменецкий**.⁷⁵ После выборов 2008 г. главой комиссии стала бывшая глава Солигорского горисполкома **Анна Лаврукевич**, а состав комиссии полностью изменился.

В верхней палате (Совете Республики) третьего созыва действовали две постоянные комиссии по социальным вопросам: комиссия «По демографической безопасности и социальному развитию»,⁷⁶ возглавлявшаяся **Татьяной Пригожей** (Гомель, врач по специальности); и комиссия «По образованию, науке, культуре и

⁷³ Заслуживающим упоминания моментом является сокращение возможностей представительства в парламенте для групп людей с ограниченными возможностями. Например, в Верховном совете 12-го созыва (1990 – 1995 гг.) действовала квота для организаций инвалидов (21 человек), которую разделяли между собой крупнейшие, созданные во времена Советского союза объединения. Данная квота была отменена как несоответствующая демократическим принципам, однако с тех пор в белорусском парламенте ни разу не было людей с инвалидностью.

⁷⁴ Более подробно о вопросах компетенции комиссии см. архив сайта Палаты представителей НС Беларуси <http://house.gov.by/index.php/2132...0...0.html> (режим просмотра: 26.02.2012).

⁷⁵ Интересно, что в составе комиссии Палаты представителей третьего созыва четверо из восьми ее членов имели опыт работы в исполнительных структурах (районных либо областных); трое (включая председателя) состояли в лояльных власти общественных объединениях; двое ранее уже имели статус депутатов. В комиссии четвертого состава распределение было иным: из шести членов – трое имели депутатское прошлое (в областных или районных советах депутатов); один член ранее работал в горисполкоме; двое являлись представителями лояльных власти организаций (по материалам архива сайта Палаты представителей Национального собрания. Доступно: <http://house.gov.by/index.php/4908...0...0.html>. Режим просмотра 1.03.2012).

⁷⁶ В компетенции комиссии широкий перечень вопросов: труда и занятости населения, брака и семьи, охраны материнства и детства, молодежи, здравоохранения, образования, науки, информатизации, охраны интеллектуальной собственности, культуры и искусства, туризма, физической культуры и спорта, социальной защиты населения, деятельности общественных объединений, религиозных организаций, а также законодательства, регулирующего иные вопросы социального характера (по материалам сайта Совета Республики).

гуманитарным вопросам» во главе с **Анатолием Новиковым** (Минск), являвшимся председателем республиканского совета крупной провластной организации - **Белорусского общественного объединения ветеранов (БОВВ)**. После выборов 2008 г. в Совете Республики осталась только одна комиссия – «По образованию, науке, культуре и социальному развитию», которую возглавила бывший министр труда и соцзащиты, сопредседатель другой крупной провластной организации - **БСЖ - Антонина Морова**, активно выступавшая в СМИ по социальным проблемам.

Основным направлением критики белорусского парламента является невыполнение им своей профильной – законотворческой – деятельности. Например, в период 2005 – 2008 гг., в перечне «вопросов, находящихся в Постоянной комиссии по труду, социальной защите, делам ветеранов и инвалидов для подготовки и (или) рассмотрения на сессии» был только один законопроект, инициированный самими депутатами. Остальные законопроекты вносились Советом министров.⁷⁷ В целом, на уровне нижней палаты в период деятельности депутатов третьего созыва основными субъектами внесения гражданских инициатив были: президент и Совет министров, сами депутаты выступали с законодательными инициативами лишь в редких случаях.

В плане публичности и присутствия парламента в качестве актора в сфере публичной политики необходимо отметить его невысокую роль и зависимость от президента. Так, после принятия инициированного Администрацией президента закона о социальных льготах (2007 г.), следующий нормативный акт, корректировавший спорные положения и содержательно дополняющий закон принимался уже в форме указа президента. Активность белорусских политиков в медийном поле ограничивалась отчетными или разъяснительными публикациями в

⁷⁷ По материалам архива на официальном сайте Палаты представителей. Доступно: <http://house.gov.by/index.php/1151,...0...0.html> (режим просмотра 1.03.2012)

печатных изданиях своего округа по актуальным вопросам,⁷⁸ поздравлениями к праздникам,⁷⁹ а также предвыборными интервью и иными публикациями с общим (часто повторявшимся) набором тезисов.

Таким образом, положение рассмотренных институций в политической системе Беларуси характеризуется иерархичностью, вертикальной функциональной подчиненностью главе государства, а также ограниченными возможностями политической коммуникации. Исходя из институционально-функциональной структуры и фактического объема полномочий, президент является единственным субъектом, обладающим возможностью политического высказывания. Именно он определяет содержание официального дискурса. Президент является «универсальным спикером, который затрагивает практически все аспекты общественной и политической жизни», что подтверждается количеством его выступлений и широтой их тематики (Козакевич и др. 2011: 4).

Еще одним важным субъектом политического поля Беларуси, в целом, и социальной политики, в частности, являются **международные организации** разных типов. В академической литературе встречаются различные подходы к анализу влияния крупных международных организаций на публичную (социальную, в частности) политику национальных государств, а также структуру взаимоотношений государства и третьего сектора. Критическая оценка роли международных организаций связана с тем, что следуя капиталистическим запросам, они, по сути, воспроизводят неолиберальную логику неравенства современного мира, делая национальные НГО инструментом внедрения своих экономических интересов. Например, Камат (Kamat) утверждает приватизацию публичной сферы под влиянием международных институций (ООН,

⁷⁸ Пример такого рода публикаций - интервью «Придет время, и общество осознает правильность принятого решения» депутата Могилевской области Натальи Авдеевой// газета «Вестник Могилева», 20.06.2007.

⁷⁹ Например, статья «Женщина во власти. Это делает государство более толерантным и социально ориентированным» - интервью по случаю празднования 8-го марта с депутатом Анной Лаврукевич// «Народная газета», 4.3.2010. Доступно: http://www.ng.by/ru/issues?art_id=44321 (режим просмотра: 17.08.2013).

МВФ, ВБ) и деполитизацию частной сферы на уровне локальных сообществ, понимаемых как гражданское общество (Kamat 2004: 157). Деполитизация НГО приводит к тому, что из групп, стремящихся отстаивать интересы своих целевых групп, они превращаются в профессионализованные организации, главной задачей которых является поиск «рабочих решений» существующих проблем (Kamat 2004: 167).

Согласно исследованиям ВБ, международные организации в своей работе ориентируются преимущественно на так называемые «операциональные НГО» (*operational NGOs*), главной задачей которых становится участие в разработке дизайна, фасилитации и имплементации субпроектов в сфере развития. Вторым важным (и наиболее распространенным) типом организаций, являются представительства международных организаций в стране (World Bank 1998). В силу таких ориентаций международных организаций те национальные организации, которые попадают в их круг предпочтений, получают конкурентные преимущества. И хотя, как правило, подобные интерпретации взаимоотношений третьего сектора и государства используются для стран третьего мира, где международные организации играют определяющую роль в вопросах развития и поддержки. Можно предположить, что ситуация в Беларуси развивается в схожей логике, прежде всего, в силу отсутствия внутренних (кроме государственных) ресурсов для третьего сектора. В результате, организации - особенно в социальной сфере - вынуждены выстраивать стратегию своего существования в рамках поиска баланса между ограниченными ресурсами государства (которые в ситуации непрозрачности распределяются волонтаристски) и поддержкой международных и зарубежных организаций. При этом участие в проектах совместно с государственными органами (например, ПРООН) позволяет совмещать два источника поддержки. В случае, когда основным источником поддержки социальных организаций выступают

исключительно международные организации, они, по сути, и определяют направления их (социальных организаций) деятельности.

В Беларуси международные организации (в частности, ООН, Всемирный банк) задают рамки взаимодействия государство-НГО в социальной сфере, и, вероятно, всей социальной политики государства. Национальные организации при этом либо выступают в формальном партнерском качестве, что не обязательно влечет за собой реальные партнерские отношения (например, реализация в Беларуси проектов в сфере предотвращения торговли людьми с участием Белорусской ассоциации молодых христианских женщин (БАМХЖ)). Либо, являясь реципиентами международных организаций, в своей деятельности придерживаются задаваемыми ими направлений (хотя при этом могут учитываться национальные особенности и собственные представления организаций об актуальных проблемах) (например, деятельность АКТ по продвижению социального заказа). Организации национального уровня, представляющие интересы международных организаций (например, Белорусское общество красного креста (БОКК)) получают дополнительные конкурентные преимущества, поскольку могут апеллировать к позитивному международно-признаваемому опыту.

4.3 Оппозиционные субъекты

4.3.1 Классификация третьего сектора Беларуси

Оппозиционные силы в Беларуси вытеснены на периферию публичной сферы. В условиях недемократического режима для оппозиции являются закрытыми три из четырех основных сфер демократической конкуренции (Levitsky, Way 2004): электоральная, законодательная и судебная. При этом медийная сфера (особенно наименее контролируемые властями интернет - и некоторые печатные издания⁸⁰) остается единственно доступной площадкой для коммуникации (ограниченного характера) для оппозиции (BISS 2012: 3).

⁸⁰ Необходимо отметить, что в данном случае речь идет всего о нескольких центральных (включая «Нашу ниву», «Белгазету» и «Народная воля»), а также еще более малочисленных региональных (например, «Узгорак», «Брестский курьер») изданиях.

Отдельным субъектом политического поля являются структуры гражданского общества/ третьего сектора.⁸¹ Определяющее значение в случае Беларуси имеют функционально-содержательные критерии «**лояльность**» и «**автономия**» в отношении власти (Matonytė, Chulitskaya 2012). Необходимо отметить фактическое отождествление третьего сектора и политических партий, обусловленное отсутствием у последних возможностей участвовать в борьбе за власть.

Белорусское законодательство оперирует понятием *общественное объединение*, определяя его как «объединение граждан в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности интересов для совместной реализации гражданских, социальных, культурных и иных прав» (ст. 1 Закона № 3254-ХІІ «Об общественных объединениях» от 4.10.1994). Данное определение является интерпретацией понимания третьего сектора как совокупности институтов, члены которых вовлечены преимущественно в экономические и культурные негосударственные активности добровольного характера (Keane 1999), не имея при этом своей целью извлечения прибыли либо получения власти (Коэн, Арато 2003). Вместе с тем, в медийных публикациях и публичных дискуссиях белорусские организации третьего сектора часто называются «негосударственными» либо «неправительственными» (НГО, НПО соответственно), таким образом, демонстрируя неполитический характер их деятельности, не предполагающий политического участия. Белорусские власти маркируют нелояльные организации при помощи таких понятий как «пятая колонна», «грантозависимые», подчеркивая их зависимость от внешних доноров и «оторванность» от белорусской реальности. Сама идея «гражданского общества» воспроизводится в терминах колониализма, т.е. экспансии

⁸¹ Принимая во внимание утверждение о многообразии подходов интерпретации концепта «третий сектор» в различных странах (Evers, Laville 2004), в работе, тем не менее, не делается различий между понятиями «гражданское общество» и «третий сектор», поскольку в контексте недемократического режима различия между ними не несут содержательной нагрузки аналогичной существующей в режиме демократическом.

«Запада» в политическое и социальное национальное пространство (Саламенене 2009: 444).

Выделяя модели взаимоотношений государства и третьего сектора, а также формы и роли последнего в публичной политике западные авторы (Salamon, Anheier 1993; Esping-Andersen et al. 2002) предлагают многочисленные интерпретации. В случае Беларуси третий сектор и политические партии функционируют в режиме **неокоorporативизма** (Шмиттер 1997), где государство допускает и признает (формально и символически) ограниченное количество организаций в обмен на их лояльность режиму и контроль со стороны власти за их деятельностью. Государство поддерживает тенденцию объединения организаций по секторальному принципу (что хорошо иллюстрируется примером профсоюзов), тем самым повышая возможности контроля над ними.⁸²

По критерию лояльности и автономии (Salamon and Anheier 1993; Young 2009) существующие в Беларуси организации действуют в двух модальностях: более малочисленной **либеральной/ оппозиционной** (с высокой степенью автономии и минимальной лояльностью к существующему политическому режиму) и **субсидиарно-коллаборцианистской / провластной** (с низкой степенью автономии, но высокой - лояльности режиму). Модель **партнерских отношений** с государством практически не представлена, а в дискурсивном отношении на публичном уровне организации, существующие и действующие в рамках данного разделения, не пересекаются (Matonytė, Chulitskaya 2012).

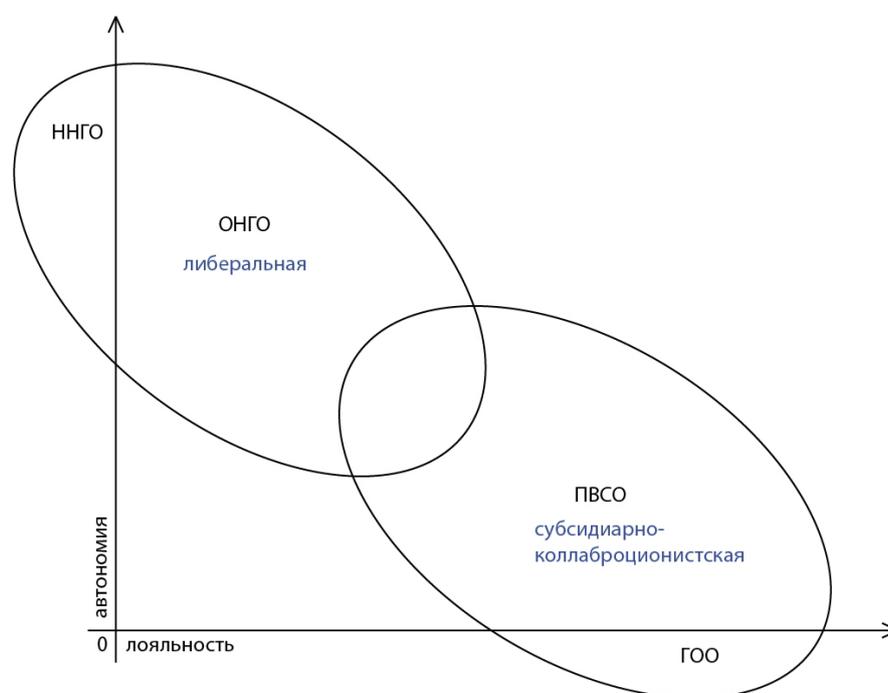
В соответствии с указанными модальностями организации в Беларуси можно разделить на следующие группы: **государственно-общественные объединения** (например, ДОСААФ, ОСВОД)⁸³ как

⁸² Так, провластные организации различных видов объединялись в Республиканский координационный совет руководителей политических партий и общественных объединений, который обеспечивал «мобилизацию» наблюдателей из провластных организаций на выборах (информационный материал ИАЦ «Роль общественных объединений в политической системе РБ», 2009).

⁸³ Всего в Беларуси существует 7 государственно-общественных объединений: Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту Республики Беларусь (ДОСААФ), Белорусское добровольное пожарное общество (БДПО), «Президентский спортивный клуб», Белорусское

крайняя форма проявления субсидиарно-коллаторционистской модели; **оппозиционные/ либеральные организации**, существующие в пределах либерального модуса (например, правозащитные организации, политизированные молодежные организации), а также **провластные социальные организации**, существующие преимущественно в рамках субсидиарно-коллаторционистской модальности, однако в некоторых случаях приближаясь к либеральному типу или модели партнерских отношений (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Схематическое изображение моделей и видов белорусских НГО

Пояснения к рисунку 1

ННГО – незарегистрированные в Беларуси НГО (включая организации, зарегистрированные за границей)

ЛНГО/ ОНГО - Либеральные/ оппозиционные НГО

ПВСО - Провластные социальные организации

ГОО – Государственно-общественные объединения

физкультурно-спортивное общество «Динамо», Белорусское республиканское общество спасания на водах (ОСВОД), Белорусское общество охотников и рыболовов (БООР), Белорусское общество «Знание». Большинство из них (за исключением возглавляемого сыном Александра Лукашенко – Дмитрием «Президентского спортивного клуба») представляют сохранные с советских времен милитаризированные объединения. Деятельность этих организаций регулируется отдельным законом, однако информации о них в открытых источниках практически нет.

Ось А - лояльность политическому режиму (от 0 до максимума). *Ось В* – автономия деятельности организаций (от 0 до максимума). Негативное расширение за пределы оси А демонстрирует то, что значительная часть активности третьего сектора делегитимизируется и не признается властями Беларуси. Негативное расширение за пределы оси В показывает, что часть активностей третьего сектора не просто не является автономной, но напрямую определяется и контролируется государством.

В случае провластных и оппозиционных организаций объединяющим мотивом их деятельности выступает накопление капитала (символического и материального). У организаций первого типа формами поощрения лояльности со стороны государства являются: денежные премии, предоставление дополнительных выходных взамен на участие в значимых для государства (преимущественно политических) событиях (выборах); государственное финансирование на уровне всей организации и предоставление возможностей участия в проектах с зарубежным финансированием. У оппозиционных организаций во многом определяющим является признание со стороны зарубежных организаций, которое в материальном отношении обозначает возможность получения зарубежного финансирования и поддержки для организации и ее членов (в том числе, зарубежные поездки, стажировки и пр.). Однако для всего третьего сектора Беларуси характерна ограниченная роль в публичной политике. За исключением отдельных сфер⁸⁴ они не могут осуществлять автономного адвокатирования своих проектов и продвижения публичных/ общественных интересов (Matonytė, Chulitskaya 2012).

Помимо раскола третьего сектора на «провластные» и «оппозиционные» организации в рамках второго типа необходимо отметить дополнительное разделение на: крупные и небольшие «провластные социальные организации» (ПВСО). В качестве примеров крупных ПВСО можно привести: БРСМ, БСЖ, ФПБ, РОО «Белая Русь», БООВ, особенностью которых является пересекающееся членство их представителей с занятием позиций в различных органах

⁸⁴ Исключением могут служить инициативы в сфере бизнес-регулирования, например, участие (хоть и ограниченное) организаций бизнес-сообщества в разработке директивы президента №4 от 31.12.2010 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь».

государственной власти (например, БСЖ).⁸⁵ К ПВСО можно отнести также православную и католическую церкви Беларуси. Примерами небольших ПВСО является, например, Белорусская ассоциация социальных работников (БАСР), Белорусское общество инвалидов (БелОИ).

В сфере социальной политики крупные ПВСО инструментально используются государством, реализуя определенное количество узконаправленных социальных проектов (например, мероприятия БРСМ в сфере молодежной политики). Основная их роль заключается в обеспечении легитимизации режима, в частности, как ресурсной базы во время политических кампаний (выборов).

В случае небольших ПВСО можно говорить об определенной степени лояльности существующему режиму, однако ее проявление заключается не столько в активных действиях, сколько в отсутствии противодействия властям (хотя, в случае соответствующих запросов на проявление лояльности со стороны власти, организации могут отвечать на них⁸⁶). Высказывания представителей небольших ПВСО в большинстве случаев характеризуются целенаправленным уходом от политической риторики с фокусировкой на стратегии «малых дел», непосредственной помощи своим целевым группам (оказании соответствующих социальных услуг).⁸⁷ В целом, многие из них находятся в сфере вынужденной лояльности (коллаборционистско-

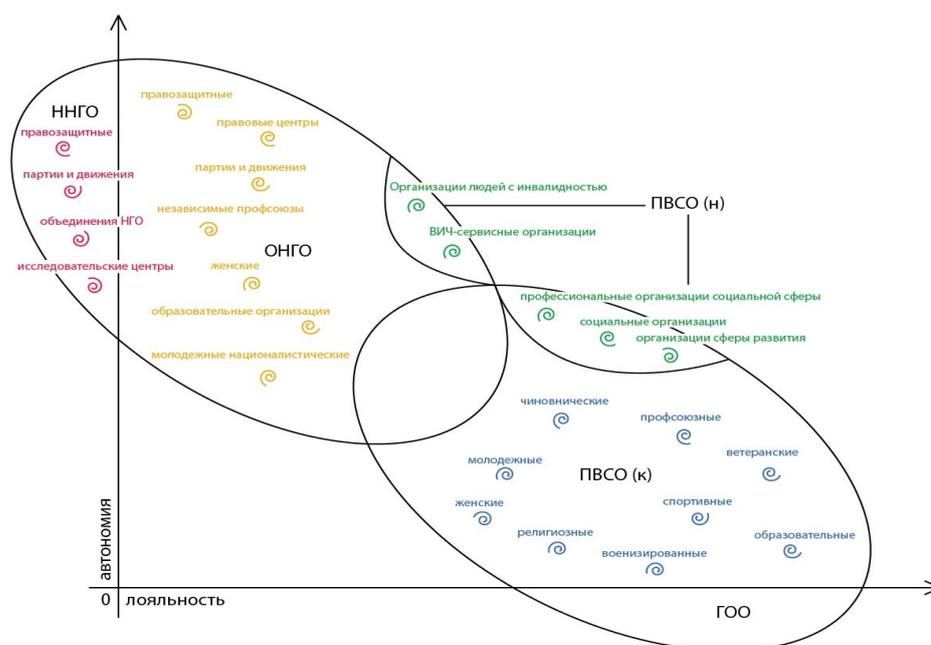
⁸⁵ Так, председатель БСЖ Надежда Ермакова в настоящее время является председателем Национального Банка Беларуси, заместитель председателя - Антонина Морозова депутатом Совета Республики.

⁸⁶ Например, высказывания председателя центрального правления БОИ Владимира Потапенко в статье провластного печатного издания «Пять событий недели глазами...», где он высказывает открытую поддержку Лукашенко и критикует оппозиционных кандидатов // «Беларусь сегодня», 4.12.2010. Доступно: <http://wap.sb.by/post/109205/part/1/> (режим просмотра: 29.03.2012). Либо участие председателя Белорусского товарищества инвалидов (БОИ) по зрению Олега Шепеля в четвертом Всебелорусском собрании в 2010 г.

⁸⁷ Интересно, что такая позиция ПВСО вызывает критику со стороны либеральных организаций. Например, осенью 2012 г. стратегия «малых дел» была публично раскритикована представителями политизированной белорусской организацией «ЕвроБеларусь». Более подробно об этом см. статья «Гражданское общество: в гетто или на баррикаду» // Александр Класковский, naviny.by, 29.10.2012. Доступно: http://naviny.by/rubrics/politic/2012/10/29/ic_articles_112_179729/ (режим просмотра: 30.10.2012).

субсидиарного сотрудничества), что связано со спецификой их деятельности, потребностями их целевых групп, которые невозможно обеспечить без участия государства. Кроме того, государство позволяет им существовать в легальном статусе, а также может предоставлять определенные льготы (одной из наиболее важных из которых является льготная аренда помещений). Вместе с тем, некоторые ПВСО демонстрируют большую степень самостоятельности своих действий и отсутствие открытых/публичных проявлений лояльности, таким образом, приближаясь к организациям либерального типа (например, Офис по правам людей с инвалидностью, Белсеть «Антиспид») (см. Рисунок 2).

Рисунок 2. Схематическое распределение белорусских НГО различных видов по критериям лояльности и автономии к власти

Пояснения к рисунку 2

Ось А - лояльность политическому режиму (от 0 до максимума). **Ось В** – автономия деятельности организаций (от 0 до максимума).

ННГО – незарегистрированные в Беларуси НГО (включая организации, зарегистрированные за границей): правозащитные (*Вясна*, «Правовая помощь населению»), партии (*БХД*), исследовательские центры (*НИСЭПИ*, *BISS*), объединения НГО (*Ассамблея НГО*).

ЛНГО/ ОНГО - Либеральные/ оппозиционные НГО: политические партии и движения (*БНФ*, «За свободу», *ОГП*, «Говори правду», *БСДП (Грамада)*, «Справедливый мир», «Зеленые»), правозащитные (*БХК*), правовые центры (*Фонд развития правовых технологий*, «Центр правовой трансформации»), молодежные националистические («Права альянс»), женские (*БОТЖ*), образовательные организации (*центр ПОСТ*) и независимые профсоюзы.

ПВСО (н) – Небольшие провластные социальные организации, не проявляющие открытой лояльности и частично попадающие в модальность либеральных организаций (*Белсеть «Антиспид»*, *Офис по правам людей с инвалидностью*).

ПВСО (н) – Небольшие провластные социальные организации, публично проявляющие лояльность: профессиональные организации социальной сферы (*Белорусская ассоциация социальных работников (БАСР), ОО «Белорусская ассоциация врачей»*), социальные организации (*РОО «Ассоциация многодетных семей», БелОИ, БелОГ*), организации сфера развития (*МПОО «АКТ»*).

ПВСО (к) - Крупные провластные социальные организации: молодежные (*БРСМ*), женские (*БСЖ*), профсоюзные (*ФПБ*), чиновнические (*РОО «Белая Русь»*), ветеранские (*БООВ*), а также религиозные (*БПЦ, Римско-Католическая Церковь в Беларуси*).

ГОО - Государственно-общественные объединения.

По структурно-функциональному признаку организации третьего сектора в Беларуси можно представить в соответствующей таблице (см. Таблицу 9).

Таблица 9. Структурно-функциональные характеристики организаций третьего сектора в Беларуси.

Критерии классификации организаций третьего сектора	Провластные		Оппозиционные/либеральные
	Большие социальные организации	Небольшие социальные организации	
Функции	Легитимация и обеспечение интересов властей	Представление интересов своих целевых групп и стратегия «малых дел»	Представление общего интереса
Количество членов	Более многочисленные (формальное членство)	Среднее по количеству, но более постоянное членство	Малочисленные
Официальный юридический статус	Зарегистрированные	Зарегистрированные (преимущественно)	Зарегистрированные, но значительное количество незарегистрированных
Источники финансирования	Средства из государственного бюджета и крупных международных организаций, реализующих социальные проекты	Средства зарубежных донорских организаций, государственные льготы (например, на аренду помещений), крупные международные организации (не часто)	Зарубежная финансовая поддержка, немногочисленная частная поддержка
Мотивация участия	Подчинение приказам и отсутствие альтернатив (на региональном уровне)	Заинтересованность в решении проблем своих целевых групп	Участие из интереса, желания заниматься общественно-полезной деятельностью

Источник: обобщение определений работ Aarebrot 2004; Чернов 2008; Роўда 2011; Matonytė, Chulitskaya 2012.

Кроме того, необходимо отметить недостаточную распространенность практик гражданского участия в Беларуси, что частично обусловлено факторами, характерными и для других постсоветских государств: недоверие к организациям вследствие негативного опыта участия граждан в прошлом; устойчивость сетей неформального общения, замещающего участие в организациях; разочарование в новых институтах неолиберального толка (Ховард 2009:118). Другой блок причин связан с легальными ограничениями, в частности, уголовной ответственностью за деятельность от имени незарегистрированной общественной организации (статья 193.1

Уголовного Кодекса РБ),⁸⁸ необходимостью декларировать финансовую помощь из-за границы в Департаменте гуманитарной помощи Администрации президента.⁸⁹ Не менее важными являются и внутренние проблемы организаций - расколы, борьба за ресурсы, которые приводят к неспособности объединения даже для достижения общих целей.

Необходимо обозначить и принципиально разные модальности присутствия организаций провластного и оппозиционного типа организаций в публичном пространстве. В случае крупных признаваемых лояльных власти организаций им предоставляется доступ к электронным (контролируемому властью телевидению, радио) и печатным СМИ. Тогда как их присутствие в Интернет медиа имеет преимущественно формальный характер (в виде отчетов о деятельности и информационных сообщениях об акциях). Основной сферой присутствия оппозиционных организаций является интернет в части оппозиционно-ориентированных ресурсов, аудитория которых состоит преимущественно из политическо-ангажированных или имеющих активную гражданскую позицию людей.⁹⁰ При этом доверие к государственным СМИ, по данным социологических опросов, все равно превышает доверие оппозиционным (32.8% vs 25.7%, соответственно) (НІСЭПД 2011). Спецификой небольших социальных организаций является небольшая доля присутствия во всех видах медиа, что связано как с внутренними (недостаток ресурсов), так и внешними (нежеланием раскрывать источники финансирования своих проектов) обстоятельствами.

⁸⁸ О кампании белорусских правозащитных организаций за отмену ст. 191.1 см. сайт <http://193.belngo.info/>

⁸⁹ Об этих и других ограничениях в Мониторинге правового положения неправительственных организаций и свободы ассоциаций в Беларуси на сайте Фонда развития правовых технологий и Центра правовой информации: <http://lawtrend.org/ru/content/nko/monitoringsvobodiasociaciiBelarus/> (режим просмотра: 29.07.2013).

⁹⁰ Исключением из данной тенденции является интернет-ресурс скандального характера «Хартия'97», что на медийном уровне признается представителями властных кругов. Так, в одном из сообщений блога провластного аналитика ИАЦ при администрации президента указывается: «Кстати, по наблюдениям - моим и коллег - примерно две трети аудитории этого сайта [Хартии 98] посещают его по служебной необходимости, а не удовольствия ради»// запись «Совесьть нации или казус Дашкевича» // 28.09.2012. Доступно: http://www.belta.by/ru/blogs?art_ID=246&auth_ID=21 (режим просмотра: 28.09.2012).

В соответствии с данными Минюста, по состоянию на 1 января 2010 г., в стране было зарегистрировано 15 политических партий, 22 тыс. 920 профсоюзов и их оргструктур, 33 тыс. 860 общественных объединений и их оргструктур, 22 союза общественных объединений и их оргструктур, 84 фонда.⁹¹ Принимая во внимание особенности правового регулирования в стране (с учетом незарегистрированных организаций) фактическое их количество было, вероятно, больше.⁹² Провластные организации декларируют большой численный состав (порядка 4,5 млн. членов с учетом большой доли пересекающегося членства), однако членство в них во многих случаях имеет формальный характер.⁹³ Вместе с тем, проблемой оппозиционных общественных объединений и политических партий, напротив, является уменьшающееся количество сторонников, связанное как с маргинализацией их положения со стороны властей, так и их собственными внутриорганизационными проблемами.

⁹¹ Информационное сообщение «За 2009 год в Беларуси на 20% возросло число общественных объединений, количество партий не изменилось» //tut.by, 15.01.2010. Доступно: <http://news.tut.by/politics/157964.html> (режим просмотра: 28.09.2012).

⁹² При этом взаимоотношения третьего сектора с Минюстом имеют характер противостояния различного вида: вынесение предупреждений, угрозы ликвидации или ликвидация, а также избирательный подход министерства к внутрипартийным решениям. Так, в рассматриваемый период предупреждения и постановления о ликвидации были вынесены Партии коммунистов белорусской (ПКБ), в 2007 г. была ликвидирована и экологическая партия зеленых «БЭЗ». Минюст во всех случаях регистрировал решения внутрипартийных сходов, на которых происходила борьба за лидерство и расколы: например, смена лидерства (2002 г.) и последующая ликвидация (2007 г.) женской левоцентристской партии «Надзея». Некоторые политические партии (в частности, БХД), хотя и неоднократно предпринимали попытки формализовать свой статус, так и не смогли пройти регистрацию в Минюсте. В целом, чаще всего с проблемой не-регистрации сталкиваются правозащитные организации (например, правозащитный центр «Вясна»), крупные ассоциации неправительственных организаций (Ассамблея НГО), аналитические и социологические центры (BISS, НИСЭПИ). Кроме того, некоторые организации, де-факто являющиеся политическими партиями (движение «Рух за свободу»), в силу различных причин (включая большую вероятность регистрации и более широкие возможности финансирования) зарегистрированы как общественные объединения.

⁹³ Например, в личной беседе член БСЖ, которая была наблюдательницей на одном из центральных избирательных участков города Минска в 2010 г., на вопрос относительно своего членства в организации ответила, что вступила в нее, потому что на предприятие, где она работает, пришли представители БСЖ с призывами вступать в ее ряды. Однако уточнить, чем конкретно она занимается в БСЖ, собеседница не смогла, упомянув только, что уже не первый раз наблюдает на выборах.

4.3.2 Политические партии Беларуси

Белорусские политические партии, не смотря на ряд внешних и внутренних сложностей, на уровне политических программ, публичных заявлений и выступлений лидеров в рассматриваемый период обращались к социальным проблемам в стране и проводили социальные проекты. В работе рассматриваются нарративы социальной справедливости партий, занимающих различные позиции в идеологическом спектре, среди которых: БНФ, БХД, ОГП, движение «Рух за свабоду», ЛДПБ, кампания «Говори правду», БСДП (Грамада),⁹⁴ Белорусская партия «Зеленые» и партия «Справедливый мир» (см. Приложение 8). Для анализа партии отбирались по следующим критериям: присутствие в медийном пространстве, узнаваемость согласно данным социологическим опросов (НИСЭПИ 2013); наличие программ, а также прямых либо косвенных сведений об осуществлявшихся ими в рассматриваемый период проектах в социальной сфере.

4.3.3 Проблемы в деятельности организаций третьего сектора

В результате проведенных в ходе исследования интервью в ответах белорусских политиков, гражданских активистов и экспертов, относительно основных проблем в деятельности партий и организаций можно условно разделить на несколько категорий (см. Таблицу 10).

Таблица 10. Основные проблемы в деятельности белорусских партий и организаций

Категория указанных проблем	Типы
Сложности во взаимоотношениях государство – третий сектор, третий сектор - общество	<ul style="list-style-type: none">• Огосударствление всех сфер общественной жизни, стремление государства контролировать любые инициативы и формировать политическую повестку дня (в том числе, по социальным проблемам);• Неадекватное восприятие третьего сектора чиновниками, которые подозрительно относятся к любой инициативе;• Разделение государством третьего сектора на лояльную и нелояльную части с маргинализацией последней;• Отсутствие доступа к контролируемым государством электронным СМИ, ограничения возможностей присутствия в медийном пространстве;• Отсутствие у государства и чиновников культуры восприятия критики (любой формы и уровня);• Зависимость деятельности организаций от отношения к ним чиновников;• Нежелание со стороны государства признавать наличие в обществе определенных проблем (в частности, связанных с альтернативным

⁹⁴ В работе рассматривается только одна из трех существующих в Беларуси социал-демократических партий – Белорусская социал-демократическая партия (Грамада).

Категория указанных проблем	Типы
	<p>образом жизни, социально-обусловленными заболеваниями), а также называть данные проблемы своими именами.⁹⁵</p> <ul style="list-style-type: none"> • Прагматизация установок белорусских граждан, стремление решить только свои индивидуальные, но не общие проблемы; • Негативный образ третьего сектора либо отсутствие представлений об их деятельности у граждан, и, соответственно, отсутствие поддержки с их сторон; • Низкий уровень доверия к третьему сектору со стороны граждан в силу отсутствия позитивных практик защиты общих интересов; • Отсутствие практик и культуры гражданского участия и благотворительности.
<p>Организационно-правовые ограничения деятельности</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Репрессивные действия государства в отношении третьего сектора, разнообразные формы давления и преследования гражданских и политических активистов, влекущие страх осуществления любой деятельности; • Нарушения прав на свободу ассоциаций и собраний (проблемы с регистрацией, осуществлением уставной деятельности, разрешительный порядок на проведение массовых мероприятий; ответственность за деятельность от имени незарегистрированной организации); • Забюрократизированность, формализм требований государства в отношении деятельности третьего сектора (в частности, сложность отчетности, включая финансовую); • Невозможность осуществлять хозяйственную деятельность даже необходимую для выполнения целей организации; • Проблема получения финансирования, легализации полученных средств из-за рубежа наряду с отсутствием возможностей получения финансирования внутри государства, приводящие к зависимости от зарубежных доноров; • Ограничения на благотворительность (включая как сложность оформления любых добровольных пожертвований, так и страх поддерживать инициативы, которые могут расцениваться властями как политические).
<p>Внутренние проблемы третьего сектора</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие ротации внутри руководства партии и организаций, сохранение одних и тех же лидеров на протяжении длительного периода; • Фракционность и разделенность третьего сектора; • Борьба за ресурсы между организациями; • Противоречие между требованиями доноров и необходимостью общества, что ведет к выполнению «заказа» донорских организаций, а не реализации интересов граждан; • Внутриорганизационное развитие, необходимость обучения членов организаций, повышения их профессионального уровня, недостаток навыков деловой коммуникации; • Оторванность третьего сектора от граждан, замкнутость участников третьего сектора на самих себе.

Источник: обобщение материалов интервью.

Кроме того, представители социальных организаций отмечали проблему *монополизации* государством социальных проблем, способов их решений, и, как следствие, выделяемых на это бюджетных средств (например, на производство протезов для людей с инвалидностью, мероприятия по реализации проектов по созданию безбарьерной среды). С другой стороны, указывалось на ограничения, заложенные внутри самих проектов международного финансирования. Например, поддержка

⁹⁵ Например, в одном из интервью респондент описывая ситуацию приглашения в проект ПРООН «Разработка стратегии по борьбе с бедностью» отмечал, что в ходе внутрипроектных обсуждений их просили не употреблять слово «бедность» (поскольку проблема считается решенной для Беларуси) (интервью N-30).

проектов по адвокатированию, но не оказанию социальных услуг (интервью N-27).

4.4 Обобщение главы 4

В качестве основной характеристики политического поля Беларуси можно обозначить его раскол на *властную* и *оппозиционную* части с доминирующим положением президента. Последний выступает как основной субъект, определяющий как институциональный дизайн всей политической системы, так и содержание властного нарратива. Остальные властные субъекты и институты (в частности, правительство, Парламент) занимают подчиненные позиции, практически не обладают возможностями артикуляции и продвижения в политическую повестку дня собственных политических инициатив, преимущественно реализовывая идеи и решения главы государства. При этом в логике недемократического режима происходит функциональная подмена государственных институтов (правительство, парламент) другими институтами (в частности, администрацией президента) либо псевдо-институтами (например, Всебелорусским народным собранием). В сфере социальной политики, к группе властных субъектов политического поля Беларуси можно отнести и реализовывающие социальные проекты международные организации, в силу как высокой степени их взаимодействия с государством, так и совпадения направленности их (государства и международных организаций) деятельности в социальной сфере.

Белорусский третий сектор (включая политические партии) разделяется по критериям *лояльность* и *автономия*, и существует преимущественно, в субсидиарно-коллаборционистской и либеральной модальностях. В рамках последней действуют политические, правозащитные, а также некоторые молодежные, женские, образовательные организации, сюда же можно отнести и незарегистрированные в Беларуси и организации, зарегистрированные на территории других государств. В субсидиарно-коллаборционистской

модальности главными субъектами выступают крупные социальные организации (крупные ПВСО). Они обладают минимальной автономией и в содержательном плане представляют собой продолжение органов власти. Принципы функционирования данной части третьего сектора Беларуси можно обозначить как режим (нео)-корпоративизма.

Небольшие организации социальной сферы (небольшие ПВСО) в основном также принадлежат к субсидиарно-коллаборционистской модальности, будучи в значительной степени зависимыми от государства. Вместе с тем, среди небольших социальных организаций можно выделить те, которые не проявляют открытой поддержки государству, таким образом, приближаясь к либеральному типу. При этом, в деятельности третьего сектора можно выделить совокупность проблем, связанных как с ограничениями со стороны недемократического государства, так и с особенностью самой внутренней структуры третьего сектора.

Глава 5. Понятие *социальная справедливость* в нарративах властных субъектов

В главе 5 рассмотрены нарративы социальной справедливости определяемых с позиций институционального подхода властных субъектов: президента, депутатов Парламента, органы государственной власти, *провластных* общественных объединений различного вида и уровня. К нарративу власти отнесены и международные организации, вовлеченные в реализацию социальных проектов. Данное допущение сделано на основании критерия функциональной взаимосвязи с органами государственного управления. Высказывания президента рассматриваются как формирующие основные содержательные основания властного нарратива.

5.1 Президент Республики Беларусь

При реконструкции нарратива социальной справедливости действующего президента Беларуси Александра Лукашенко использована совокупность его публичных высказываний периода 2006 - 2010 г. в рамках двух президентских избирательных кампаний, а также в отношении составляющих режима благосостояния, включая понятие *социальная справедливость*, и тематику отмены социальных льгот.

Популистское утверждение приоритета социальной политики являлось смыслообразующим для дискурса Лукашенко. Показательными в данном отношении представляются названия ежегодных президентских посланий к белорусскому народу и Национальному собранию 2006 – 2010 гг.: «Государство - для народа, человек - во благо своего Отечества»; «Независимая Беларусь - наш достойный и надежный дом»; «Здоровье государства – это благополучие человека, согласие в обществе, целеустремленность нации»; «Благополучие родной земли - дело всех и каждого»; «Динамичный прорыв в развитии страны - путь к новому качеству жизни».

Лозунгом избирательной кампании Лукашенко 2006 г. был: «За сильную и процветающую Беларусь!»⁹⁶, а предвыборная программа носила название «Государство для народа». Идеиные основания кампании задавались референциями к советскому прошлому и эволюционному пути развития белорусского государства с собственной моделью социально-экономического развития. В символическом плане этому противопоставлялись «обвальная приватизация» и «шоковая терапия» в других странах региона. «Мы не разбазаривали народное богатство, не влезали в долги; идя от жизни, выработали *свою собственную модель развития*, которая основана на взвешенных, продуманных *эволюционных преобразованиях* без обвальной приватизации и шоковой терапии, с сохранением всего лучшего, что было раньше в нашей экономике и традициях» (из выступления Лукашенко на третьем Всебелорусском собрании 2.03.2006).⁹⁷ Также делались отсылки к социально-экономической ситуации, существовавшей в Беларуси до прихода Лукашенко к власти (в 1994), как времени, когда «страна просто *разваливалась* изнутри». Подчеркивалось, что белорусские достижения высоко оцениваются даже «самыми яркими нашими противниками - Всемирным банком и Международным валютным фондом» (выступление на третьем Всебелорусском собрании).

В качестве подтверждения эффективности *белорусской модели* использовались утверждения отсутствия в стране «существенного расслоения на богатых и бедных, организованной преступности и социальных потрясений». А также количественные показатели социально-экономического развития. Кроме того, в предвыборных выступлениях Лукашенко ссылался на благоприятные для Беларуси международные рейтинги (например, ИРЧП). При этом ответственность за не достижение некоторых показателей (например, удельный вес

⁹⁶ Цитируется по тексту предвыборной программы, опубликованному в газете «Звезда» №47-48 от 2.03.2006.

⁹⁷ Полный текст выступления А.Лукашенко на третьем Всебелорусском собрании был опубликован в ведущих печатных информационных изданиях Беларуси, в частности, газетах «Беларусь сегодня» и «Звезда» (3.03.2006, №49).

оплаты труда в ВВП, доля расходов на здравоохранение, межсекторальное взаимоотношение зарплаток и пр.) перекладывалась на Правительство. Например, «... я все больше убеждаюсь, это моя вина – в свое время *послушал* Правительство» (заключительное слово Лукашенко на третьем Всебелорусском собрании 4.03.2010).⁹⁸

Ситуация в современной Беларуси представлялась как *стабильная* с четким видением целей развития. Используемое при этом понятие «качество жизни» трактовалось в терминах теории развития, как включающее не только уровень зарплаты, но и доступности жилья, образования, медицинского обслуживания, экологии и пр. В предвыборных обещаниях уровень жизни граждан Беларуси обещалось довести до «западноевропейского» в течение 5-ти лет (предвыборная программа 2006). «Если десять лет назад у нас была единственная забота - отвести страну от пропасти, то сегодня наши помыслы о том, чтобы выйти на новый уровень качества жизни людей!» (новогоднее поздравление Лукашенко 31.12.2005 г.).⁹⁹

Тезис о повышении уровня жизни имел популистский смысловой оттенок и озвучивался как обращение к потребностям обычных людей, нуждавшихся не только в соответствующем их материальному положению невысоком уровне цен, но и товарах питания и потребления. Так, символически в канун 2006 г. Лукашенко называл наступающий год «годом коренного поворота к человеку» (новогодние поздравления Лукашенко 31.12.2005). Обращение к потребностям народа транслируется во всей риторике Лукашенко на протяжении избирательной кампании: «Вот поэтому красной нитью в докладе и выступлениях мы провели вопрос повышения качества жизни наших людей» (заклучительное слово на третьем Всебелорусском собрании).

⁹⁸ Текст отредактированной стенограммы заключительного слова Лукашенко 03.03.2006 доступен: <http://www.president.gov.by/press43742.html#doc> (режим просмотра: 18.05.2012).

⁹⁹ Расшифровка новогоднего поздравления Лукашенко 2005 г. доступна: <http://www.president.gov.by/press18881.html#doc> (режим просмотра: 18.05.2012).

Важной смысловой составляющей предвыборной программы Лукашенко 2006 г. выступало понятие *стабильность*, которое трактовалось как «подъем государства», «уверенное восхождение» в противопоставлении возможным социально-политическим волнениям (предвыборная программа 2006), провоцируемым оппонентами режима. Деятельность последних символически связывалась с дестабилизацией политической и экономической ситуации в Беларуси. «Зуд перемен не от большого ума. Ведь они [оппозиция] не хотят понять, насколько тонка грань, отделяющая... стабильность - от хаоса и анархии... Нам надо последовательно идти к *благополучной* и *стабильной* жизни, а не возвращаться к кризисам и нищете» (выступление на третьем Всебелорусском собрании).

Лукашенко апеллировал к «сильной социальной политике», как «основе стабильности», указывая на долю расходов в республиканском бюджете на социальные нужды в размере более 60% (предвыборная программа 2006 г.). Целью экономического роста декларировалась именно поддержка социальных сфер: «За счет роста экономики... мы поднимаем, прежде всего, образование, здравоохранение, культуру, спорт, развиваем другие социальные направления и выработываем программы» (заключительное слово на третьем Всебелорусском собрании).

5.1.1 Социальные проблемы в рамках избирательной кампании 2006 г.

Социальная политика находилась в центре предвыборной платформы Лукашенко, что отражалось, в частности, в порядке указания приоритетов его программы, где социальные вопросы по порядку располагались раньше экономических. В качестве основных содержательных целей на следующие пять лет озвучивались:

- увеличение заработной платы и пенсий с повышением реального уровня доходов населения в полтора раза;

- улучшение демографической ситуации, которое связывалось с обеспечением жильем и дополнительных прав для женщин (в частности, гарантий трудовых прав при выходе в декретный отпуск; увеличение размера пособий по уходу за ребенком; увеличение охвата детей дошкольными учреждениями; техническое развитие отраслей, производящих товары для детей и пр.). Указывалось на определенные достижения в сфере обеспеченности жильем (например, самый высокий по странам СНГ показатель построенных квартир на тысячу человек) и необходимость упрощения условий кредитования: «Наша цель: каждой молодой семье - квартиру не позднее чем через три года после вступления в брак и, прежде всего, через *льготное кредитование*» (выступление на третьем Всебелорусском собрании);
- поддержка государством многодетных семей с акцентом на обеспечение жильем;
- защита государством прав детей, оставшихся без попечения родителей с принятием мер для усиления материальной ответственности последних (предвыборная программа 2006);
- ориентация системы социального обеспечения на принцип адресности и поддержки наименее обеспеченных граждан. Выполнение всех (44) установленных в Беларуси социальных стандартов с акцентом на персональную ответственность за их выполнение чиновников всех уровней;
- сохранение бесплатной, доступной медицинской помощи и повышение качества медицинского обслуживания (техническое переоснащение больниц и поликлиник и пр.);
- развитие дошкольного и повышение качества среднего образования, а также укрепление связи высшего образования с фундаментальной и прикладной наукой. При этом декларировались планы повышения расходов на образование к 2010 г. до 10% ВВП;

- в противоположность высказываниям оппонентов утверждалось сохранение системы краткосрочных контрактов, которая в духе корпоративистских отношений должна контролироваться лояльным властью профсоюзом (ФПБ) и обеспечивать интересы всех сторон трудовых отношений.¹⁰⁰

В содержательном отношении в кампании Лукашенко 2006 г. прослеживался этатизм и патерналистские представления о большом государстве, как источнике всеобщего блага. Важную смысловую линию представлял тезис об усилении индивидуальной ответственности перед государством за решение социальных проблем и обязанности возвращать государству долги за предоставление социальных услуг. Например, ответственность чиновников за выполнения социальных стандартов; лишенных родительских прав родителей - за содержание государством детей: «Их [родителей, оставивших своих детей без опеки] ответственность должна быть не только полной, но и подконтрольной закону и общественной морали, а также они должны полностью *компенсировать затраты государства*». Студентам – отработывать в рамках обязательного распределения долг за обучение за счет бюджетных средств: «Не хотите, чтобы распределяли, платите деньги, учитесь за собственный счет... государство на *своих* предприятиях, в *своих* организациях, вузах готовит с высшим образованием специалистов, платит за это миллиарды... рублей, и *хозяин* этих специалистов – государство». При этом ответственность перед государством интерпретировалась как *моральное благо*. Так, оценивая практики обязательного распределения, Лукашенко подчеркивал: «И скажите, а что в этом плохого? ... Столько рабочих мест [в Минске] нет! Что, они на стометровке, извините меня, будут стоять, девчата, а мужики будут

¹⁰⁰ Интересно, что в высказываниях Лукашенко проблема обеспечения прав рабочих воспроизводилась с использованием клише советской интерпретации марксистской теории: «Но через контракты *удушения рабочего класса, крестьянства* руководителями предприятий, как бы им неприятно ни было..., мы не допустим» (заключительное слово на третьем Всебелорусском собрании).

спиваться, ходить с бутылками на оппозиционные митинги или ботинки им [оппозиционерам] чистить?» (из выступления на третьем Всебелорусском собрании). Аналогичная риторическая отсылка к ответственности использовалась президентом и в других сферах. Например, в высказываниях о росте цен в Беларуси: «...я хочу, чтобы трудовые коллективы, которые жалуются на рост цен, тоже чувствовали, что как раз благодаря некоторым из них и растут эти цены» (заключительное слово на третьем Всебелорусском собрании).

Важной новацией программы (по сравнению с предыдущими годами) было утверждение о необходимости *партнерских* отношений между государством и бизнесом. Вместе с тем, данные отношения с необходимостью «нагружались» содержанием «социальная ответственность бизнеса». Высказывания Лукашенко в этом отношении имели персоналистский характер и связывались с личными инициативами президента. Данная дискурсивная особенность заметна на уровне построения высказываний, которые в ряде случаев делались от первого лица: «*Мне* пришлось трижды туда [на предприятие с привлеченными инвестициями] ездить... И *мы* нашли человека... *Я* говорю: я тебе даю 65 процентов, 35 оставляем у себя, блокирующий пакет, но *ты* должен увеличить количество рабочих мест..., поселок привести в порядок. В общем, загрузил его социальными проблемами» (заключительное слово на третьем Всебелорусском собрании).

Таким образом, в рамках избирательной кампании 2006 г. Лукашенко прослеживается приоритет социальной сферы с указанием на необходимость улучшения демографических показателей посредством, прежде всего, решения вопросов обеспечения населения жильем. В патриархальном ключе основная ответственность в отношении роста населения возлагалась на женщин, которым государство должно было создавать благоприятные условия. В качестве других целевых групп социальной политики назывались многодетные, молодые семьи, а также дети, оставшиеся без опеки родителей.

Высказывания президента воспроизводили положения теории развития: говорилось о значимости достижения высоких комплексных показателей в различных социальных сферах, повышении уровня благосостояния белорусского народа и уровня и качества жизни. Наряду с этим, важной ценностью, находящейся в основании высказываний Лукашенко, была стабильность, которая содержательно противопоставлялась как альтернативным способам реформирования в других странах бывшего советского блока, так и деструктивным идеям белорусской оппозиции, а также во временном отношении – ситуации до его прихода к власти (1994 г.).

Бизнес признавался в партнерском статусе, который интерпретировался как социальная ответственность, предполагавшая обязанность заниматься решением социальных вопросов. Характер данной обязанности часто означал личную ответственность перед президентом. Тема ответственности звучала в высказываниях президента и в отношении других социальных вопросов, и выстраивалась на отношениях долженствования гражданина государству. Граждане рассматривались, как обязанные не просто позаботиться сами о себе, но и возместить расходы государства в случае выполнения им социальных функций, оцениваемых в качестве превышающих возможный (с точки зрения президента Лукашенко) набор услуг. Третий сектор присутствовал в высказываниях Лукашенко в некорпоративистском формате, предполагавшем тесную взаимосвязь организаций и государства.

В целом, в рамках риторики 2006 г. был обозначен курс на либерального толка освобождение государства от части социальных обязанностей с переносом их на бизнес (социальная ответственность бизнеса) и самих граждан.

5.1.2 Избирательная кампания 2010 г.

Предвыборная программа Александра Лукашенко в 2010 г. носила название «От сохранения – к приумножению!»,¹⁰¹ и выстраивалась вокруг идеи закрепления достижений социально-экономического развития и придания им устойчивого характера.

В программе, как и во всей риторике кампании, повторялся ряд тезисов, использованных в 2006 г. В частности, обращение к выгодным для Беларуси оценкам международных институций, апелляция к успехам социально-экономического развития в рамках особой модели развития, ориентация на социально-ориентированную экономику, утверждение человека в качестве основной ценности и пр. Аналогично звучал и повтор обещаний. Например, о приближении уровня жизни белорусов к европейскому. По-прежнему присутствовали социально-экономические ориентиры, формулируемые в рамках концепции развития: «Мы должны сохранить родную Беларусь духовно здоровой, экономически мощной, экологически чистой, стабильной и мирной. Чтобы все могли сказать: «Беларусь - страна, в которой хочется жить»» (предвыборная программа 2010). Кроме того, в качестве одной из стратегических целей развития в публичных выступлениях Лукашенко неоднократно указывалось «вхождение в число первых пятидесяти стран мира с *наивысшим развитием человеческого потенциала*» (доклад Лукашенко на четвертом Всебелорусском собрании 6.12.2010 г.).¹⁰²

Ценностные основания кампании Лукашенко 2010 г. обозначались как: «забота о людях», «социальная ориентированность», «честность и справедливость государственной политики», «благополучие», стремление, чтобы «завтра белорусский народ жил лучше, чем сегодня» (доклад на четвертом Всебелорусском собрании). Также указывалась

¹⁰¹ Полный текст программы опубликован в газете «Советская Белоруссия» 27.11.2010, электронная версия на сайте издания. Доступно: <http://www.sb.by/post/108854/> (режим просмотра: 18.08.2013).

¹⁰² Расшифровка доклада Лукашенко «Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь» на четвертом Всебелорусском народном собрании 6.12.2010 доступна: <http://www.president.gov.by/press101782.html> (режим просмотра: 23.08.2013).

цель «стать богаче», которая ретранслировалась на уровень индивида и общества в коллективистском ключе – «через благосостояние каждого мы придем к благополучию всех» (программа 2010).

Социальная политика, как и в предыдущих кампаниях Лукашенко, декларировалась в качестве основного приоритета, что иллюстрировалось такими высказываниями как: «мы никогда не изменим своему главному принципу - *заботе о человеке*» или «несмотря ни на какие трудности, важнейшим приоритетом государства, как и прежде, является проведение *сильной социальной политики*. Абсолютно все, что делается в стране, нацелено на дальнейшее повышение уровня и качества жизни наших людей» (предвыборная программа 2010; Ежегодное послание президента белорусскому народу и Национальному собранию 21.04.2010). Повторялся тезис о необходимости продолжения проводимой в Беларуси политики и важности объединения белорусских граждан на данном пути: «У нас с вами есть опыт. Стране *не нужны эксперименты*. Нам нельзя останавливаться, не завершив работу. Надо идти дальше» (предвыборная программа 2010).

Вместе с тем, кампания Лукашенко велась в антикризисной риторике,¹⁰³ где особый путь развития Беларуси рассматривался как эффективный способ, который помог стране в меньшей степени (по сравнению с другими странами, включая ЕС и США¹⁰⁴) попасть под влияние мирового финансово-экономического кризиса и справиться с его последствиями. Лукашенко заявлял, что «наш социально-политический курс не на словах, а на деле доказал свою *эффективность*. И многие, даже наши прежние оппоненты как внутри страны, так и за рубежом,

¹⁰³ Характерно, что тема кризиса и утверждения на его фоне *особого пути Беларуси* звучала и в новогоднем обращении президента Беларуси в канун 2010 г. Доступно: <http://www.president.gov.by/press67129.html> (режим просмотра 4.08.2012)

¹⁰⁴ При этом в высказываниях Лукашенко присутствовали противоречивые интерпретации понятия «европейский»: с одной стороны, европейские страны критиковались за многочисленные социальные и экономические проблемы. С другой, к ним делалась отсылка в случае, когда необходимо было подчеркнуть стандарты высокого качества жизни. Например, «если мы хотим иметь, как мы часто говорим, *европейский* стандарт жизни, то и работать нужно по-европейски» (доклад на четвертом Всебелорусском собрании).

вынуждены сегодня это признать. Благодаря *своей модели развития* нам удалось *спасти страну от губительного кризиса*, предотвратить последствия, которые пришлось испытать большинству стран мира». Характерно, что «вина» за сам кризис и его последствия возлагались на страны – экономические партнеры Беларуси, которые «закрывали свой внутренний рынок для нашей продукции, в разы увеличивали цены на нефть и газ» (доклад на четвертом Всебелорусском собрании). Заслуги по выходу из кризиса персонифицировались и связывались с деятельностью Лукашенко (в частности, изданием трех директив, тематически связанных с проблемами дисциплины и правопорядка, деbüroкратизации, экономии и бережливости). Характерно, что уже в 2010 г. Лукашенко заявлял о преодолении в Беларуси последствий кризиса и восстановлении докризисных темпов роста экономики (Послание Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию 21.04.2010).

В связи с кризисом экономические вопросы получили в предвыборных высказываниях Лукашенко особое место, хотя при этом и акцентировалось сохранение ориентира *социально-ориентированной экономики и социального процветающего государства*. В качестве основных инструментов реализации данных целей указывались: сохранение производства, как гарантия сохранения рабочих мест и источника регулярных доходов граждан (занятость - самая эффективная мера социальной политики); развитие новых технологий производства, либерализация экономики; выработка национальной энергетической стратегии; инновационность и привлечение инвестиций; деbüroкратизация и пр. Содержательной новацией выступало утверждение о необходимости формирования в Беларуси *общей культуры качества*, предполагавшей воспитание «устойчивого желания качественно жить, трудиться, учиться, выполнять возложенные на них обязанности», а также выработку принципов *конкурентоспособности* на индивидуальном и коллективном уровнях (Послание 2010).

Усиливался тезис о социальной ответственности бизнеса в рамках экономики «морального характера». Иллюстративным в данном контексте было высказывание Лукашенко о том, что «*государству и бизнесу необходимо идти в одной упряжке*» (программа 2010; послание 2009, 2010). Вместе с тем, бизнес продолжал рассматриваться в качестве субъекта, обязанного государству, в то время как за последним сохранялось и подчеркивалось право на практики вмешательства и регулирования. Одновременно вводилось новое понятие *государственно-частное партнерство*, которое также интерпретировалось как социальная ответственность, хотя при этом звучало символическое признание за бизнесом инновационного потенциала и его значимости для государства (Послания 2009, 2010).

Среди главных результатов социально-экономического развития страны в программе 2010 г. указывались: «спасение села и обеспечение продовольственной безопасности»; «раскрепощение деловой инициативы»; «обеспечение полной занятости»; масштабное жилищное строительство и обеспечение квартирами граждан. Лукашенко говорил о высоком уровне жизни белорусских граждан, которые «стали жить лучше. Доля малообеспеченных граждан по сравнению с 1995 годом уменьшилась в семь раз. Каждый, кто хочет трудиться, - имеет работу. А нуждающимся помогает государство. *Социальная справедливость существует не на словах, а на деле*. В Беларуси нет ни нищих, ни олигархов» (программа 2010). В высказываниях Лукашенко присутствовала ориентация на будущее, предполагавшая выход на «качественно новую ступень развития». Понятие «уровень и качество жизни человека» включало такие смысловые составляющие как: «полноценная» семья (понимаемая как семья, где есть дети), здоровье, образование, реальные доходы и комфортность жизни (доклад на четвертом Всебелорусском собрании).

Основными целями социального развития в предвыборной программе Лукашенко в социальной сфере были: улучшение качества

жизни; повышение рождаемости (в частности, посредством увеличения размеров пособий при рождении и по уходу за ребенком); поддержка многодетных семей (увеличение размера пособий, особый порядок предоставления жилья); увеличение социальных выплат и пенсий; развитие программ государственного строительства и обеспечения граждан жильем. Указывалось на сохранение социальной составляющей в политике ценообразования, а также политики сдерживания тарифов на ЖКХ (для индивидуальных потребителей). Много внимания уделялось вопросам заработной платы: позитивно оцениваемому введению гибкой системы оплаты труда, уходу от «формализма и уравниловки» (послание 2010). Приоритетом социального развития продолжало оставаться жилищное строительство, но с акцентами на требования улучшения его качества.

Усиливалась обозначенная в рамках кампании 2006 г. этическая линия *ответственности граждан перед государством* (как обязанность быть благодарными за оказываемые услуги). Так, соответствующий раздел в обращении Лукашенко к народу и парламенту в 2009 г. имел название: «Социальная политика государства и ответственность граждан». Роль государства обозначалась в либеральном ключе как института, создающего условия для проявления инициативы и заработка (в отношении трудоспособных граждан). Однако сохранялась ответственность (выплата социальных пособий, пенсий и сохранение их размера) перед социально-уязвимыми категориями граждан как *слабыми звеньями* общества, которые не могут обеспечить себя сами. Однако указывалось, что эти выплаты будут делаться исходя из экономических возможностей государства (обращение 2010). От граждан требовалось проявление инициативы, ответственности и признания заслуг государства в оказываемой им помощи. Лукашенко неоднократно подчеркивал, что государство обеспечивало белорусских граждан дополнительной социальной поддержкой в оплате ЖКХ, образования, общественного транспорта, медицинского обслуживания и пр. «Нельзя не учитывать, что

государство добровольно взяло на себя значительную часть расходов, связанных с социальным обеспечением граждан» (доклад на четвертом Всебелорусском собрании).

Важным компонентом кампании 2010 г. был тезис о *крепкой семье как основе государства*. Значимость семьи имела прагматическую интерпретацию, как источника обеспечения экономической устойчивости государства и института, выполнявшего функции воспроизводства населения, социализации разных поколений в духе «здорового образа жизни» и передачи «традиционных семейных ценностей». Параллельно в консервативном ключе вводилась и символическая оценка наличия детей в семье: *«иметь детей станет престижно»* (программа 2010). Для поддержки семьи предусматривался набор инструментов, включая обеспечение жильем, льготное кредитование, трудовые пособия матерям, повышение размера пособия на детей в возрасте до 3-х лет, развитие инфраструктуры дошкольных учреждений и пр.

Президент Лукашенко высказывался о необходимости партнерства с общественными объединениями, которые, в его представлении, выполняли *общественно-полезные функции*: например, Белорусским союзом женщин (БСЖ), БРСМ, Белорусским общественным объединением ветеранов (БООВ). Отдельной темой звучало корпоративистское взаимодействие с профсоюзами, как институтами, призванными реализовывать на предприятиях политику государства.

Особое место в предвыборной кампании Лукашенко занимали вопросы здравоохранения, образования и системы социальной защиты. При обращении к ним обязательно указывалось на уже имеющиеся достижения. Содержательной новацией в сфере здравоохранения было требование *коммерциализации*, заключавшейся в переходе к экспорту медицинских услуг. Признавалось, что медицина в Беларуси продолжает оставаться бесплатной, однако параллельно развиваются платные услуги. Отвечая на критику в отношении последнего обстоятельства, Лукашенко указывал, что «не вся необходимая... помощь может оказываться за счет

государства» (послание 2010). Президент говорил о значимости здорового образа жизни, поддержание которого связывалось с развитием оздоровительно-спортивной инфраструктуры массового характера. В образовании подчеркивалось сохранение «советского уровня бюджетного образования» с его количественными улучшениями, в частности, увеличением наборов студентов (послание 2010). Вместе с этим звучали высказывания о необходимости развития «цивилизованной системы социальной защиты», предполагавшей внедрение современных технологий социального обслуживания. Забота о пожилых людях озвучивалась в рамках консервативно-ориентированной семейной политики, где дети рассматриваются в качестве гарантов обеспеченной старости своих родителей, обеспечивая возможность государству снять с себя ответственность в данном вопросе (Matonytė, Chulitskaya 2012).¹⁰⁵ Характерным в данном контексте является высказывание Лукашенко о том, что «если мы говорим о том, что мы государство социально ориентированное, мы должны их [пожилых людей] защитить! Бросим мы их (стариков) — нас тоже так дети бросят» (Послание 2010).

Таким образом, вопреки актуализирующейся необходимости неолиберальных сокращений социальных расходов, во время избирательной кампании 2010 г. риторика Лукашенко оставалась в своем основании патерналистской с популистским акцентом на социально-ориентированное государство, заботу о благосостоянии граждан, в особенности, о людях старшего поколения, а также молодых семьях с детьми и многодетных семьях. Важными были популистские обещания сохранения рабочих мест, строительства жилья, увеличения зарплат и сохранения существовавшего уровня социальных выплат.

Кроме того, усиливалась патерналистско-этатистская смысловая линия ответственности/ обязанности граждан перед государством за оказываемые социальные услуги. При этом у государства предполагалось

¹⁰⁵ Хотя при этом и озвучивались планы создания социальных учреждений нового типа, в которых пожилые люди могли бы находиться на условиях временного пребывания.

право «выхода из игры» в случае отсутствия достаточных возможностей оказывать социальные услуги, а его обязанности в отношении трудоспособных граждан сводились к либеральному обеспечению *равенства возможностей заработка*. Параллельно укреплялась корпоративистская линия использования лояльных власти общественных организаций для проведения социальной политики. Бизнес признавался в качестве субъекта, обладающего некоторыми правами в государстве с обязательной «социальной ответственности», именовавшейся «государственно-частным партнерством». Мировой экономической кризис хотя и присутствовал в качестве содержательного фона кампании, но использовался для утверждения эффективности популяризируемого Лукашенко особого пути развития.

5.1.3 Роль государства и гражданского общества в высказываниях Лукашенко

В высказываниях Лукашенко относительно роли государства в социальной политике (и публичной политике, в целом), можно проследить определенную динамику. На протяжении рассматриваемого периода он использовал несколько конфликтующих по смыслу формулировок. Первая из которых - **государство либерального типа**, обеспечивающее возможности трудоспособным гражданам заработать и самим обеспечить свое благосостояние: «Государство должно и будет помогать только там, где без этого не обойтись. Но то, что под силу сделать человеку, должен сделать он сам» (Послания 2006, 2008, 2009, 2010). При декларации адресной социальной поддержки тем, кто не может обеспечивать приемлемый уровень жизни в рыночных условиях. Другой интерпретацией было **«большое государство»**, осуществляющее регулирование всех остальных сфер социально-экономической жизни. Государство с правом вмешательства в другие сферы (в частности, бизнес) и установления требований социальной ориентированности и решения социальных вопросов. Граждане в данном контексте рассматривались как обязанные государству за предоставление

социальных услуг. «Прежде чем задавать вопрос «что государство мне дало?», каждый должен спросить себя, что он полезного сделал для своего Отечества» (доклад на четвертом Всебелорусском собрании 2010). Еще одним используемым понятием было **патерналистское государство** как «большая семья», где «позаботятся о каждом» с взаимответственностью граждан друг за друга и общий уровень благосостояния. «В своем государстве мы - одна большая семья, в которой от труда каждого гражданина, его знаний, ответственности зависят сила и процветание всех» (Послание 2009). Кроме того, оно отождествлялось лично с Лукашенко и его деятельностью. В последнем значении **государство** представлялось, как институт, обеспечивающий **возможности развития** своих граждан: «Государство может и должно создавать условия для полноценной жизнедеятельности граждан» (Послание 2009).

Все вышеобозначенные интерпретации использовались Лукашенко в период 2006 – 2010 гг. в равной степени в зависимости от обстоятельств выступлений. Важной составляющей представления о роли государство являлась консервативная **критика практик иждивенчества**, которые приписывались белорусским гражданам. Например, «мне все чаще и чаще приходит информация, что люди готовы жить в Беларуси, как в собесе, что Беларусь - будто институт социального обеспечения: хочу - иду на работу, хочу - не иду, хочу - работаю, если приду, хочу - не работаю. Так не будет!» (послание 2009).

Представления о взаимоотношениях государства и третьего сектора формулировались президентом, исходя из критерия лояльности, и готовности общественных объединений выступать в качестве имплицитатора политического курса власти. Так, он утверждал: «Но партийное строительство я буду поддерживать всегда, если эти партии будут *конструктивные*, если они будут настроены на сотрудничество... Мощные, *государственно настроенные политические партии* - не

помеха, а опора государственного устройства» (доклад на четвертом Всебелорусском собрании).

Относительно третьего сектора в высказываниях Лукашенко выделяются:

- Признание **наличия в Беларуси «гражданского общества»**, состоящего из местных исполнительных органов, а также лояльных власти организаций (прежде всего, профсоюзов, Советов депутатов, молодежных и ветеранских) в противоположность утверждениям оппозиции о необходимости создавать в Беларуси гражданское общество;
- Утверждение о необходимости **«партнерства и конструктивного сотрудничества»** государства и общества, в которых **не должно быть конфликтности**. «Государство и общество - это две составляющие единого целого, которые взаимосвязаны на принципах партнёрства и конструктивного сотрудничества. Ведь делить-то нечего: плывём в одной лодке, раскачивание которой может обернуться бедой для всех» (Послание 2006).
- Утверждение о **слабости организаций**, не попадающих в пул лояльности, как «не представляющих интересов народа», а также имеющих целью свержение существующего в стране политического режима, отождествляемого лично с президентом Лукашенко;
- **Корпоративистские идеи** обязанности лояльных организаций выполнять социальные функции (например, ФПБ – решать соответствующие проблемы на предприятиях, БРСМ – обеспечивать трудоустройство);
- Отрицание планов создания в Беларуси «партии власти» (по аналогии с «Единой Россией»), как неактуальных для современной ситуации;
- Утверждение **партнерских отношений между государством и церковью** в лице двух конфессий (православной и католической).

Таким образом, в высказываниях Лукашенко преимущественно присутствовали организации, находившиеся на позициях лояльности к власти, которую они готовы публично подтверждать. Несмотря на риторические отсылки к либеральному режиму *партнерства* с третьим сектором, форма взаимоотношений «государство-третий сектор» в высказываниях Лукашенко представляла собой *неокоorporативистскую* модель, в которой лояльность организаций вознаграждалась признанием со стороны президента, что, с одной стороны, открывало им доступ к государственной поддержке. С другой, обязывала участвовать в реализации решений и мероприятий власти. Организации, не попадавшие в круг лояльности, подвергались жесткой критике и не признавались в качестве субъекта политической и общественной жизни.

5.1.4 Тема изменения системы предоставления социальных льгот

В высказываниях Лукашенко (а вслед за ним и представителей всех государственных органов) тема изменения системы предоставления льгот озвучивалась как «упорядочивание». Интересно, что в одном из интервью Лукашенко называл себя «*ярым противником льгот*» (интервью журналистам российских изданий 2009 г.¹⁰⁶). В его высказываниях относительно социальных льгот можно выделить две основные смысловые линии. Первая - **неолиберальная**, понимаемая как необходимость изменения системы социальных льгот для повышения эффективности расходов государственного бюджета и перенаправления средств на государственные социальные программы. Здесь же предусматривалось введение принципа *адресности* социальной помощи, как поддержки индивидов в конкретных случаях. Вторая – **консервативно-моральная**, объясняющая политику упорядочивания льгот в категориях морали, с одной стороны, как *восстановление* в обществе социальной справедливости. С другой, *искоренение практик иждивенчества*, порождавшихся системой льгот.

¹⁰⁶ Полный текст интервью Лукашенко российским изданиям 2009 г. доступен: <http://zn.by/content/press-konferentsiya-aleksandra-lukashenko-dlya-predstavitelei-rossiiskikh-smi.html> (режим просмотра: 29.07.2013).

Среди причин отмены льгот президент Лукашенко указывал: неэффективность системы, сохранившейся в Беларуси после распада СССР (большое количество льгот, которое получало порядка трех четвертей белорусского населения наряду с небольшим размером выплат; исключенность из системы жителей сельской местности). Практики коррупции и злоупотреблений, порождаемые данной системой (например, при предоставлении путевок для оздоровления).

В качестве альтернативы предлагалась система, основанная на либеральных принципах *адресности* и *индивидуальности* (ГАСП). ГАСП интерпретировалась как расширение возможностей граждан, получение права независимо от категории претендовать на поддержку. Средства, которые, в оценках президента, должны были высвободиться в процессе реформирования, планировалось перенаправлять на государственные программы поддержки материнства и детства и черныбыльские программы. При этом подчеркивалось, что для некоторых категорий (в частности, ветеранов второй мировой войны) льготы были сохранены.

Параллельно политика «упорядочивания льгот» интерпретировалась Лукашенко в рамках морального консервативного дискурса в противоположность неолиберальным представлениям об эффективности. Основными идейными принципами изменений назывались: «справедливость», «равнодоступность» и «прозрачность» (хотя при этом высказывались предположения, что адресная система предоставления льгот потребует больших бюджетных затрат). «Главная цель это *не экономия* государственных средств... Главная цель заключалась в *справедливости* получения той или иной государственной поддержки. В очередной раз отмечу: мы, наверное, на адресную поддержку тем, кому нужно помогать, затратим больше» (Послание 2008). Аналогичным образом в моральном ключе объяснялись и решения президента, которые, по сути, заново вводили льготы для отдельных категорий граждан (например, возвращение посредством Указа президента пенсионерам права на льготный проезд в пригородном

транспорте на период дачного сезона весной 2008 г.) «Здесь *надо было помочь...* Адресно, под конкретную ситуацию. Это и есть социальная справедливость» (послание 2008). Именно в категориях «справедливо – несправедливо» объяснялись и другие шаги в политике отмены льгот.

В рамках моральной интерпретации Лукашенко утверждал новое для Беларуси консервативное понимание самого института социальной помощи, как «*временного решения для трудной жизненной ситуации*» и «*рука помощи, чтобы встать на ноги, а не пожизненное содержание*» (послание 2007). Данная интерпретация дополнялась «анти-иждивенческими» патерналистскими высказываниями, в рамках которых Лукашенко утверждал, что «*шалых льгот не будет*» (послание 2010). Критика иждивенчества хорошо «вписалась» и в антикризисную риторику избирательной кампании 2010 г., когда, с одной стороны, Лукашенко патерналистски заявлял о защите государством своих граждан, с другой – подчеркивал необходимость позаботиться самим о себе, и их обязанность перед государством за все социальные дотации.

В целом, высказывания белорусского президента звучали в логике постсоциалистического состояния, в рамках которой государство стремилось уйти из сферы социальной политики либо снять с себя часть обязанностей в сфере социальной защиты. Характерно, что в качестве идеологического обоснования этих действий патерналистский лидер воспроизводил не ассоциировавшиеся с Западом идеологические установки, но апелляцию к советскому прошлому и положения теории развития (при этом первые в течение рассматриваемого периода заменялись вторыми). Например, говорилось о «переходе от социальной защиты к социальному развитию», как уходе от мер, связанных с вынужденной ликвидацией негативных социально-экономических последствий распада СССР, к новому этапу общественно-экономического развития страны. При этом в качестве аргументов для обоснования своей позиции использовались данные национальной статистики и выгодные показатели международных социально-экономических рейтингов.

Кроме того, как на уровне реализации политики в сфере льгот, так и в их дискурсивной презентации, важное место занимали единоличные решения президента по возвращению льгот отдельным категориям граждан. Данные действия стали дополнительным основанием для отождествления социальной политики в Беларуси лично с Александром Лукашенко.

5.1.5 Понятие *социальная справедливость* в высказываниях президента Лукашенко

Анализ высказываний президента Лукашенко позволяет говорить о присутствии в них в качестве одного из определяющих общее содержание понятия *социальная справедливость*. Данное понятие (либо просто понятие *справедливость*) активно использовалось им как во время прихода к власти, так и во все последующие годы. В совокупности его высказываний можно выделить несколько интерпретаций. Первое связано с **идеологическим основанием белорусского политического режима и социально-экономической модели развития**. Социальная справедливость *per se*, не требующая дополнительных интерпретаций: «Есть *ценности*, которыми мы гордимся. Прежде всего, это вера наших предков, отечества, нравственность, славянское единство, социальная справедливость. Они составляют надежный фундамент нашей *идеологии*» (2006 г.).¹⁰⁷ В оценке социально-экономического развития оно связывалось с понятиями *стабильность* и *высокое качество жизни*. «Сегодня Беларусь находится не в *упадке*, не в *застое*, как нам часто предрекали. Она динамично и уверенно движется вперед - к более высокому качеству жизни людей и материальному достатку, социальной справедливости и политической стабильности общества» (из телевыступления Лукашенко 17.03.2006 г.).¹⁰⁸

¹⁰⁷ Из выступления Лукашенко в Свято-Духовом Соборе г. Минска во время Пасхального богослужения, 21.05.2006 г. Доступно: <http://evrazia.org/news/30> (режим просмотра: 18.08.2012).

¹⁰⁸ Стенограмма телевыступления Лукашенко 17.03.2006. Доступно: <http://www.president.gov.by/press43740.html> (режим просмотра: 18.08.2012).

Вторым подходом к понятию *социальная справедливость* является его использование в качестве **морально-консервативного обоснования** того или иного политического действия (пример высказываний при отмене льгот). В следующей интерпретации *социальная справедливость* выступает **как равенство**, когда «государство должно одинаково заботиться о всех... Всем – равные условия» (послание 2008 г.). *Социальная справедливость*, соответственно, представляется **как отсутствие** в белорусском обществе **социального расслоения**. Такая формулировка использовалась в предвыборной риторике Лукашенко в 2006 и 2010 г. для демонстрации социальных достижений Беларуси, одним из свидетельств которого являлось отсутствие социального расслоения и уровня разницы в доходах, сопоставимого с развитыми европейскими странами, что оценивалось как «социальная справедливость не на словах, а на деле» (предвыборная программа 2010).

Кроме того, отсылки к понятиям *справедливость* и *социальная справедливость* Лукашенко часто делал **при оценке процессов приватизации** в России и Украине. Утверждая, что и сами они, и их последствия были *несправедливыми*. «Ну, ладно бы, он [бизнесмен в Украине] создал это предприятие, но это *предприятие было приватизировано за гроши* в свое время. Вот она - справедливость» (заключительное слово третье Всебелорусское собрание). *Справедливое* белорусское государство противопоставлялось *несправедливой* приватизации в соседних странах, и выступало дополнительным основанием легитимации политического режима и его политики.

Подводя итог, можно сказать, что социальная проблематика, составляющие режима благосостояния, включая его содержательные основания (и, в частности, понятие *социальная справедливость*), в течение рассматриваемого периода находились в центре высказываний Лукашенко. Они имели популистский характер символического утверждения единства президента с народом с набором имитационных инструментов решения проблем (в частности, обеспечения всеобщей

занятости, роста зарплат). Риторика белорусского президента имела эклектичный характер, в ней совмещались элементы различных социально-экономических и политических подходов, которые вариативно использовались в зависимости от целей и аудитории.

В оценке роли государства в социальной политике совмещались три подхода: либеральный, консервативно-корпоративистский, а также с позиций теории развития. Вместе с тем, все они «перекрывались» патриархальными формулировками и отождествлением государства с личностью Лукашенко. Третий сектор в представлениях белорусского президента символически разделялся на две части по критерию лояльности, и наряду с нивелированием нелояльной его части рассматривался с неокорпоративистских позиций и инструментализировался. Семейная политика определялась в консервативном ключе с фокусом на поколенческую взаимопомощь.

Содержательные, идейные основания дискурса президента Лукашенко в отношении социальных проблем связывались с понятиями *стабильности* и *развития* («устойчивое развитие», «благополучие», «забота о людях»), а их хронологическим фоном выступало время до прихода Лукашенко к власти. В его высказывания использовались и такие ценности как: *честность, нравственность, социальная справедливость*. Вместе с тем, в интерпретации последнего понятия присутствовала эклектика различных идейных подходов (либерального, консервативного и социал-демократического, индивидуалистического и коллективистского, а также теории развития).

5.2 Администрация президента Республики Беларусь

Основным спикером Администрации президента по вопросам социальной политики в рассматриваемый период являлась заместитель главы Администрации Наталья Петкевич. Кроме того, в медийных публикациях присутствовали комментарии технического, разъяснительного характера относительно введения новых законодательных актов или норм в сфере социального обеспечения, как

со стороны представителей Администрации (в частности, самой Петкевич), так и аффилированного с этим органом Национального центра законопроектной деятельности (в частности, заместитель начальника отделения социального законодательства В. Чаушника).

Необходимо отметить пропагандистскую роль ИАЦ, занимавшегося «оформлением» идеологических установок власти в тезисную форму для распространения в рамках единого дня информирования населения.¹⁰⁹ Например, в отношении ситуации отмены льгот были выданы следующие материалы: «Совершенствование системы льгот, прав и гарантий – закономерный путь к социальной справедливости и процветанию государства» (№ 6 (43) (июнь 2007)); «Партнерство государства и общества в укреплении социального благополучия. Итоги реформы и упорядочения льгот» (№ 1 (49) (январь 2008)); «Изменения в системе адресной социальной помощи» (№ 10 (70) (октябрь 2010)). В данных материалах присутствовали упрощенные разъяснения изменений в связи с отменой льгот и имплементацией механизма ГАСП.

Высказывания по социальной проблематике Администрации президента, в целом, воспроизводили тезисы белорусского президента. В событийном плане, большинство из них¹¹⁰ было связано с отменой льгот. Вслед за президентом в обосновании данного законопроекта использовалось несколько интерпретаций.

¹⁰⁹ Единый день информирования населения регулярно проводится во всех государственных учреждениях Беларуси. Как правило, его тематика связана с актуальными проблемами политического, социально-экономического либо культурного характера. Для его проведения ИАЦ разрабатывает материалы, которые используются с возможными добавлениями региональной либо секторальной специфики. С этими материалами можно ознакомиться, к примеру, на сайте Минского городского исполнительного комитета. Доступно: http://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/den_info_arhiv.shtml (режим просмотра 1.08.2012).

¹¹⁰ Вместе с тем, в рассматриваемый период в белорусских СМИ присутствуют упоминания о Наталье Петкевич и в связи с другими активностями, которые можно отнести к социальной сфере. В частности, выступления на конференциях международных организаций по социальной тематике. Например, с докладом о ситуации с положением профсоюзов в стране на конференции Международной организации труда (июнь 2006); с докладом о гендерном равенстве в штаб-квартире ООН (март 2006) и с докладом о торговле детьми на пленарном заседании Ассамблеи ООН (декабрь 2007) и пр.

Неолиберальная – экономическое обоснование необходимости отмены льгот, как способа снижения неэффективности бюджетных расходов. С позиций НППМ неэффективности категориального механизма противопоставлялся индивидуальный и адресный подход. Вместе с тем, в отличие от высказываний президента чиновники говорили о целях перераспределения и экономии в силу ограниченности государственных ресурсов. «Не от больших денег, не от хорошей жизни *государство экономит*. Сегодня надо поддержать население в связи с увеличением цен на энергоресурсы. Можно сохранить льготы, но мы соответственно получим жировки в три-четыре раза больше» (из выступления Петкевич 4.05.2007¹¹¹). Высказывания об экономической целесообразности перехода на адресную систему продолжились и после вступления изменений в силу и получения большего количества запросов по сравнению с запланированным в бюджете (по итогам первого квартала 2008 г.). Тем не менее, сам факт замены универсального принципа на адресный оценивался как эффективный.¹¹²

Морально-психологическое объяснение негативной реакции общества и социальных общественных объединений на отмену льгот. В высказываниях замглавы администрации звучало патриархальное отношение к обществу, оценивавшееся как неспособному быстро реагировать на изменения. А также - анти-иждивенческие тезисы, дополнявшиеся риторикой о том, что отсутствие льгот повлечет рост инициативности и ответственности людей за самих себя в условиях рынка. «Я считаю, что *институт... льгот* на самом деле очень вредный, и он отталкивает нас назад, ведь пока есть вот эти льготы, вот эта забота государства ... тогда ему [человеку] не надо заботиться о себе самому. Он не будет никогда этим заниматься, а соответственно он никогда не будет

¹¹¹ Цитируется по публикации «Петкевич: Нужно отменить льготы всем до единого» // news.tut.by, 4.05.2007. Доступно: <http://news.tut.by/politics/87145.html> (режим просмотра: 25.06.2012)

¹¹² Подробнее о первых результатах функционирования адресной системы предоставления льгот см. информационное сообщение: «Петкевич: средства на адресную социальную помощь будут выделяться оперативно»// Naviny.by 2.05.2008. Доступно: http://naviny.by/rubrics/society/2008/05/02/ic_news_116_290104/ (режим просмотра: 25.06.2012).

знать тех цивилизованных рыночных механизмов, которые реально существуют в мире» (из интервью Петкевич телеканалу «Россия-Беларусь» 23.06.2008).¹¹³ С отсылкой к дискурсу моральности, замглавы Администрации заявляла о том, что отмена льгот не является неуважением к заслугам отдельных людей: «признательность *людям*, которые имеют *какие-то заслуги перед страной*, их матерям и семьям не измеряется льготами. Это разные вещи» (из публикации в «Народной газете» 24.05.2007 г.¹¹⁴).

Присутствовало в высказываниях представителей Администрации президента и понятие *социальная справедливость* в различных пониманиях. В **индивидуалистическом понимании** как равенство возможностей (в предоставлении льгот) vs **группового/ категориального** подхода. «Социальная справедливость - это *равная защита* тех, кто находится в тяжелом положении, а не помощь потому, что человек относится к той или иной категории льготников» (Белта 23.05.2007).¹¹⁵ *Социальная справедливость* понималась как **ликвидация неравенства** в использовании льгот между городским и сельским населением (которое, согласно данной интерпретации, не могло пользоваться льготами), и богатыми и бедными (утверждалось, что наиболее обеспеченная часть населения получала на 30% больше льгот, чем менее обеспеченная) (из материалов ИАЦ 2007 г.). Социальная справедливость также рассматривалась, как **перераспределение** бюджетных средств в пользу более нуждающихся (на чернобыльские программы, охрану материнства и детства, помощь малоимущим) и **справедливое распределение** в пользу «действительно нуждающихся».

¹¹³ О выступлении Петкевич на канале «Россия-Беларусь» см. аналитическую заметку на сайте naviny.by. Доступно: http://naviny.by/rubrics/economic/2008/06/24/ic_news_113_292585/ (режим просмотра: 26.06.2012)

¹¹⁴ Полный текст статьи «Главное - не льготы, а благосостояние и доходы людей» // Народная газета, 24.05.2007. Доступно: http://www.ng.by/ru/issues?art_id=13683 (режим просмотра: 26.06.2012).

¹¹⁵ Информационное сообщение «Закон об упорядочении льгот и указ об адресной социальной помощи вступят в силу одновременно» // Белта, 23.05.2007. Доступно: http://www.belta.by/ru/all_news/society?id=156650 (режим просмотра: 26.06.2012).

Еще одним вкладываемым в понятие смыслом было **развитие человека** и общества, в рамках которого в характерном для постсоциалистического состояния ключе осуществлялось противопоставление *социальной защиты*, как «порождающей иждивенчество», *социальному развитию*, как прогрессивному ориентиру белорусской политики. При этом подчеркивалось продолжающееся повышение уровня жизни в Беларуси, вследствие которого ликвидируемые льготы восполнялись увеличением доходов населения (включая решение проблемы бедности). В качестве фона для такого сравнения использовалась ситуация после распада СССР, когда «сохранение льгот было справедливо и оправданно» (из материалов ИАЦ 2007). В целом, понятие *социальная справедливость* использовалось в качестве одной из идейных основ легитимизации действий властей по отмене льгот.

В высказываниях представителей Администрации президента по социальным вопросам выделялась совокупность высказываний, связанных с идеями НПМ: деbüroкратизации, прозрачности и горизонтальной подотчетности органов государственной власти. Данные тезисы присутствовали как у Натальи Петкевич при продвижении идей новых принципов системы социальной защиты, так и у Владимира Макея в оценках работы с обращениями граждан.¹¹⁶

Взаимодействие Администрации президента с организациями третьего сектора имело имитационный характер. Так, предпринимавшиеся действия для привлечения представителей третьего сектора к взаимодействию служили целям повышения легитимности принимаемых властью решений без возможности участия в самом процессе. Например, в ответ на предложение о проведении публичного обсуждения законопроекта по отмене льгот в мае 2007 г. Петкевич

¹¹⁶ О требованиях к повышению эффективности работы с обращениями граждан у Макея см. информационное сообщение «Контроль за работой местной власти с обращениями граждан будет проводиться постоянно» // Белта, 12.12.2010. Доступно: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Kontrol-za-rabotoj-mestnoj-vlasti-s-obraschenijami-grazhdan-budet-provoditsja-postojanno---Makej_i_535192.html (режим просмотра: 25.06.2012).

ответила отказом.¹¹⁷ Кроме того, Администрация президента, по сути, лоббировала принятие закона о «Профессиональных союзах» (октябрь 2007 г.), вызвавшего критику, как независимых белорусских профсоюзов, так и МОТ.

В текстах ИАЦ при описании отношений с третьим сектором использовалось понятие *социальное партнерство*, интерпретируемое как совместное решение государством и обществом социальных проблем. Большое значение придавалось заключению Генерального соглашения между правительством, объединением предпринимателей и профсоюзами. Подчеркивалось содействие государства деятельности общественных объединений, оцениваемых в качестве конструктивных; утверждение позитивного опыта сотрудничества между государством и третьим сектором (в частности, ФПБ, БСЖ, БРСМ, ветеранские организации).

Таким образом, хотя Администрация президента и являлась одним из разработчиков законодательных изменений в сфере социальной политики, открытые источники содержат мало информации о ее деятельности. Основные смысловые линии связаны с ситуацией отмены льгот, в ходе которой замглавы Администрации Наталья Петкевич выступала главным спикером. Она воспроизводила тезисы Лукашенко о неолиберальной эффективности предполагавшихся реформ, их моральной составляющей (апелляция к признанию, недопустимости практик иждивенчества). Содержательные расхождения с риторикой Лукашенко были незначительными, хотя в высказываниях чиновницы и делался больший акцент на планы экономии средств при проведении

¹¹⁷ В интервью один из представителей социальных организаций описывает поведение Петкевич на встрече по отмене льгот следующим образом: «От Администрации выступала тогда Петкевич... Администрация сказала, что мы упорядочим, и все будет хорошо. Начали выступать «общественники» [представители общественных организаций] и даже вразной звучало, что никто не понимает, что происходит, и звучало очень большое сомнение. А на критическом высказывании общества инвалидов тему просто закрыли, и Петкевич не стала дальше разговаривать ни о чем. Причем самая главная апелляция была: «А чего вы хотите? Какие инвалиды? Я сама мать-одиночка, т.е. мне надо помогать» (из интервью N-24).

реформ в целях перераспределения на скрытую социальную поддержку (в частности, оплату ЖКХ).

Для обоснования необходимости изменений в системе предоставления льгот использовалось понятие *социальная справедливость*, интерпретируемое как обеспечение равенства возможностей для представителей менее обеспеченных групп населения. Параллельно с этим, понятие использовалось в индивидуальном измерении в противоположность категориальному, групповому подходу, который, по мнению представителей Администрации, существовал в советское время.

5.3 Министерство труда и социальной защиты

Нарратив профильного министерства социальной политики - Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (Минтруда) - в период 2006 – 2010 гг. можно охарактеризовать как имевший *инструментальный характер*. Основные высказывания, связанные с понятием *социальная справедливость* и составляющими режима благосостояния, относились к реализации определяемой президентом и администрацией политики, а в дискурсивном плане соответствовали либо полностью воспроизводили артикулированные последними смыслы. Большое значение при этом придавалось декларациям о достижении целей, поставленных президентом в программных выступлениях. Аналогичным образом представители министерства реагировали и на отмену льгот, а также последующую политику введения ГАСП, поддерживая изменения и занимаясь разъяснением президентских инициатив. Однако помимо пропагандистской работы Минтруда выполняло важную функцию информирования населения об изменениях социальной политики. Так, на сайте этой институции, начиная с 2007 г. регулярно проводились он-лайн конференции по профильным вопросам; оперативно размещалась информация о принимаемых изменениях и пр.

В качестве социальных вопросов, артикулируемых Минтруда можно указать:

- проблемы предотвращения бедности (с фокусом на меры обеспечения роста доходов населения, адресную поддержку малообеспеченных, повышение минимальных социальных стандартов);
- задачи повышения уровня оплаты труда (посредством использования таких инструментов как: минимальная заработная плата, государственное регулирование оплаты труда посредством национальной тарифной системы). При этом представители Министерства постоянно присутствовали в СМИ с сообщениями о повышении зарплат в бюджетном секторе, а также планировавшихся и производившихся изменениях в размерах социальных пособий;
- предложения руководителей Минтруда по повышению размеров социальных пособий, особенно связанных с выплатами на детей. Высказывания по данному поводу имели оптимистичную тональность. Так, типичными заголовками сообщений СМИ были: «Размер детских пособий в Беларуси будет планомерно повышаться» (Белта 16.10.2010); «На пути к 500 [долларам зарплат]» («Беларусь сегодня» 18.06.2010); «Зарботная плата бюджетников повысится с ноября в среднем на 30%» (Белта 28.09.2010). О пропагандистском характере данных инициатив свидетельствовали и размеры повышений, которые в ряде случаев были символическими (например, увеличение ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 3-х лет до размера БПМ в 2009 г.);
- обеспечение занятости населения и «удержание уровня регистрируемой безработицы в социально-допустимых пределах»

(Минтруда 2009: 6).¹¹⁸ Вместе с тем, в высказываниях Потупчика присутствовала тема оттока рабочей силы из Беларуси, как проблема, требующая решения;

- вопросы охраны труда;¹¹⁹
- пенсионное обеспечение и социальное страхование;
- государственная поддержка семьи, связываемая с решением демографических проблем. Здесь звучали пропагандистские оценки улучшения демографической ситуации (например, доклад Потупчика на заседании президиума Совета министров по вопросам выполнения программы демографической безопасности на 2007 – 2010 гг.);¹²⁰
- социальное обслуживание и социальные услуги с фокусом на деятельность стационарных учреждений социальной защиты, оцениваемых как крайне эффективных (в частности, ТЦСОН) (по материалам сайта Минтруда).

В высказываниях представителей Минтруда можно выделить одну оригинальную тему, которой не было у президента и Администрации - *социальный заказ*. Артикуляция данной идеи, вероятно, связана с влиянием ПРООН и поддерживаемого в ее рамках проекта «Разработка модели комплексной региональной социальной политики для предотвращения бедности в Республике Беларусь» (2006 – 2009 гг., национальный координатор - Щеткина). В продвижении и популяризации идеи социального заказа также участвовало МПОО «АКТ».¹²¹ Главной

¹¹⁸ Характерно, что тезис о необходимости борьбы с безработицей озвучивался параллельно с утверждениями о полной занятости.

¹¹⁹ Закон «Об охране труда» был принят в Беларуси в 2006 г., до этого времени Беларусь оставалась одной из немногих стран постсоветского пространства, где данная сфера была законодательно не урегулирована.

¹²⁰ О содержании выступления Потупчика по вопросам демографической безопасности в статье «Минтруда: в Беларуси складывается благоприятная демографическая ситуация» // naviny.by, 12.05.2009. Доступно: http://naviny.by/rubrics/society/2009/05/12/ic_news_116_311080/ (режим просмотра: 18.08.2013).

¹²¹ Оценка данного взаимодействия именно как партнерского звучит в высказываниях представителей самой социальной организации (АКТ), представители Минтруда хотя и не делали прямых оценок роли организации в данном проекте, но на уровне практической деятельности участвовали в проводимых ею мероприятиях.

содержательной новацией был неолиберальный заказ государством социальных услуг у третьего сектора, индивидуальных предпринимателей и некоммерческих организаций. Для идейного обоснования необходимости введения социального заказа использовалась апелляция к «*повышению качества жизни* пенсионеров, инвалидов и других социально-демографических групп населения» (Щеткина 2009: 6). Параллельно подчеркивалась эффективность данного инструмента в оптимизации использования бюджетных средств. При этом в высказываниях представителей Министерства звучали положительные оценки уже имеющегося опыта взаимодействия с белорусскими общественными объединениями социальной направленности. Повышение эффективности этого взаимодействия связывалось с выработкой законодательного механизма в сфере оказания социальных услуг.

Представители министерства (в частности, министр Щеткина) декларировали необходимость перехода к *партнерской* модели взаимоотношений с некоммерческими организациями, в которую также включалось и понятие социального партнерства, т.е. «сотрудничества государства, граждан и бизнеса в решении социальных проблем общества» (Щеткина 2009: 8). Интересно, что, совпадая, в целом, с президентскими высказываниями, социальная ответственность интерпретировалась более широко, не ограничиваясь только набором требований, но также включала дополнительные возможности для бизнеса и третьего сектора: налоговые льготы в случае пожертвований, налоговые и имущественные льготы для общественных организаций и пр.

Обоснование необходимости введения социального заказа связывалось с общей демографической ситуацией в стране, характеризующейся старением населения, увеличением количества одиноких пожилых людей, а также людей с инвалидностью (прежде всего, в силу общей тенденции старения). Соцзаказ, таким образом,

позиционировался как новый инструмент, необходимый для проведения социальной политики в изменившейся ситуации.¹²²

В отношениях с третьим сектором Минтруда реализовывало некорпоративистские практики сотрудничества с лояльными властью крупными социальными организациями. В частности, выступало вместе с провластной ФПБ в противостоянии с МОТ в связи с выявленными организацией нарушениями прав профсоюзов в Беларуси и последовавшим за этим исключением Беларуси из системы торговых преференций ЕС.¹²³

В идеологических основаниях социальной политики в Беларуси, воспроизводившихся в нарративе Минтруда, наряду с неолиберальными установками присутствовали и тезисы **теории развития**. Так, при характеристике системы социальной поддержки указывалось на ее *эволюцию* от системы оказания социальной поддержки отдельным категориям граждан до «комплексной многогранной системы мер, направленных на профилактику социального неблагополучия и развитие человеческого потенциала... расширению диалога с социальными партнерами» (Минтруда 2009: 4). В свою очередь, в характеристике современной социальной политики Беларуси акцентировалась необходимость активной жизненной позиции самого человека (там же). Целью социальной политики указывалось формирование стабильного общества с фокусом на развитие человеческого капитала.

Важное место в нарративе Министерства занимала тема отмены льгот 2007 г. Высказывания чиновников были направлены на легитимизацию предложений Администрации президента в данном направлении, утверждали **эффективность** и **необходимость** реформирования системы предоставления льгот. Принятие

¹²² Соответствующие изменения посредством которых был введен институт «государственного социального заказа» были внесены в закон «О социальном обслуживании» в июле 2012 г. и вступили в силу с января 2013 г.

¹²³ Пример правительственной интерпретации взаимодействия с ФПБ в информационном сообщении «Правительство Беларуси рассчитывает на активную позицию ФПБ в восстановлении для страны преференций в торговле с ЕС» // Интерфакс в Беларуси, 25.08.2010. Доступно: <http://www.interfax.by/news/belarus/78089> (режим просмотра 28.07.2012).

соответствующих законодательных актов представлялось как «оптимизация системы государственных социальных льгот» (Потупчик). Чиновники Минтруда воспроизводили неолиберальную трактовку изменений как повышение эффективности и сокращение бюджетных расходов. При этом в своих выступлениях министр Потупчик озвучивал предполагавшиеся размеры экономии.¹²⁴ Также повторялись тезисы *борьбы с иждивенческими настроениями*, которые усилились после введения и апробации механизма предоставления адресной социальной помощи. Так, на тематическом семинаре в апреле 2008 г. министр Щеткина заявляла, что «тревожным фактом является рост иждивенческих настроений среди отдельных трудоспособных граждан».¹²⁵ При этом предлагались шаги по ужесточению порядка предоставления помощи, в виде морально нагруженного понятия «*объективных причин*» *нуждаемости* (выяснение и оценка которых отводилось специально создаваемым комиссиям). Кроме того, Министерство инициировало установление критериев, лишавших граждан права на получение социальной помощи.¹²⁶ На практическом уровне участие Минтруда в «борьбе с иждивенчеством» осуществлялось в рамках реализации президентского Декрета №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (от 24.11.2006) (предполагавшего возмещение расходов государства на содержание детей биологическими родителями), где Министерство наряду с другими органами госуправления привлекалось в качестве имплицитатора. Одновременно в риторике обоснования необходимости

¹²⁴ Более подробно об этом в статье «Белорусам пора готовиться жить без льгот» // naviny.by, 5.11.2007. Доступно: http://naviny.by/rubrics/society/2007/11/05/ic_articles_116_153778/ (режим просмотра: 18.08.2013).

¹²⁵ О высказываниях Щеткиной в статье «Государство заподозрило бедных в иждивенчестве» // naviny.by, 10.04.2008. Доступно: http://naviny.by/rubrics/society/2008/04/10/ic_articles_116_156521/ (режим просмотра: 26.07.2013).

¹²⁶ В частности, если претендующий на адресную государственную поддержку выезжал за границу в туристических целях; имел, но не обрабатывал земельный участок либо скрывал доходы от фермерской деятельности на нем; имевший лицензию предприниматель не осуществлял предпринимательской деятельности и пр. (более подробно об этом в статье «Государство не будет содержать иждивенцев»// «Беларусь сегодня», 16.04.2010, интернет-версия доступна: <http://www.sb.by/post/84025/> (режим просмотра: 26.07.2012)).

отмены льгот присутствовало социал-демократическое понятие *перераспределения* в пользу действительно нуждающихся, поскольку, по мнению министра Потупчика, семьи с более высокими доходами получали больше льгот по сравнению с семьями с низкими доходами.

В отношении роли семьи в социальной политике воспроизводились патриархальные установки сохранения традиционной семейных ценностей и роли женщины в семье. Сама семья рассматривалась в консервативном ключе как основной институт предоставления социальных услуг. Так, возглавлявший с 2009 г. Национальный совет по гендерной политике при правительстве Потупчик, в своем выступлении на День Матери в 2010 г. говорил о том, что «этот праздник стал значимым символом суверенной Беларуси, олицетворением наших многовековых традиций уважения к женщине-матери, признанием ее колоссальной роли в сохранении и приумножении духовно-нравственных ценностей».¹²⁷

Подводя итог, можно сказать, что нарратив представителей Министерства труда и социальной защиты следовал задаваемым президентом смысловым установкам. В нем присутствовали и ценностные ориентации, связанные с концепцией развития, и неолиберальные установки в отношении социальных льгот, и консервативные оценки предполагаемых практик иждивенчества, а также патриархальные - роли семьи в семейной политике. Помимо выполнения реальных функций информирования населения и разработки инструментов реализации социальной политики использовались пропагандистско-популистские утверждения в отношении социальных

¹²⁷ Информационный материал информационного агентства Белта по итогам выступления вице-преьера Потупчика на Дне Матери 14.10.2010. Доступно: http://www.belta.by/ru/person/opinions/Vladimir-Potupchik_i_0000511128.html (режим просмотра 26.07.2013). При этом в выступлениях Марианны Щеткиной прослеживалась несколько отличная оценка, говорилось о возможности совмещения женщиной материнства и карьеры, однако возможности данных изменений, по мнению чиновницы, находились в плоскости ценностных, а не политических установок белорусского общества. Так, высказывая несогласие с идеей введения обязательного отпуска по уходу за ребенком для отцов, она утверждала необходимость *понимания* самими мужчинами такой необходимости.

проблем и декларации относительно правительственных достижений в их решении.

В отношении третьего сектора Минтруда, как на практическом, так и на дискурсивном уровнях воспроизводило неокорпоративистскую парадигму сотрудничества с лояльными организациями для обеспечения политики власти. Однако вместе с тем, концепция социального заказа, в разработке которой участвовали как международные, так и национальные объединения, а также закладывалась идея партнерских отношений, можно рассматривать как движение в сторону неолиберального изменения отношений «государство – третий сектор» как партнерства. При этом необходимо отметить, что сама идея социального заказа совпадала с содержательными ориентирами власти на «оптимизацию государственных расходов на социальные нужды».

5.4 Национальное собрание (Парламент)

В данном подразделе рассмотрено обращение к социальной тематике, в целом, и социальной справедливости, в частности, со стороны депутатов Парламента (двух палат). Необходимо отметить, что отсутствие в публичном доступе протоколов заседаний, а также низкий уровень медийной активности депутатов затрудняют анализ их высказываний.¹²⁸ Одним из немногих исключений в Палате представителей была депутат **Ольга Абрамова**, которая активно выступала в медиа, а также вела записи в социальных сетях с описанием своей профессиональной деятельности (в частности, в «Живом журнале» (ЖЖ)¹²⁹ депутата содержатся выдержки из стенограмм заседаний, а также фактологическое описание процесса принятия законопроекта об изменении порядка предоставления социальных льгот и других парламентских слушаний). В Совете Республики депутатом,

¹²⁸¹²⁸ В сообщениях СМИ присутствуют разрозненные упоминания относительно инициатив в социальной сфере депутатов парламента, а также их обращения к социальной проблематике во время предвыборных кампаний, однако они имеют разовый характер и не образуют совокупности высказываний.

¹²⁹ Ссылка на «живой журнал» депутата Ольги Абрамовой доступна: <http://olga-abramova.livejournal.com/> (режим просмотра: 29.07.2012).

высказывания которой часто появлялись по социальным вопросам, была бывшая министр труда и социальной защиты, сопредседатель БСЖ **Антонина Морова**. В силу занимаемой позиции по социальным вопросам в обеих палатах также публично выступали главы соответствующих профильных комиссий (Сергей Каменецкий, Анна Лаврукевич и Антонина Морова).

В выполнении своих профессиональных обязанностей в рамках суженных недемократическим режимом полномочий депутаты на формальном уровне демонстрировали взаимодействие с гражданами. Так, в период 2006 – 2010 гг. комиссия Палаты представителей «По труду, социальной защите, делам ветеранов и инвалидов» получила 880 обращений (846 – письменных, 34 - устных). При этом пик обращений (194 письменных и 13 устных) наблюдался в 2007 г., что по времени совпадало с изменениями законодательства о порядке социальных выплат (для сравнения: в 2006 г. Комиссией было получено 147 письменных и 20 устных обращений, а в 2008 г. – 99 устных и 19 письменных).¹³⁰ Тематика данных обращений отсутствует в открытых источниках, однако, на сайте Парламента указывалось, что они касались вопросов «предоставления льгот и гарантий, обеспечения санаторно-курортным лечением, технических средств реабилитации, спецтехавтотранспорта, а также вопросов пенсионного обеспечения» (по информации о заседании Комиссии по труду от 17.09.2008 на сайте Палаты представителей). По итогам 2010 г. сообщалось о поступлении в Комиссию 76 обращений, в которых содержались предложения по внесению изменений и дополнений в действующие законы (в частности, «О ветеранах» и «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан») (по информации о заседании Комиссии по труду 21.12.2010). Исходя из типичных для Беларуси практик работы органов власти, можно предположить, что на все обращения были даны ответы

¹³⁰ Информация по количеству обращений приводится на основании обобщения соответствующих данных на сайте Палаты Представителей доступна: <http://house.gov.by/index.php/.5514.27883...0.0.0.html> (режим просмотра 29.07.2012).

формального толка, которые могли не предполагать решений указанных в них проблем.

В содержании деятельности депутатов в социальной сфере можно выделить две основные смысловые линии. Первая - **либеральное противостояние дополнительным социальным выплатам**, интерпретируемое в терминах повышения эффективности социальных расходов. Например, в 2006 г. при подготовке законопроекта «О профессиональном пенсионном страховании» депутаты отклонили предложения профсоюзов по сохранению права получения ранней пенсии за работу в неблагоприятных условиях труда, поскольку, по их мнению, «на практике досрочная пенсия из защитной меры превратилась в дополнительную выплату к заработной плате» и «ведет к ощутимой нагрузке на пенсионную систему».¹³¹ Вторая - **легитимизация и поддержка президентских инициатив** в области социальной политики, включая либеральные декларации об: адресности социальной защиты и ее необходимости только для *действительно нуждающихся*; предоставлении *равных возможностей* гражданам для обеспечения собственного благосостояния с сохранением социальной защиты для социально-уязвимых групп; эффективности новой модели социальной помощи.

Лояльность депутатов и отождествление решений социальных проблем лично с президентом Лукашенко прослеживалась в их публичных высказываниях. Например, председатель комиссии по труду Анна Лаврукевич при оценке указа президента «О государственной поддержке пенсионеров» (от 29.04.2011) указывала, что «и наша комиссия, и пенсионеры благодарны Президенту за то, что *он нашел средства* [на восстановление льгот для отдельных категорий] в сегодняшних непростых экономических условиях» (по материалам сайта Палаты представителей).

¹³¹ Цитируется по информации на сайте Палаты Представителей об итогах заседании Комиссии «По труду, социальной защите, делам ветеранов и инвалидов» от 23.01.2007. Доступно: <http://house.gov.by/index.php/4563...0701.0...0.html> (режим просмотра: 29.07.2013).

В качестве отдельного направления деятельности депутатов можно выделить взаимодействие с российскими депутатами и чиновниками в сфере гармонизации социального законодательства. Судя по ряду информационных сообщений, белорусские депутаты в рассматриваемый период периодически участвовали в совместных встречах и других мероприятиях в этой сфере.

Взаимодействие с третьим сектором (в частности, профсоюзными организациями, организаций людей с инвалидностью и другими организациями социальной направленности) проходило в режиме *односторонней коммуникации*. Целью которой было скорее информирование последних об уже подготовленных законодательных инициативах, чем вовлечения их в реальный процесс обсуждения. Так, в материалах сайта Палаты Представителей присутствует информация об участии различных организаций в заседаниях, а также их замечаниях относительно готовящихся законопроектов, но, как правило, в итоге сообщалось об утверждении для дальнейшего рассмотрения на заседаниях Парламента авторской [депутатской] версии. Содержательные расхождения (например, при внесении поправок в Трудовой Кодекс в 2007 г.) между депутатами и ФПБ, представители которой выступали с критикой депутатских нелиберальных инициатив, не были приняты во внимание при принятии решения. Вместе с тем, вероятно, некоторые из озвучивавшихся представителями организаций проблем имели шансы попасть в повестку дня, по крайней мере, на уровне обсуждения депутатов в силу специфики, которая иначе не могла стать известной депутатам (например, сообщалось о рассмотрении обращений Белорусского общества инвалидов). Однако подтвердить это предложение не представляется возможным.

Ситуация вокруг *отмены льгот* нашла свое отражение как на уровне высказываний, так и практических действий депутатов. На основании анализа имеющейся информации, можно предположить, что хотя в итоге соответствующий законопроект был одобрен практически

единогласно, его обсуждение вызвало дискуссии и противоречивые оценки внутри депутатского корпуса. Так, на начальных этапах обсуждения на уровне профильной комиссии в марте 2007 г. высказывались предложения о сохранении некоторых видов льгот (скидка на проезд для ветеранов труда, учащейся молодежи; льгот для участников боевых выступлений на территории других стран; льгот для граждан, получивших инвалидность вследствие заболеваний, вызванных последствиями катастрофы на ЧАЭС). Однако больше никаких упоминаний относительно данных инициатив в открытых источниках не было, и при финальном обсуждении законопроект был одобрен только с одним голосом «против». После вступления изменений в силу и их последствий в виде увеличения бюджетных расходов на социальные нужды (что негативно оценивалось некоторыми депутатами) в СМИ также появлялись отдельные сообщения о критике Парламентом действий правительства, однако они также имели разовый характер.¹³²

«Выпадающими» из общей тенденции коммуникативных практик депутатов нижней палаты по проблеме отмены льгот и последствий данного решения были высказывания депутата Ольги Абрамовой. Интересно, что позиционируя себя как сторонницу либерализма,¹³³ она была единственной, кто голосовал «против» принятия соответствующего законопроекта. В целом, ее публичные высказывания имели эклектичный характер. С одной стороны, она занимала лояльную позицию по отношению к президенту, находясь в «системной оппозиции» в составе парламента (до выборов 2008 г.). С другой, публично признавала ограничения оппозиции и оппозиционных СМИ со стороны власти. Параллельно депутат давала критически оценивала оппозицию (в

¹³² В частности, о негативной оценке действий правительства и предполагаемой инициативе по отставке министра труда и социальной защиты в статье «Чернобыльцы требуют отставки министра труда Владимира Потупчика»// naviny.by, 25.04.2008. Доступно: http://naviny.by/rubrics/society/2008/04/25/ic_news_116_289800/ (режим просмотра: 19.08.2013).

¹³³ Депутат Абрамова выступала против государственного патернализма. Также, по ее словам, активно поддерживала внедрение принципа гендерной паритетности при избрании руководителей комиссий в парламенте. Кроме того, она находилась в тесном контакте с российской партией «Яблоко».

частности, во время Социального марша в ноябре 2007 г.¹³⁴) в связи с не выполнением ей функций артикуляции интересов граждан, в частности, недостаточное обращение к социальной проблематике. «Если бы оппозиция загодя уделяла внимание организации различных гуманитарных, социальных, благотворительных акций, хотя бы локально, по регионам, по нуждающимся адресным группам, - результат мог бы быть другим» (из записи в ЖЖ депутата Абрамовой от 6.10.2007). В ее высказываниях также присутствовала умеренная критика как лояльных («Белой Руси», ФПБ), так и нелояльных власти организаций (независимых профсоюзов).¹³⁵

В высказываниях Абрамовой прослеживалась попытка символического повышения роли парламента, например, указания на возможности коммуникации/ диалога с президентом относительно принимаемых политических решений. Так, при описании ситуации с изменением порядка предоставления льгот, утверждалось, что разработка президентского Указа «Об адресной социальной помощи» было депутатской (самой Абрамовой) инициативой, принятой президентом (из записи в ЖЖ от 12.10.2007). Также в ее интерпретации именно депутаты способствовали принятию решения президента о возвращении пенсионерам сезонных льгот на проезд.

Критика депутатом принятого решения по льготам основывалась на реформаторском утверждении несоответствия социально-экономической ситуации в стране предлагавшимся изменениям. «Прежде чем отменять льготы, надо *привести в порядок экономику*, соответствующее законодательство, в т.ч. и социальное» (из записей в ЖЖ от 12.10.2007). Параллельно в ее высказываниях «не продуманным решениям» в белорусском случае противопоставлялись положительно оцениваемые социальные реформы Тэтчер. Кроме того, критиковалось

¹³⁴ При этом сама депутат отказалась принимать участие в организованном оппозиционными силами мероприятии.

¹³⁵ Вероятно, следствием данной эклектичной позиции и недостаточной степени лояльности стало ее не переизбрание в новый состав Палаты Представителей в 2008 г.

содержание изменений, как направленных «только на пополнение бюджета», и не имевших целью увеличение бюджетных ресурсов для перераспределения. Высказывания Абрамовой относительно понятия *справедливость* имели *морально-психологическую окрашенность* и относились, как к социальной, так и политической сфере. Озвучивались такие формулировки как «жажда справедливости» и «ментальная особенность нашего народа» (из записей в ЖЖ от 1.02.2008).

Совет Республики. Общая направленность высказываний депутатов верхней палаты белорусского парламента по социальным вопросам содержательно совпадала с аналогичными в нижней палате. Характерным примером является публичная активность сенатора Моровой. Понятие *социальная справедливость* она связывала с определением благосостояния граждан и использовала в одном смысловом ряду с такими понятиями как: «социальная стабильность», «согласие в обществе», «экономическая эффективность». В одной из ее статей подчеркивалось, что «благосостояние граждан, качество их жизни - это не только вопрос социальной справедливости, но и *социальной стабильности, согласия в обществе, экономической эффективности*» (Морова 2010: 35).

При оценке реализуемой в Беларуси социальной политики, основные высказывания логически следовали за президентскими с акцентом на ее (политики) значимость в качестве инструмента поддержания *стабильности* в обществе. Цель социальной политики определялась как «формирование *социально стабильного и высокоразвитого* общества, в котором нет нищеты и резких социальных контрастов, достигнут социально приемлемый жизненный уровень и качество жизни, обеспечены условия для развития человеческого потенциала, имеется достаточная степень общественного согласия и общественной солидарности, а социальные противоречия решаются без острых конфликтов» (Морова 2010: 35).

Кроме того, в характерной для постсоветского состояния модальности сенатор Морова подчеркивала прогрессивный характер развития социальной политики в Беларуси. Данная характеристика связывалась с изменениями стратегических целей государственного планирования (в форме программ социально-экономического развития) от количественных к качественным характеристикам: от «повышения уровня жизни, благосостояния народа» к «улучшению качества жизни», «созданию условий для развития человеческого потенциала на основании повышения эффективности функционирования систем здравоохранения, образования, культуры и других видов экономической деятельности, относящихся к сфере услуг» (Морова 1998: 67-72; Морова 2010: 38-39). Для оценки экономического роста предлагались характерные для **теории развития** комплексные индикаторы улучшения качества жизни человека, увеличения степени социальной защищенности, роста уровня и качества жизни», а не «темпа роста производства, накопления капитала» (Морова 2010 (2): 19).

В оценке социальной политики советского времени выделялся ряд недостатков, преодоление которых связывалось с приходом к власти Лукашенко. Основная критика советской социальной политики была сосредоточена на: патерналистской роли государства, жестком централизованном распределении социальных благ, остаточном принципе бюджетирования социальной политики, политике государства по сдерживанию роста всех видов доходов населения, фиктивной занятости, безадресности социальной политики. Также указывалось на существовавшие в советские времена диспропорции в социальной сфере: недостаточный уровень развития сферы услуг при высокой степени вовлечения женщин в сферу общественного производства; несоответствие уровня образования изменениям в характере и условиях труда; несоответствие между потребностью в обеспечении жильем и средним уровнем обеспеченности и качества жилья (Морова 2010: 35-36; Морова 2000: 101 - 102).

Воспроизводя тезис о сложном кризисном социально-экономическом положении Беларуси после распада СССР, как «тяжелом наследстве, доставшегося всенародно избранному президенту А. Г. Лукашенко и его команде» (Морова 2010 (1): 36), сенатор утверждала преодоление негативных тенденций и внедрение в Беларуси новой модели социальной политики, основанной на отходе от модели государственного патернализма и направленности на повышение доходов населения. В декларируемой модели нашли отражения ряд заимствованных из различных политических и идеологических подходов целей: социал-демократические - обеспечение доступности и бесплатности минимальных услуг для всех граждан и перераспределение социальных расходов государства в пользу наиболее уязвимых слоев населения; (нео-)либеральные - опора на собственные силы, предоставление возможностей самим гражданам обеспечивать свое благосостояние; теории развития – развитие человеческого потенциала, повышение образовательного уровня населения; нового публичного менеджмента (НПМ) – рационализации использования ресурсов в социальной сфере, сочетание требований социальной целесообразности и экономической эффективности. Новая модель представлялась как переходная от «патерналистской» к «субсидиарной». Ее цели были направлены, с одной стороны, на обеспечение равенства возможностей развития (занятость, образование, медицина, доходы) для трудоспособного населения. С другой - предоставление социальной защиты нуждающимся гражданам, среди которых в качестве основных адресных групп выделялись: дети, молодежь, инвалиды, пенсионеры, ветераны. При этом говорилось об уходе от «остаточного принципа финансирования социальной политики» (Морова 2010(1): 37-39). Вместе с тем, по состоянию на конец 2010 г., сенатор Морова оценивала новую социальную политику как *уже эффективно реализуемую* и приносящую результаты. В ее высказываниях о ситуации в Беларуси утверждались «самые высокие показатели по индексам человеческого развития,

семейного благополучия, гендерного равенства, положения женщин и детей, занятости населения, уровню образования, самая разветвленная система социальных пособий, а показатели малообеспеченности (бедности), дифференциации доходов, степени социально-экономического расслоения, уровня безработицы, коэффициенты младенческой и детской смертности - в числе самых низких» (Морова 2010 (3): 43).

В оценках роли семьи и семейной политики сенатор использовала *консервативную морализаторскую риторику*, негативно оценивая тенденции в изменении современных семейных отношений, и указывая на неблагоприятные для общества результаты некоторых инструментов социальной политики. В частности, речь шла о социальных пособиях для одиноких матерей, как приводящих к ослаблению традиционной семьи. Утверждалась необходимость **поддержки семьи** «*в традиционном ее понимании*: мама, папа, дети, родители, взаимное уважение и поддержка, духовная близость и прочность семейных связей» (из интервью Моровой агентству Белта).¹³⁶ Хотя параллельно с этим в высказываниях сенатора были позитивные оценки шведского опыта семейной политики с ориентиром на паритетное родительство.

Таким образом, высказывания депутатов белорусского Парламента (обеих палат) по социальным вопросам не имели принципиальных отличий от президентских. Оценка роли государства и семьи в социальной политике формулировалась в эклектичном совмещении принципов различных идейных подходов. Наличие одного «выпадающего» случая высказываний из общего нарратива (на примере депутата Абрамовой) не дает достаточных оснований для утверждения наличия альтернативных идей и представлений у депутатов. Понятие *социальная справедливость* имело либеральную интерпретацию

¹³⁶ В интервью под названием «Чайлдфри не пройдет!» также были высказывания о том, что «росту числа внебрачных рождений в Беларуси способствует, в том числе, система преференций для матерей-одиночек», а также звучала поддержка идеи «налога на холостяков»// Белта, 06.10.2009. Доступно: http://www.belta.by/ru/person/interview/i_0000430149.html (режим просмотра: 29.07.2012).

равенства возможностей наряду с обязанностью государства взять на себя заботу о гражданах, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах.

Коммуникация с третьим сектором в случаях депутатов имела одностороннюю направленность, в рамках которой до общественных объединений скорее доводили информацию по решениям социальных вопросов, чем вводили ее в режим обсуждения. Существовавшие практики совместных мероприятий, вероятно, имели формальный характер, хотя это и не исключает возможности личных контактов представителей общественности с депутатами по вопросам, связанным с проблемами своих целевых групп.

5.5 Провластные социальные организации

Высказывания представителей крупных провластных социальных организаций (ПВСО) в период 2006 – 2010 гг. выстраивались в логике лояльности, воспроизводства и легитимизации инициатив президента и его предложений в сфере социальной политики. Признание данных организаций в качестве продолжения государственных институтов, как в реализации социальной политики, так и поддержки политического курса власти, звучало в высказываниях президента и других чиновников.¹³⁷ На практическом уровне это позволяло ПВСО проводить свои проекты в социальной сфере, получая поддержку государства. Например, с 2004 г. на основании заключенного ранее Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и **Белорусской Православной церковью** была принята программа сотрудничества Минтруда и БПЦ. В рамках программы в качестве целей совместных действий государства и церкви указывались: формирование и укрепления благоприятных духовно-нравственных и социальных условий для развития личности; возрождение традиций христианского милосердия и

¹³⁷ Например, в выступлении на IV отчетно-выборной конференции БСЖ в ноябре 2006 г. руководитель Администрации президента отмечал, что БСЖ «является значимой политической силой, которая активно поддерживает президента страны в деле строительства сильного и процветающего государства» // статья С.Куркач «У Беларусі ніводнага кінутага дзіця» (бел.) («В Беларуси ни одного брошенного ребенка») «Звезда», 11.11.2006.

благотворительности; содействие укреплению института семьи, материнства, отцовства и детства. Для реализации которых БПЦ получало право строительства на территории стационарных социальных учреждений храмов, участие своих членов (в частности, организаций братств и сестричеств) в оказании социальных услуг.

Параллельно с поддержкой государства у ПВСО была возможность претендовать на средства международных организаций и доноров. *Ценой признания* при этом становилось участие в политических акциях, особенно, в избирательных кампаниях. Например, в отчете БСЖ за 2007 г. напрямую указывалось, что представительницы организации приняли участие в выборах в местные Советы депутатов Республики Беларусь двадцать пятого созыва (по материалам сайта БСЖ), а в избирательных кампаниях привлекались в качестве наблюдателей на выборах. Характерно также, что организации данной группы поддерживали и признали необходимость изменения порядка предоставления льгот.¹³⁸

Крупные ПВСО принимали участие в реализации социальных проектов, обозначаемых президентом в качестве приоритетных. Как пример можно привести деятельность БСЖ в сфере семейной политики, которая связывалась с целями повышения рождаемости, сокращения социального сиротства. Заявляя своей уставной целью «повышение статуса женщин в обществе, их роли во всех областях жизни страны», основной фокус деятельности организации был сосредоточен на продвижении идеи консервативной семейной политики, основанной на утверждении моральных ценностей «традиционной, крепкой, полной» семьи и популяризации образа «женщины-матери». Так, глава БСЖ Ермакова определяла социальную политику государства в области охраны материнства и детства, как «нацеленную... на то, чтобы в стране было как можно больше *счастливых семей*, а значит - *счастливых*

¹³⁸ Так, представительница БСЖ в одном из интервью поддержала либеральную идею отмены льгот всем гражданам, за исключением тех, которые не могут сами обеспечить себя по состоянию здоровья. Статья «Белорусский союз женщин выступает за отмену льгот всем, кроме нетрудоспособных» // БДГ, 10.05.2007. Доступно: <http://bdg.by/news/news.htm?104181,1> (режим просмотра: 29.07.2012).

женщин. Союз проводит большую работу по подъему *престижа женщины-матери*» (из выступления на проведенном с представителями православной церкви круглом столе «Миссия женщины – в духовно-нравственном развитии общества» 27.05.2010).

Одним из главных символических достижений БСЖ стало объявление по инициативе организации 2006 г. в Беларуси «Годом матери», что дало ей возможность (при поддержке государства, а также привлечении средств, в том числе, зарубежных – в частности, шведских - доноров) для проведения ряда мероприятий, направленных на пропагандирование идей традиционной семьи и повышения рождаемости. Кроме того, БСЖ активно участвовала в популяризации и реализации декрета президента № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (в частности, в мониторинге реализации декрета президента). Другими примерами реализованных БСЖ программ и мероприятий были: акции «Здоровье женщины – здоровье нации», движение «В Беларуси – ни одного брошенного ребенка», «Беларусь – уютный дом».

ПВСО выполняли функции обеспечения *лояльности и легитимизации решений* власти. Представители организаций обязательно присутствовали на мероприятиях президента Лукашенко во время избирательных кампаний, высказывались в поддержку проводимого им курса. Например, во время четвертого Всебелорусского собрания представитель **Римско-католической церкви в Беларуси**, архиепископ Тадеуш Кондрусевич позитивно оценивал социально-экономические результаты развития страны: «... мы рады тому, что те цифры, те данные, которые мы слышали, - они впечатляют, они говорят о *развитии* нашей страны» (из телевизионного сюжета на телеканале СТБ 7.12.2010). В высказываниях представительниц БСЖ с необходимостью присутствовало утверждение лояльности белорусской власти и признание достижений в социальной сфере. «Главное для белорусских женщин - не останавливаться на достигнутом. Благо *ситуация в стране позволяет*

вырастить не одного ребенка. Государство много внимания уделяет и жилищным вопросам, и проблемам многодетных семей» (Надежда Ермакова).¹³⁹ При этом возможные инициативы по улучшению ситуации отождествлялись с деятельностью президента. Так, член БСЖ от Гомельской области Анна Наумчик¹⁴⁰ в выступлении на Всебелорусском собрании в декабре 2010 г. хотя и отмечала некоторые слабости социальной политики, говорила: «Полагаю, что мои предложения вписываются в *сформулированные главой государства* стратегические задачи и будут способствовать их реализации уже в ближайшие годы».¹⁴¹ Глава ФПБ Леонид Козик утверждал существование в Беларуси практик социального партнерства.

Помимо выстраивания отношений лояльности с властью типичным для крупных ПВСО было также *взаимодействие между собой* и государственными органами, позволявшее придавать дополнительную значимость их проектам. Так, БСЖ в продвижении идей традиционной семьи и семейной политики действовал вместе с БПЦ, а в проекте «Семья без насилия» сотрудничал с Министерством внутренних дел (МВД). В дискурсивном плане это придавало дополнительную символическую значимость тезисам о необходимости восстановления *патриархальных духовных ценностей* (среди которых, в частности, назывались «милосердие», «ответственное отношение к ближним», «любовь к родной истории и культуре»), как основы *стабильности* и *благополучия* семьи и всего белорусского общества. В практическом плане – БСЖ и БПЦ проводили совместные мероприятия, например акция «Семья – единение

¹³⁹ Из выступления главы БСЖ Надежды Ермаковой на благотворительной акции в рамках начала «Года матери» - более подробно об этом: статья «Стать матерью в такой год почетно вдвойне» //Жанна Лозовская, «Рэспубліка» 5.01.2006

¹⁴⁰ Характерно, что помимо участия в БСЖ Анна Наумчик также возглавляла областную организацию «Белая Русь».

¹⁴¹ Более подробно о выступлении представительницы БСЖ в информационном материале «Защита материнства в Беларуси требует новых подходов и принципов» // Белта, 7.12.2010. Доступно:

http://www.belta.by/ru/all_news/society/Zaschita-materinstva-v-Belarusi-trebuets-novyx-podxodov-i-printsipov---uchastnik-VNS_i_534524.html (режим просмотра: 29.07.2012).

Отечества», конференции по проблемам духовно-нравственных составляющих политики и пр.

Крупные ПВСО также привлекались к реализации инициатив, связанных с нивелированием негативных оценок действий белорусских властей, международными организациями. Так, Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ) использовалась Минтруда для символических акций, направленных на изменение неблагоприятных резолюций МОТ.¹⁴² При этом в СМИ упоминалось о проведенной в 2007 г. ФПБ кампании по мобилизации членов профсоюзов для обращения в различные органы и представительства стран ЕС с призывом отменить решения о лишении Беларуси льгот по обобщенной системе торговых преференций.¹⁴³

Для высказываний представителей ПВСО характерна логика **монополизации социальных проблем** за счет вытеснения из поля оппозиционных организаций. Например, ФПБ выступала с критикой независимых профсоюзов. Так, в 2007 г. в их адрес звучали как обвинения в продвижении идей международных санкций в отношении белорусского режима, так и в отсутствии поддержки акций ФПБ. Примерами оценочных высказываний оскорбительной тональности лидеров официальных профсоюзов в адрес своих оппонентов были: «*напаскудили* ребята [независимые профсоюзы] с введением экономических санкций в отношении Беларуси», «*щенячий восторг* автора [лидера независимых профсоюзов] по поводу лишения Беларуси торговых преференций».¹⁴⁴ Кроме того, представители ПВСО высказывали инициативы по созданию режима преференций для членов своих организаций. Например, в 2007-2008 гг. глава ФПБ Леонид Козик

¹⁴² При этом премьер-министр Беларуси С.Сидорский настаивал на более активном участии ФПБ в коммуникации с МОТ: «Нам бы хотелось, чтобы Федерация профсоюзов Беларуси играла более активную роль в решении задачи по налаживанию сотрудничества нашей страны с Международной организацией труда» // Белта, 25.08.2010. Доступно: http://www.belta.by/ru/all_news/society/FPB-dolzha-igrat-bolee-aktivnuju-rol-v-nalazhivanii-sotrudnichestva-Belarusi-s-MOT---Sidorskij_i_522376.html (режим просмотра: 29.07.2012).

¹⁴³ Описание данной акции и действий ФПБ в новостных сообщениях на сайте организации доступно: http://www.fpb.by/ru/menu_left/news/?id=80 (режим просмотра: 29.07.2012).

¹⁴⁴ Из статьи «О статье Ярошука «Нокдаун»» под авторством заместителя председателя ФПБ А.Микши на сайте ФПБ. Доступно: http://www.fpb.by/ru/menu_left/news/?id=42 (режим просмотра: 29.07.2012).

выступал с инициативой распространения действия коллективных договоров на предприятиях только на членов своей организации.

Режим некорпоративистского обмена лояльности на поддержку со стороны государства воспроизводился крупными ПВСО в течение всего рассматриваемого периода. Вместе с тем, экономический кризис вынудил некоторые из них, в частности, ФПБ озвучить в качестве отдельной темы необходимость защиты прав рабочих от влияния его последствий. В частности, говорилось о недопустимости увольнений (например, текст рекомендаций ФПБ «По защите трудовых и социально-экономических прав работников - членов профсоюзов», выпущенный и распространенный по предприятиям в марте 2009 г.), а также выдвигались требования по повышению зарплат в рамках ЕТС. Вместе с тем, в дискурсивном отношении данные высказывания совпадали с высказываниями президента в рамках начинавшейся в то время избирательной кампании.

Обращение к понятию *социальная справедливость* в высказываниях представителей крупных ПВСО имело эпизодический характер, хотя, как правило, оно декларировалось на уровне целей организаций. Глава БПЦ Митрополит Филарет указывал на *справедливость* в качестве одного из оснований «сильного и процветающего общества». Аналогичное утверждение *социальной справедливости* как одного из ценностных оснований и уставных целей присутствовало и у БСЖ (версия Устава 2007 г.), однако в более поздних версиях Устава (в частности, размещенном на официальном сайте организации) этот принцип уже не указывался. БРСМ декларировал социальную справедливость в качестве одного из «идеалов» для выполнения задачи воспитания «гражданина-патриота». Вместе с тем, в некоторых высказываниях главы ФПБ Леонида Козика оно приобретало значение противопоставления идеям неолиберального сокращения прав рабочих. Так, в 2007 г. в момент принятия Палатой Представителей (депутатом которой являлся и сам глава ФПБ) изменений в Трудовой

Кодекс, он оценивал их как «нарушающие принципы социальной справедливости».¹⁴⁵

Таким образом, отношения крупных ПВСО с государством осуществлялись в логике неокорпоративизма, где лояльность и политическая поддержка обеспечивала им возможности реализации собственных социальных инициатив. Данные организации получали поддержку от государства для реализации своих проектов, хотя ее виды и объемы зависели от наличия у власти соответствующих ресурсов. В случаях возникновения противоречий между *запросом* ПВСО и *возможностями* государства (например, несогласия ФПБ с неолиберальными поправками к Трудовому Кодексу) политические решения принимались в пользу последнего. Понятие *социальная справедливость* в высказываниях представителей ПВСО имело морально-ценностную окраску и приобретало значение ценности *per se*. Кроме того, ПВСО выполняли функцию символического вытеснения из публичного пространства других (оппозиционных) организаций.

Небольшие лояльные/ провластные социальные организации.

Главным отличием данного типа организаций от крупных ПВСО была иная модальность взаимоотношений с государством. Так, деятельность небольших ПВСО направлена на обеспечения интересов своих целевых социальных групп, а взаимодействие с государством имеет вынужденный характер. При этом политические вопросы, по возможности, избегаются. Лояльность в данном случае имеет прагматичный характер необходимого взаимодействия с госорганами для решения своих вопросов. Вместе с этим, власть может потребовать от организаций демонстрации лояльности в случае необходимости, а также инструментально использовать их в международных проектах, требующих привлечения третьего сектора.

¹⁴⁵ Более подробно о высказываниях главы ФПБ Тозика см. статью «Федерация профсоюзов будет инициировать правки в новый Трудовой кодекс» // «Новый час», 29.06.2007. Доступно: <http://news.tut.by/society/90293.html> (режим просмотра: 29.07.2012).

В вопросах взаимодействия третьего сектора и государства в нарративах небольших ПВСО можно выделить следующие смысловые линии: **дилемма взаимодействия с государством** и **ассиметричность коммуникации** с ним. Принципиальным моментом в деятельности ПВСО является принятие решений по значимым для них вопросам в сфере реализации социальной политики, исходя из практик неформального взаимодействия с чиновниками.

Дилемма взаимодействия с государством для небольших ПВСО обусловлена характером недемократического политического режима и фактической монополией власти на социальные проблемы. Система функционирует таким образом, что для решения возникающих перед социальными организациями проблем *необходимо обращаться к государственным институтам*. В силу непрозрачности механизма принятия решений и их обусловленности личными и неформализованными отношениями, а также ограниченности бюджетных средств, многие белорусские социальные организации принимают данные обстоятельства, как неизменяемые рамочные условия своей деятельности, и выстраивают соответствующие отношения с государственными органами. Так, у некоторых социальных организаций взаимодействие с государством прописывается на уровне указания целей деятельности. Например, в качестве основных задач БГОО «Союз многодетных семей» указываются: содействие государственным организациям и оказание помощи в разработке программ и мероприятий для решения проблем многодетных семей; осуществление сотрудничества с государственными организациями в получении необходимой помощи для реализации программ в решении проблем многодетных семей.¹⁴⁶

Представители одной из организаций в сфере защиты людей с инвалидностью, описывая свои отношения с органами государственной власти, указывали на то, что «все наши проекты должны быть

¹⁴⁶ По материалам сайта БГОО «Союз многодетных родителей». Доступно: <https://sites.google.com/site/brestbigfamilies/about-us/o-nas> (режим просмотра: 1.08.2012).

согласованы, т.е. поддержка должна быть со стороны министерств или ведомств того или иного проекта». Вместе с тем указывалось, что и сами они для обеспечения поддержки своей деятельности стараются привлекать представителей различных министерств и ведомств, «которые влияют на решения, и можно потом как-то что-то менять» (интервью N-25, N-26). При этом в качестве важной составляющей деятельности организации рассматривается участие в консультативных структурах при государственных учреждениях. Так, положительно, как «возможность решать свои проблемы», оценивается вхождение в Республиканский Межведомственный Совет по проблемам инвалидов, как возможность напрямую донести до государственных органов свои проблемы (интервью N-25, N-26).

Асимметричность отношений государственные органы – социальные организации в случае, если государство не заинтересовано/не согласно с запросами и инициативами ПВСО либо не обладает средствами для их решения. Проявлением данной формы взаимоотношений можно считать принятие чиновниками решений, исходя из индивидуальных предпочтений, неформальных связей и пр. Односторонний характер коммуникации между общественными объединениями и чиновниками проявляется, когда первые вынуждены выступать с позиций просителя без гарантий на обратную связь и пытаться использовать неформальные механизмы для продвижения своих вопросов. «Мы *не можем позволить себе* объяснять нашим детям, что нужно ждать пока сменится чиновник, который не хочет помогать, или пока все чиновники сменяются. *Нам нужно идти и работать* с теми, кто сейчас есть в министерстве [Труда и социальной защиты]. Если не решает один, которому я не нравлюсь, я иду к другому, с которым у меня хорошие отношения» (интервью N-26).

Изменение ситуации асимметричности коммуникации между ПВСО и госчиновниками происходит в случае совпадения их интересов в рамках обозначенных властью направлений социальной политики.

Дополнительным фактором успешности продвижения интересов ПВСО при этом является сотрудничество с международными организациями. Например, продвижение МПОО «АКТ» в партнерстве с Минтруда, а также поддержки на уровне международных социальных организаций (в частности, Глобального Фонда) нелиберального проекта социального заказа (с 2008 г.),¹⁴⁷ который можно рассматривать в качестве единственного случая адвокатиования интересов социальных организаций, приведшего к соответствующим законодательным изменениям.

Можно предположить, что продвижение собственных инициатив и принятие позитивных решений по ним на уровне государственных учреждений также возможно, если они совпадают с представлениями чиновников о целесообразности поддержки, формируемых как общими государственными целями, так и их личными представлениями. Так, представители одной из организаций оценивая изменения в законодательство в интересах представляемых ими социальных групп, отмечали, что «то, чего в нашем законодательстве вообще не было, а сейчас начинает звучать – оно *исходит от нашей организации*» (интервью N-25, N-26).

Совместное участие ПВСО и госорганов в реализации социальных проектов, поддерживаемых международными организациями и фондами. Данное обстоятельство связано с формальным требованием последних по привлечению к участию в проектах организаций третьего сектора.¹⁴⁸ Вместе с тем, совместное участие не

¹⁴⁷ При этом «АКТ» активно использовал все методы адвокатиования – от публичного продвижения идеи до личного взаимодействия с чиновниками. Более подробно о деятельности организации в рамках кампании на сайте организации. Доступно: <http://www.actngo.info/by/contracting/date?page=36> (режим просмотра 1.08.2013).

¹⁴⁸ Например, на сайте Белорусской ассоциации социальных работников (БАСЖ) размещена информация об ее участии в ряде поддерживаемых различными международными организациями проектами, включая: проект центров поддержки групп самопомощи инвалидов (2006 – 2008 гг.) на базе районных ТЦСОН совместно с Паритетным союзом благотворительных организаций Баварии (поддержан Фондом AktionMensch (Германия)); «Сад надежды» (2006 - 2007 гг.) на базе районных ТЦСОН при поддержке ISAR и Швейцарского управления развития и сотрудничества; борьба с торговлей женщинами в Республике Беларусь (2003 - 2005 гг., проект Европейского союза и Программы развития ООН) и пр. Более подробная информация о

всегда имеет положительную оценку со стороны ПВСО. Так, одна из представительниц ПВСО, которая привлекалась в качестве партнера для реализации крупного социального проекта с международным финансированием, в личной беседе описала данную ситуацию следующим образом: «Государство считало нас партнерами только до того времени, пока мы были ему нужны. Как только проект окончился, мы сразу же стали просто одной из организаций, которой никто не собирается помогать».

Во взаимоотношениях с организациями либерального/ оппозиционного толка у небольших ПВСО выстраиваются отношения различного характера: от взаимодействия до непризнания и заочной конфронтации. Так, в личном разговоре представительница одной ПВСО говорила о том, что данные организации критикуют деятельность в социальной сфере, как улучшающую уровень жизни людей, которые иначе «раньше осознали бы кризисную социально-экономическую ситуацию в стране». По ее мнению, такие проблемы существуют и с некоторыми донорскими организациями, которые не хотят поддерживать социальные проекты по аналогичным причинам. Вместе с тем, по оценке экспертов, как раз в сфере небольших ПВСО наиболее часто наблюдаются взаимодействие (по крайней мере, неформальное), даже если они занимают различные позиции по отношению к власти (интервью N-36).

В оценках представителями небольших ПВСО режима взаимодействия с государством по вопросам предоставления социальных услуг озвучивались **неолиберальные** позиции. Так, в контексте обсуждения социального заказа говорилось о том, что создание конкуренции в данном секторе повлечет повышение качества оказываемых услуг (интервью N-25, N-26, N-22). В характеристике проблем своих целевых групп указывалось, что относящиеся к ним люди

проектах БАСР доступна на сайте организации: http://basw-ngo.by/page.php?issue_id=2931 (режим просмотра: 20.08.2013).

хотят чувствовать себя полезными для общества, а не быть иждивенцами. Кроме того, важное значение придавалось составляющим развития (в частности, обучению людей с ограниченными возможностями для их интеграции в общество).

Параллельно в неолиберальном ключе озвучивались и другие идеи организаций, относящихся к данной группе. Например, **ОО «Белорусская ассоциация врачей»** продвигала на своем сайте идею страховой медицины, которая обосновывалась в логике оптимизации бюджетных ресурсов, как средства поддержки наименее обеспеченных слоев населения. Указывалось, что «приобретение полисов ДМС (добровольного медицинского страхования) высвобождает бюджетные средства для тех, кто не может себе позволить платную медицинскую помощь».¹⁴⁹

Ситуация, связанная с отменой социальных льгот, стала типичным случаем односторонней коммуникации, в которой государство реализовало собственную идею реформирования, не смотря на негативное отношение организаций, специализирующихся на представлении целевых групп, интересы которых непосредственно затрагивались этими действиями. С критическими замечаниями в отношении законопроекта накануне его принятия выступал ряд небольших ПВСО, представители которых присутствовали на инициированной замглавы Администрации президента встрече, имевшей, в итоге, характер информирования о принятом решении. Накануне вступления закона в силу с его критикой выступал глава **БелОИ** Владимир Потапенко.¹⁵⁰ Впоследствии, уже в ходе реализации и внедрения ГАСП звучала критика со стороны другой организации, представляющей права людей с инвалидностью - **Белорусского**

¹⁴⁹ По материалам сайта Белорусской ассоциации врачей, раздел «Страховая медицина». Доступно: <http://belasma.by/strakhovaya-medicina/index.htm> (режим просмотра: 1.08.2012).

¹⁵⁰ Подробнее о выступлении представителей БелОИ в статье «Отмена льгот создаст напряжение в обществе» от 3.12.2007 // Доступно: <http://afn.by/news/i/93260> (режим просмотра: 1.08.2012).

общества глухих (БелОГ).¹⁵¹ Однако все эти высказывания остались без видимой реакции со стороны власти.

Подводя итог, необходимо отметить, что количество высказываний представителей данной группы является одним из самых малочисленных, как и общее количество информации о самих организациях, и их деятельности. Не смотря на значимость выполняемых ими социальных функций, они остаются малозаметными для СМИ. Рассматривая режим взаимодействия данного типа организаций с государством, можно говорить об асимметричных отношениях и зависимости ПВСО от госорганов в продвижении и решении своих вопросов. Вместе с тем, представители небольших ПВСО приглашаются для участия в консультационных структурах, создаваемых при министерствах и ведомствах. Кроме того, у них есть определенные возможности артикуляции интересов своих целевых группы и участия в реализации государственной политики, однако они зависят от совпадения целей организации и госорганов, а также возможностей последних провести такие изменения. Небольшие ПВСО демонстрируют лояльность власти, с одной стороны, участвуя в совместных проектах и находясь в режиме консультирования, с другой, не выказывая публичной оценки проводящейся властями социальной политики.

В высказываниях некоторых представителей ПВСО можно выделить неолиберальные представления относительно сферы предоставления социальных услуг, однако с учетом количества этих высказываний, сложно утверждать какие-то общие тенденции.

5.6 Международные организации в социальной сфере

В случае Беларуси можно утверждать, что международные организации (прежде всего, ООН (ПРООН, ЮНИСЕФ, ЮНФПА¹⁵²) и ВБ), во многом определяют социальную политику, действуя как через

¹⁵¹ О критике нового порядка предоставления ГАСП после отмены льгот БелОГ в статье «Скупой заплатит дважды» Доступно: <http://www.sluhoprotezirovanie.ru/index.php/article/archive/525> (режим просмотра: 1.08.2012).

¹⁵² Соглашение о сотрудничестве с ЮНИСЕФ было подписано в декабре 2007 г. в Нью-Йорке Натальей Петкевич.

свои представительства, так и профессионализованные национальные социальные организации. Признание важности взаимодействия с международными организациями звучало в высказываниях президента Лукашенко, что особенно актуализировалось после финансово-экономического кризиса. «Неотложной задачей остается работа по использованию в интересах Беларуси потенциала ведущих международных финансово-экономических организаций, включая Программу развития ООН, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития» (Послание Лукашенко 2009).

Программы ПРООН в области социальной политики служили в качестве ориентиров, определяющих направления работы, как Минтруда, так и многих социальных организаций Беларуси. Деятельность ПРООН осуществлялась в рамках страновой программы сотрудничества ПРООН для Республики Беларусь на 2006 - 2010 гг., которая в содержательных направлениях совпадала с национальными программами социально-экономического развития. Бюджет на реализацию мероприятий в рамках программы должен был составить 33 млн. долларов США (по информации на сайте организации). Целью для Беларуси в программе указывалось **обеспечение устойчивого развития**, звучавшее впоследствии в высказываниях Лукашенко и других представителей власти. Кроме того, в работе ПРООН по достижению целей декларации тысячелетия и сокращения масштабов нищеты были обозначены следующие направления деятельности в социальной сфере: реформа в области политики в интересах малоимущих слоев населения в рамках реализации ЦРДТ; представление страновых докладов о ходе реализации ЦРТ и контроле за уровнем нищеты; развитие частного сектора.

В рамках данных направлений были реализованы следующие проекты:

- Содействие Правительству Республики Беларусь в подготовке Национальных отчетов о человеческом развитии в Беларуси 2006-

2010 гг. – исполнитель НИИ Минэкономики Республики Беларусь;

- Содействие Республике Беларусь в присоединении к Конвенции о правах инвалидов и ее осуществлению – исполнитель Минтруда;
- Разработка модели комплексной региональной социальной политики для предотвращения бедности в Республике Беларусь (2009 – 2010 гг.) – исполнитель Минтруда, в рамках проекта разработаны рекомендации по формированию комплексной региональной социальной политики;
- Формирование благоприятных административных, правовых и экономических условий для развития предпринимательства посредством активизации диалога государства и частного сектора (2007 – 2009 гг.) – исполнитель Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь.

Все вышеуказанные проекты ПРООН, во-первых, включали госорганы в качестве основных исполнителей. Во-вторых, предусматривали их сотрудничество с организациями третьего сектора. Кроме того, на публичном уровне они были высоко оценены представителями государственных органов.

Для решения социальных проблем в Беларуси наибольшее значение имели программы ПРООН по борьбе с бедностью, цели которых были сформулированы в рамках парадигмы развития. Так, по итогам реализованного с 2003 по 2006 гг. проекта «Содействие в разработке национальной стратегии предотвращения бедности» утверждалось, что «Беларусь демонстрирует более высокое качество жизни, чем предусмотренная в Декларации тысячелетия черта бедности в 1 доллар в день» (по материалам сайта организации).

Кроме того, ПРООН в ряде случаев действовала как партнер правительства в освоении финансовой помощи крупных социальных организаций. Например, в 2006 г. организация оказывала помощь

правительству Беларуси в освоении гранта Глобального фонда по борьбе с ВИЧ/СПИДом.

В документах ПРООН социально-экономическая ситуация в стране оценивалась в нейтральных тонах, отмечались социальные достижения правительства (в частности, высокий темп экономического роста, рост зарплат, снижение уровня бедности, который, тем не менее, оценивался как высокий, снижение инфляции). Однако вместе с тем указывался и ряд социально-экономических проблем, связанных, прежде всего, с доминирующим положением нескольких отраслей в экономике; использованием целевого и льготного кредитования для наращивания объема производства; зависимостью экономики от субсидированного импорта энергоносителей; слабой подготовленности страны к участию в мировой конкуренции. В качестве основных социальных проблем назывались: наркотрафик, распространение СПИДа, торговля людьми; проблемы долгосрочных последствий аварии на ЧАЭС.

Другой модальностью участия международных организаций в решении социальных проблем в Беларуси была деятельность национальных офисов. Так, **Белорусское общество Красного Креста (БОКК)** реализовывало в Беларуси ряд социальных проектов. Например, проект «Укрепление Службы сестер милосердия», направленный на организацию оказания помощи на дому престарелым, одиноким, хронически больным и людям с инвалидностью; движение Белорусского Красного Креста «Молодёжь против СПИДа»; молодежная программа 2007 г. (развитие и продвижение молодежного волонтерского движения как формы участия в жизни общества и решения социальных проблем местных сообществ); противодействие торговле людьми. А также поддерживала реализацию государственных программы, например госпрограммы «Туберкулез» в Республике Беларусь.¹⁵³ В своих оценках взаимодействия с органами государственной власти представительница

¹⁵³ По материалам сайта организации Белорусский красный крест: <http://www.redcross.by/projects.aspx> (режим просмотра: 20.08.2013).

организации характеризовала существующие практики как *успешные*, а отношения как *партнерские* (интервью N-23). Интересно, что отвечая на вопрос относительно положения организаций различного типа в Беларуси и их возможностей участвовать в социальной политике, она отметила, что *возможности разные*, однако в силу *объективных обстоятельств*: лучшей подготовленности работающих в международных организациях и проектах, наличия у них большего опыта работы (интервью N-23).

5.7 Обобщение главы 5

Содержание высказываний представителей белорусской власти в логике персоналистского недемократического режима определялось смыслами, закладываемыми президентом. В основании властного нарратива *социальной справедливости* находился набор разнородных по своему содержанию тезисов. Одним из которых было утверждение прихода к власти президента Лукашенко как средства стабилизации социально-экономической ситуации в стране (на фоне кризисных тенденций времен перестройки и первых лет после распада СССР). Звучало антиглобалистское утверждение уникальности белорусской модели социально-экономического развития, как основанной на принципах *стабильности, социальной справедливости*, а затем и *развития*, и противопоставляемой негативно оцениваемым реформам неолиберальной направленности в других постсоветских странах. Для обоснования необходимости изменения системы предоставления социальных льгот в Беларуси использовались противоречивые утверждения. С одной стороны, неолиберальной эффективности сокращения социальных расходов вместе с консервативной критикой практик иждивенчества. С другой, утверждаемого в качестве *более справедливого перераспределения* высвобождаемых средств в пользу более нуждающихся социальных групп. Высказывания о взаимодействии с лояльным третьим сектором формулировались в логике некорпоративизма, с бизнесом - социального партнерства, а с организациями, не соответствующими критериям лояльности в духе

непризнания. Кроме того, важной составляющей нарратива социальной справедливости была формулируемая в консервативном ключе семейная политика, направленная на сохранение традиционной семьи, как гарантии взаимного обеспечения поколений.

В целом, в период 2006 – 2010 гг. в рамках нарратива власти наблюдалась тенденция **усиления неолиберальных утверждений** для объяснения сокращения объема социальных обязательств государства. Параллельно с неолиберальными интерпретациями звучала консервативная критика *иждивенчества*, присутствовавшая в утверждениях большинства властных субъектов. Важной особенностью высказываний президента Лукашенко (а вслед за ним и других субъектов) в определении социальной справедливости и других оснований социальной политики была их эклектичность. В них совмещались неолиберальные и консервативные, индивидуалистические и коллективистские представления, а также составляющие концепции развития.

Крупные ПВСО воспроизводили властные высказывания относительно социальной сферы, реализовывали социальные проекты с участием государства и во взаимодействии друг с другом. При этом с их стороны существовало открытое проявление лояльности в форме участия в политических мероприятиях, организуемых и проводимых властью, в частности, в выборах.

Дискурсивной особенностью небольших ПВСО было стремление избегать любых политических высказываний, однако при этом они взаимодействовали с государством с различной степенью интенсивности и демонстрации лояльности в случае необходимости. Положительные ответы от государства на запросы ПВСО относительно потребностей их целевых групп зависели как от совпадения представлений о способах решения проблемы организаций с властными субъектами, так и наличия ресурсов на их реализацию. В ситуации, когда мнение ПВСО не

совпадало с властным, оно просто игнорировалось (что ярко проявилось в ситуации отмены льгот).

Особым случаем в практиках взаимодействия государства и третьего сектора можно назвать продвижение идеи социального заказа. Однако будучи сформулированным в неолиберальном ключе оптимизации и повышения эффективности социальных расходов, а также снижения ответственности государства за социальные проблемы, он только подтверждает предположение о том, что совпадение представлений государства и ПВСО создает пространство для совместных решений и действий. Т.е. проявления отношений, которые с определенной долей условности можно обозначить как *партнерские*.

Международные организации в социальной сфере, в частности, ПРООН выступали в качестве субъектов, которые допускались властью к определению содержательных направлений социальной политики Беларуси. При участии международных организаций осуществлялись значимые социальные проекты, например, по борьбе с бедностью. Кроме того, во властном нарративе нашли отражение социальные цели, сформулированные в рамках продвигаемой ПРООН модели развития.

Глава 6. Понятие социальная справедливость в нарративах оппозиционных субъектов

Среди субъектов, формирующих оппозиционные нарративы, в работе рассматриваются: кандидаты в президенты во время двух избирательных кампаний; оппозиционные политические партии; оппозиционные/либеральные общественные объединения и активисты; представители экспертного сообщества из негосударственных институций и/или позиционирующие себя в качестве независимых экспертов, а также журналисты. В главе анализируются совокупности высказываний данных субъектов, отражающие их отношение к социальным проблемам в Беларуси, представлениях о режиме благосостояния в контексте белорусской социально-экономической ситуации и о понятии *социальная справедливость* в качестве одной из его составляющей.

6.1 Кандидаты в президенты (выборы 2006, 2010 гг.)

6.1.1 Нарративы избирательной кампании 2006 г.

Программа кандидата объединенных демократических сил **Александра Милинкевича** имела название «Свобода. Правда. Справедливость».¹⁵⁴ Милинкевич позиционировался как политик правоцентристского толка, поддерживающий либеральные идеи равенства возможностей и индивидуальной свободы, а в силу коалиционного сотрудничества, как с правыми, так и левыми партиями, и ряд других принципов, не попадающих в декларируемую идеологическую нишу.¹⁵⁵ В основании программы Милинкевича были заявлены семь приоритетов (два из которых указывали на социальные ориентиры): семья и здоровье; уважение к труду и достойная зарплата; справедливый закон и ответственное государство; экономическая

¹⁵⁴ Интересно, что программа Милинкевича в отличие от двух других альтернативных кандидатов так и не была опубликована в государственных печатных СМИ. Причиной этого послужила недоработка штаба кандидата, вследствие которой текст не был в установленные сроки представлен в Центризбирком. Более подробно об этой ситуации в отчете ОБСЕ. Доступно: <http://www.osce.org/be/odihr/elections/belarus/19395> (режим просмотра: 3.08.2013).

¹⁵⁵ В качестве примера журналистской критики позиции и программы Милинкевича можно привести статью К.Позняка «Милинкевич уже не единый» на интернет портале naviny.by. Доступно: http://naviny.by/rubrics/politic/2005/12/26/ic_articles_112_134654/ (режим просмотра: 3.08.2013).

свобода; открытая страна - открытый мир; наука и прогресс; национальное возрождение.

В высказываниях кандидата прослеживается совмещение идей *равенства возможностей со стабильным развитием*: «Наша задача – стабильное развитие. Главная цель – создать условия, чтобы человек смог наиболее полно реализовать свои возможности» (из предвыборной программы Милинкевича). Апелляция к понятию справедливость появлялась в сфере декларации идей политического блока (раздел «Справедливый закон – ответственное государство»). Определяя понятие *социальная справедливость*, политик указывал на необходимость равенства возможностей и обеспечение адресной социальной поддержки в случае необходимости. «Важны шансы на равную реализацию возможностей, когда мы говорим о социальной помощи тем, кто в ней особенно нуждается: инвалиды, семьи, где мать воспитывает детей без отца – здесь необходима адресная помощь» (интервью N-1 Милинкевич).

В качестве главного ценностного основания содержания программы указывалось на необходимость «освободиться от *тотального страха*».¹⁵⁶ Декларировался и принцип *свободы*, как «возможности достойной жизни». Другими ценностными ориентирами были характерные для белорусского правого политического спектра идеи национального возрождения, единства нации, традиционных ценностей, белорусского языка, как «главного средства самоидентификации нашего народа» и «возрождения национального сознания на основании исторических и культурных традиций». В качестве средств их достижения указывались: отказ от практики финансирования культуры по остаточному принципу; господдержка частных инвестиций в культурные проекты; обеспечения среднего заработка работникам культуры на уровне вовлеченных в производства и пр. (из программы

¹⁵⁶ Публикация о предвыборных обещаниях А.Милинкевича в газете «Белорусы и рынок», №7/2006, 20.02.2006.

Милинкевича).¹⁵⁷ При этом особое значение придавалось необходимости преодоления внешнеполитической самоизоляции Беларуси.

Дискурсивной особенностью кампании кандидата была попытка сыграть на смысловом поле Лукашенко. Одним из использованных в выступлениях Милинкевича понятий было – *стабильность*, которая представлялась как «стабильность развития» в противоположность «стабильности застоя» нынешнего режима: «С одной стороны, власть говорит, что она делает ставку на стабильность — хорошее слово, оно мне тоже нравится. Но стабильность в нашем случае - это застой. Наша задача очень простая: не стабильность застоя, а стабильность развития».¹⁵⁸ Хотя в своих публичных выступлениях 2006 г. Милинкевич указывал на сложное социальное положение граждан Беларуси: «... люди устали от бедности, неуважения и страха, а на всех уровнях власти процветают невежество, хамство и кумовство. Смотря на все это, старые люди покорно доживают свой век, взрослая часть населения от безысходности пьет, а многие молодые мечтают уехать из страны».¹⁵⁹ Вместе с тем, оценивая социальные проблемы того времени постфактум, политик отмечал более благоприятную ситуацию в Беларуси по сравнению с соседними странами. «Не сказал бы, что такими большими были социальные проблемы. Социальных проблем во время выборов 2006 г. было значительно меньше, чем сегодня» (интервью Милинкевич N-1).

Реконструируя представления Милинкевича о режиме благосостояния, можно проследить приверженность **консервативно-корпоративистской модели** со значимой ролью бизнеса и адресным основанием социальной поддержки. «Я право-центрист по своим

¹⁵⁷ Необходимо отметить, что данные идеи традиционно составляют ценностный блок программы партии БНФ.

¹⁵⁸ Статья «Милинкевич: Моя программа-это народная программа сторонников перемен»// tut.by, 22.02.2006. Доступно: <http://news.tut.by/elections/64563.html> (режим просмотра: 3.08.2013).

¹⁵⁹ «Зварот Аляксандра Мілінкевіча да грамадзян Беларусі» (бел.) (Обращение А.Милинкевича к гражданам Беларуси) // «Народная Воля», 21.12.05. Доступно: <http://nv.promedia.by> (режим просмотра: 3.08.2013).

взглядам и мне...*адресная поддержка* наиболее близка, т.к. двигателем развития экономики является как раз успешный бизнес» (интервью Милинкевич N-1). Оценивая, в целом, состояние экономики Беларуси как нереструктурированное, политик подчеркивал, что «возможности государства в социальной политике зависят, прежде всего, от экономики, и с учетом состояния последней в стране, эти возможности будут уменьшаться» (интервью Милинкевич N-1). В качестве наиболее эффективных инструментов им указываются адресная целевая социальная поддержка, прежде всего, семьи (молодой семьи и семьи с детьми). Необходимо отметить, что при этом раздел о семье является первым по очередности в предвыборной программе с алармистскими высказываниями об *опасном кризисе семьи* («небяспечны крызіс сям'і» - бел.), проявляющемся в снижении рождаемости и в росте неполных семей. Тема демографического кризиса звучала как в программе, так и в публичных выступлениях кандидата, в качестве мер предотвращения которых указывались: адресная социальная помощь (при рождении и до достижения ребенком 16 лет); государственная поддержка строительства жилья для тех, кто не может приобрести его самостоятельно; недопущение роста коммунальных платежей. Отдельно подчеркивалась необходимость перераспределения бюджетных средств в современной Беларуси от чиновников к гражданам посредством сокращения расходов на государственный аппарат. В качестве еще одной четко артикулируемой Милинкевичем целевой группы социальной политики указывались пострадавшие на ЧАЭС, при этом больше никакие другие группы отдельно не упоминались.

В социальном блоке предлагалось развитие страховой системы медицинской помощи наряду с сохранением доступной бесплатной медицины, а также реформирование пенсионной системы в русле развития частных пенсионных фондов. Кроме того, большое значение придавалось сфере образования (как высшего, так и среднего) с акцентом на необходимость «остановить ежегодные эксперименты со средним

образованием и правилами поступления в ВУЗы, отмены принудительного распределения» (из программы Милинкевича).

В рамках второго социального направления предвыборной программы (раздел «Павага да працы і годны заробак» (бел.) - «Уважение к труду и достойный заработок»)) заявлялось о необходимости изменения краткосрочной контрактной системы найма и увеличении средней ежемесячной зарплаты до 550 евро (в противоположность озвучиваемым Лукашенко 500 долларам США). «Первым указом, как только я стану президентом, будет указ об отмене контрактной системы...эта система специально придумана, чтобы в стране был тот *страх*.... Но на *страхе* далеко не уедешь»¹⁶⁰.

Говоря о роли третьего сектора в социальной политике, Милинкевич утверждал наличие в современной Беларуси навязываемой государством *патерналистской системы*. «Третий сектор в восприятии государства – это также часть государственного инструмента и даже неполитизированные НГО оцениваются весьма осторожно..., т.к. в их [государства] понимании, все должно делаться через государства или государством» (интервью Милинкевич N-1). Роль семьи в оказании социальных услуг оценивалась высоко, однако при этом звучала критика ситуации в Беларуси. Оценивая роль семьи в западном обществе как «играющей ведущую роль в воспитании детей», в белорусской ситуации она расценивалась как «придаток школы, детского сада, а не самостоятельной единицы», т.к. государство «пробует перенести воспитание детей в контролируемые им учреждения» (интервью Милинкевич N-1). Характерно, что параллельно с критикой патерналистского характера белорусского государства политик воспроизводил патриархальный дискурс в отношении роли женщины в семье: «Если семья экономически благополучная, ... *жена может меньше работать*, ... потому что от нее, прежде всего, зависит

¹⁶⁰ Перепечатка материала «Комсомольской правды в Белоруссии» «Теледебаты состоялись» // tut.by, 9.03.2006. Доступно: <http://news.tut.by/elections/65172.html> (режим просмотра: 3.08.2013).

воспитание детей» (интервью Милинкевич N-1). Аналогичные высказывания о традиционной роли женщин звучали и в публичном поздравлении кандидата по поводу 8-го марта: «После 19 марта [день выборов] *мужчины* новой Беларуси *снимут с ваших хрупких плеч груз сегодняшних проблем...* Женщина будет иметь возможность и время для личностного роста, для общения с семьей и для полноценного отдыха» (поздравления Милинкевича с 8-м марта 2006 г.).¹⁶¹

Таким образом, в программных выступлениях кандидата Милинкевича использовалась социальная тематика, хотя основной акцент, как и у других оппозиционных деятелей Беларуси, делался на политические вопросы. Содержательным плюсом кампании был уход от традиционной фокусировки исключительно на политических вопросах, приоритет проблем семьи, вопросов достойной оплаты труда и поддержки среднего и малого бизнеса. Программа и высказывания кандидата имели правоцентристскую идеологическую направленность и соответствующие ценности, указывавшие на представления о **консервативно-корпоративистском** типе режима благосостояния как наиболее оптимальном. При этом в характерном для белорусского правого политического спектра ключе, озвучивалась ценность традиционной семьи с соответствующим разделением обязанностей. Некоторую эклектичность в общую тональность высказываний Милинкевича приносили высказывания о ценности развития, хотя они, вероятно, относятся не к пониманию социальной справедливости с позиций возможностей, а к либеральным представлениям о значимости развития индивида.

Программа другого кандидата **Александра Козулина** имела название «За страну! За народ! За тебя!». Кандидат позиционировался как представитель левого идеологического спектра и выдвигался от БСДП

¹⁶¹ О поздравлении Милинкевича с 8-м марта // tut.by, 8.03.2006. Доступно: <http://news.tut.by/society/65163.html> (режим просмотра: 3.08.2013)

(Грамада).¹⁶² Однако в его программе фактически отсутствовали традиционные для левого политического блока тезисы. Основными ценностями, озвученными в выступлениях Козулина, были: *порядок, стабильность, законность* (из телевизионного выступления Козулина 28.02.2006), что совпадало с содержательными основаниями властного нарратива. Параллельно использовалось характерное для белорусских сил правого спектра обращение к необходимости возрождения духовности, национального языка и культуры.

Вместе с тем, Козулин стремился дискурсивно отграничиться от используемой президентом идеи «сохранения советского наследия», аналогично Милинкевичу указывая на то, что ситуация в Беларуси свидетельствует не о стабильности, а *стагнации*. «Та стабильность, которую превозносит власть как свое наивысшее достижение - уже не стабильность. Это стагнация» (из телевизионного выступления Козулина 22.02.2006). «За 12 лет мы проели все, что нам осталось от Советского Союза» (из радиовыступления Козулина¹⁶³), в то время как «многие страны, в том числе наши соседи, которые отставали от Беларуси в своем социально-экономическом развитии, достигли существенного прогресса. Мы же застыли в прошлом» (из текста выступления Козулина 17.02.2006 при вручении удостоверения кандидата в президенты). Советскому стилю управления противопоставлялась идея *цивилизованного пути развития*: «время управлять по-советски закончилось. Стране пора перейти на цивилизованный путь развития» (из

¹⁶² Необходимо отметить, что выдвижение Козулина в качестве кандидата от социал-демократов происходило на фоне конфликта с платформой Объединенных демократических сил (ОДС) и Милинкевичем. Вероятно, само выдвижение явилось следствием неспособности достигнуть договоренности относительно ведения кампании и ресурсов, однако в публичном пространстве этой ситуации предавалась еще и идеологическая интерпретация противостояния «поздняковско-бэнэфовского» стиля ведения кампании против «социал-демократического». Иллюстрацией такой интерпретации может служить публикация А.Сидоревича на сайте БСДП (Грамада) «Правые не хотели единства демократических сил» от 27.12.2005 (Доступна: <http://bsdп.org/?q=be/node/86>, режим просмотра: 20.08.2013). Кроме того, в своих высказываниях кандидат от социал-демократов указывал на «проамериканский и прозападный» характер единого кандидата (из ответов на вопросы на радио «Свабода», материал доступен: <http://bsdп.org/?q=be/node/240>, режим просмотра: 20.08.2013).

¹⁶³ Расшифровка радиовыступления Козулина 6.03.2006. Доступно: <http://bsdп.org/?q=be/node/492> (режим просмотра: 3.08.2013).

телевизионного выступления Козулина 22.02.2006). Высказывался политик и с критикой «иждивенческой» риторики белорусского президента, подчеркивая, что «Лукашенко говорит: я за вас плачу, я вас на своем горбу тащу... Но президент не спонсор и не принес с собой неизвестно откуда мешок с деньгами» (из телевизионного выступления Козулина 23.02.2006). Хотя одновременно в его высказываниях с оценкой деятельности президента наблюдалась содержательная непоследовательность. Так, в одном из своих выступлений на ранних стадиях кампании он признавал определенные заслуги Лукашенко, который «в период хаоса постсоветского времени смог восстановить стабильность в развитии, удержать социально-экономическую ситуацию, усилить государственность суверенной независимой Беларуси, не распродав страну» (из выступления Козулина на регистрации в качестве кандидата 17.02.2006).¹⁶⁴

Основными социальными проблемами в высказываниях Козулина были: низкие пенсии и зарплаты; отсутствие возможностей приобретения жилья; контрактная система; демографический кризис; проблемы в системе высшего образования. Все они озвучивались преимущественно на уровне программных установок на начальных этапах ведения кампании. Ближе к ее завершению социальная тематика практически исчезла из выступлений, уступив место критике Лукашенко (и в меньшей степени, но также звучавшей, критике Милинкевича). В качестве возможных мер решения указанных социальных проблем предлагались: в сфере жилищного строительства - увеличение объемов строительства и развитие социального жилья; здравоохранения – уход от принципов финансирования по остаточному принципу при сохранении бесплатного медицинского обслуживания, а также поддержка массового спорта; оплаты труда – повышение размеров зарплат и пенсий; в сфере охраны материнства и детства – увеличение размера пособий при рождении детей

¹⁶⁴ Текст выступления Козулина при регистрации в качестве кандидата в президенты доступен на сайте БСДП (Грамада): <http://bsdп.org/?q=be/node/355> (режим просмотра: 3.08.2013).

(1 тыс. евро при рождении первого ребенка; 2 тыс. – второго и т.д.); в сфере ЖКХ – компенсация роста тарифов для малообеспеченных слоев населения (из предвыборной программы Козулина).¹⁶⁵

В совокупности высказываний кандидата не представляется возможным выделить оценки основных составляющих режима благосостояния; понятие *справедливость* используется только в отношении судебных решений, а *социальная справедливость*, не смотря на декларируемую принадлежность к левому блоку, не используется вообще. В отношении семьи упоминается только функция воспитания детей одним из родителей до достижения школьного возраста. Вместе с тем, также как и у представителей правого блока озвучивается патриархальная установка в отношении роли женщины, репрезентируемой как *женщина-мать*, которой публично высказывались де-субъективизирующие пожелания: «Будьте счастливы, любимы, рожайте на здоровье, растите детей и внуков!».¹⁶⁶

Еще одним формально не принадлежащим к власти кандидатом кампании 2006 г. был **Сергей Гайдукевич**, баллотировавшийся от **ЛДПБ**.¹⁶⁷ Данная партия презентуется как «конструктивная, демократическая оппозиция нынешней власти», а ее программе характерно популистское совмещение либеральных, социал-демократических, христианско-демократических и этатистских идей. Так, одновременно заявлялось и о «минимальном, но эффективном государственном регулировании», и о поддержке идей «сильной социальной политики государства», как «двигателя для экономики, смысла и цели экономической политики»; и о том, что ЛДПБ является «партией государственников» (из программы ЛДПБ). В партийной программе последовательно прописывается налоговая реформа (в

¹⁶⁵ Предвыборная программа Козулина на сайте партии. Доступно: <http://bsdpr.org/?q=be/node/420> (режим просмотра: 3.08.2013).

¹⁶⁶ Ответы Александра Козулина на вопросы слушателей радио «Свобода» 25.01.2006 доступны: <http://www.svaboda.org/content/article/766105.html> (режим просмотра: 20.08.2013).

¹⁶⁷ Многие журналисты и аналитики оценивали Сергея Гайдукевича как политика, который участвовал в кампаниях для того, чтобы создать видимость наличия оппозиции Александру Лукашенко.

частности, введение регрессивной шкалы по социальным платежам; снижение ставки НДС). ЛДПБ декларирует приверженность идеям недопустимости социального неравенства за счет обогащения отдельных социальных групп: «мы против уравниловки, но считаем недопустимым, когда узкая прослойка процветает на фоне массового обнищания». Дополнительно к этому указывается принцип *нравственной позиции* при формулировании партийных установок (из программы ЛДПБ).¹⁶⁸

В социальной сфере партия артикулировала идеи «роста заработной платы и количества рабочих мест» в «конкурентной социально ориентированной рыночной экономике», и такие задачи как: рост доходов, укрепление системы социальной защиты нетрудоспособных; увеличение уровня заработной платы в бюджетной сфере; недопущение периодов резкого падения реального уровня жизни людей; повышение уровня социальных гарантий нетрудоспособным (в частности, инвалидам и детям); переход к системе адресных пособий по заявительному признаку, сохранение «минимума бесплатных или дешевых медицинских услуг» при развитии платных медицинских услуг и системы медицинского страхования. В целом, предлагаемые меры представляли собой балансировку подходов с позиций социально-ориентированной рыночной экономики и некоторых либеральных принципов.

Предвыборная программа Гайдукевича 2006 г. имела название: «Новая Беларусь - единство» с лозунгом - «Новая Беларусь - Единство. Порядок в стране, достаток в доме». Основные ценности, заложенные в ее основание: *стабильность, порядок, благополучие*, а также *суверенная, независимая и процветающая Беларусь*. Аналогично высказываниям Милинкевича и Козулина выстраивалось смысловое противопоставление идее сохранения советского прошлого/ наследия, как *уже исчерпанного*, что отражалось, по мнению политика, в «пробуксовывании» социально-

¹⁶⁸ Программа Либерально-демократической партии Беларуси (ЛДПБ) доступна: <http://www.ldpb.net/program.php> (режим просмотра: 20.08.2013).

экономического развития Беларуси и необходимости новых решений (из программы Гайдукевича). Признавались определенные заслуги действующей власти: «За прошедшие десять лет в Беларуси сделано очень многое, и отрицать это могут только совершенно безответственные люди».¹⁶⁹

В программе Гайдукевича прослеживалась ориентация на *новый средний класс*, содержащаяся в ценностно-маркированных высказываниях вроде: «гражданин свободной страны выходит из собственного дома, садится в собственный автомобиль, едет на любимую работу, за которую ему хорошо платят, и знает, что дома его ждут любимая и любящая жена с детьми... Повышение благосостояния граждан... считаю основной обязанностью Президента» (тезисы предвыборной программы Гайдукевича). В качестве основного ориентира социально-экономического развития политик неоднократно использовал понятия *благосостояние* и *процветание*.

В социальной сфере среди основных проблем указывались: демографический спад; невозможность приобретения жилья (особенно молодым семьям, что оценивалось как фактор, негативно влияющий на рождаемость); снижение качества и доступности медицинских и образовательных услуг. В качестве инструментов их решения предлагались: развитие системы кредитования для улучшения жилищных условий, «наведение порядка» в сфере предоставления социального жилья; четкость и прозрачность критериев оказания социальных услуг (в здравоохранении и образовании). Кроме того, в текстах и публичных выступлениях повторялся тезис о повышении зарплат и пенсий (из телевизионного выступления Гайдукевича 21.02.2006).¹⁷⁰ Отдельное внимание уделялось роли семьи, как главного института решения демографической проблемы. При этом предлагаемые меры

¹⁶⁹ Предвыборная программа кандидата в президенты Республики Беларусь С.Гайдукевича «Новая Беларусь - единство» // «Знамя юности», 24 февраля 2006 г. с. 4

¹⁷⁰ О тезисах выступления Сергея Гайдукевича в материале «Что скажут Козулин и Милинкевич из телевизора?» // tut.by, 22.02.2006. Доступно: <http://news.tut.by/elections/64541.html> (режим просмотра: 20.08.2012).

фокусировались преимущественно на женщинах: обеспечение женщинам, воспитывающим трех и более детей, права выхода на пенсию на 5 лет раньше; выплата женщинам, воспитывающим детей до 3-х лет средней (по стране) зарплаты и пр. (из тезисов программных выступлений Гайдукевича). Понятия *справедливость* либо *социальная справедливость* в высказываниях политика не присутствовали.

В целом, не смотря на декларируемые идеологические различия и отличавшиеся модальности взаимоотношений кандидатов с властью (непризнаваемость в качестве политических субъектов Милинкевича и Козулина *versus* формально признаваемого качестве кандидата Гайдукевича), в публичных высказываниях относительно социальной сферы всех трех политиков прослеживается ряд схожих моментов, а иногда фактически полных совпадений. Программные тезисы кандидатов строились на стратегии утверждения необходимости ухода от используемой Лукашенко ценностей советского времени в качестве основания развития страны, и характеристике нынешнего социально-экономического положения в стране как «застоя» (Милинкевич), «стагнации» (Козулин), «пробуксовывания» (Гайдукевич). При этом Козулин и Гайдукевич использовали в качестве ценностных оснований своих программ присущие властному нарративу понятия *стабильность* и *порядок*. Все три кандидата совпадали в обозначении основных социальных проблем белорусского общества, говоря о кризисе семьи, ухудшающемся демографическом положении и необходимости усиления политики поддержки семьи; недостатке доступного жилья и возможности его приобретения (с акцентом на молодые семьи); низким уровне зарплат и пенсий; снижении качества медицинского обслуживания и образовательной системы. Милинкевич и Козулин идентично высказывались о необходимости отмены краткосрочной контрактной системы. Предлагавшиеся меры по решению указываемых проблем также принципиально не отличались: адресная поддержка семьи; расширение возможностей приобретения жилья в кредит; сохранение бесплатной

медицины параллельно с развитием системы медицинского страхования; повышение размера зарплат и пенсий и т.д. Особое сходство наблюдается в оценке Милинкевичем и Козулиным сферы высшего образования и предложении мер по включению Беларуси в Европейское образовательное пространство, обеспечению признания белорусских дипломов в других странах, контролю над вступительными экзаменами и пр. Аналогичная ситуация имеет место и в провозглашаемых культурно-национальных ценностях: поддержка белорусского языка, рост национального самосознания и возрождение культуры. При этом для всех кандидатов характерны патерналистские представления о семье и распределении в ней социальных ролей.

Понятие *справедливость* активно использовалось в нарративе только одного кандидата – Милинкевича, где связывалось по смыслу с понятием *законность*. Понятию *социальная справедливость* придавалось либеральное значение «равенства возможностей» на индивидуальном уровне, а также способа обеспечения достойной жизни. Представления о наиболее эффективном для Беларуси режиме благосостояния политиков вписывались в **консервативно-корпоративистскую** модель (с высокой ролью семьи в оказании социальных услуг, предоставлением адресной социальной помощи и умеренным уровнем декоммодификации). Вместе с тем, в высказываниях двух кандидатов (Милинкевича и Козулина) социальная проблематика в конце кампании практически полностью подменялась политической. У Гайдукевича она совмещалась с экономическими преобразованиями, тогда как основной акцент делался на внешнеполитические вопросы и критику оппонентов.

6.1.2 Нарративы избирательной кампании 2010 г.

В основании программных выступлений всех (девяти) оппозиционных кандидатов 2010 г. была критика социально-экономического и политического положения в Беларуси, как следствия персоналистского режима Лукашенко с активным продвижением идеи модернизации и реформирования белорусской экономики. Кроме того,

разделительной смысловой линией «парада кандидатов» выступала проблематика взаимоотношений с Россией и ЕС, а также призывы к протестным выступлениям после выборов.¹⁷¹ В качестве ключевых социальных проблем в программах кандидатов аналогично 2006 г. указывались: демографический кризис, система краткосрочных трудовых контрактов, необходимость повышения зарплат и пенсий, отсутствие возможностей приобретения жилья, низкое качество образовательных и медицинских услуг. Вместе с тем, по сравнению с предыдущей президентской кампанией больше говорилось о необходимости пенсионной реформы (в частности, создания частных пенсионных фондов).

В программах кандидатов 2010 г. появились высказывания о необходимости *восстановления льгот* для социально-уязвимых категорий граждан (на уровне до 2008 г.). В качестве источников средств на их выплату указывалось сокращение расходов на государственный аппарат. Например, «мы проведем бюджетную реформу. Так называемый президентский фонд будет ликвидирован, а его средства пойдут на повышение стипендий, пособий по уходу за ребенком и увеличение зарплат работников социальной сферы» (из программы Андрея Санникова). Либо «надо также вернуть льготы социально незащищенным группам населения - в виде адресной помощи действительно нуждающимся: инвалидам, малообеспеченным пенсионерам, многодетным семьям и матерям-одиночкам. Это произойдет, прежде всего, за счет сокращения государственного аппарата» (из программы Некляева). Отдельной темой в программах и выступлениях кандидатов (в частности, Некляева и Романчука) была проблема *скрытой безработицы* (например, программа Романчука «Миллион новых рабочих мест для Беларуси» и книга кампании Некляева «Сто лиц безработицы»¹⁷²).

¹⁷¹ Призывы к протестным действиям впоследствии стали одним из оснований возбуждения уголовных дел против экс-кандидатов и их осуждения.

¹⁷² Более подробно о книге кампании «Говори правду» «Сто лиц безработицы» в информационном сообщении доступно: <http://www.sn-plus.com/socium/979-100.html> (режим

Неолиберальный кандидат от ОГП **Ярослав Романчук** выступал с программой «Построим новое, сохраним лучшее! Идти в ногу со временем – это по-белорусски». Кандидат апеллировал к понятию *стабильность*, основанному на утверждении приоритетности *крепкой семьи, безопасности* и сохранении экологии. «Будущее будет безопасным и стабильным, если у нас будут крепкие семьи, чистая природа и безопасные улицы» (из программы Романчука). В высказываниях кандидата присутствовал широкий набор идей в диапазоне от представления семьи в качестве главного социального института - до оценки неравенства в современном белорусском обществе.

Предвыборная риторика Романчука основывалась на программе «Миллион новых рабочих мест для Беларуси», совмещавшей либеральные и социальные воззрения и предусматривавшей создание новых рабочих мест,¹⁷³ а также поддержку безработных (включая увеличение пособия по безработице) и разработку программ переквалификации. Говорилось и о проблеме неравенства в белорусском обществе (разница в доходах между 20% наиболее богатого и 20% наиболее бедного населения), как следствие повышения зарплат чиновников и высокопоставленных работников бюджетной сферы, а также ограничения возможностей предпринимателей. В одном из своих выступлений кандидат утверждал, что это несправедливо, когда «депутат получает большую пенсию, чем обычный рабочий» (из выступления Романчука на телевидении 25.11.2010). Как *несправедливость* оценивалось и то, что: «Белорусские распределители живут лучше отечественных предпринимателей... Это *несправедливо* по отношению к тем, кто реально зарабатывает деньги и создает добавленную стоимость.

просмотра: 20.08.2012). Текст программы «Миллион новых рабочих мест для Беларуси» на сайте научно-исследовательского центра Мизеса доступен: <http://liberty-belarus.info/Sotsialnaya-politika/Programma-Million-novyh-rabochih-mest-dlya-Belarusi.html> (режим просмотра: 20.08.2012).

¹⁷³ Создание рабочих мест предполагалось за счет 4-х источников: индивидуальных предпринимателей; малого бизнеса; иностранных инвесторов; реструктуризации государственных предприятий.

Это дважды *несправедливо* по отношению к тем, кому государство обещало достойную жизнь на пенсии, к учителям и врачам». ¹⁷⁴

В своей программе Романчук использует консервативное понятие *большого общества* в противовес идее *большого государства*: «Новая Беларусь – это когда ты создаешь, производишь, а государство тебе не мешает, а помогает». Параллельно предлагалась идея введения страхования (медицинской страховки) за счет государства для социально-уязвимым группам (людям с инвалидностью, ветеранам и многодетным семьям (с сохранением льгот для чернобыльцев и афганцев)). *Большое общество* понималось как общество, ориентированное на заботу о здоровье и образовании человека с проявлением солидарности с социально-незащищенными (из программы Романчука). Кроме того, кандидат делал акцент на искусственном занижении в государственной статистике количества безработных и говорил о скрытой бедности в стране.

Ценностными основаниями программы были: свобода выбора, апелляция к национальной идентичности (употребление выражения - «*это по-белорусски*»), а также - свобода выбора человека, ответственность чиновников, «поддержка каждого человека в беде, *солидарность* национальных производителей и потребителей, *партнерство* бизнеса и власти, гражданского общества и государства» (из программы Романчука).

Вместе с тем, в ответах на вопросы относительно составляющих режима благосостояния политик, преимущественно, воспроизводил представления о либеральном режиме с элементами консервативно-корпоративистского. Так, акцентировалась *индивидуальная ответственность за собственное благосостояние* («вопрос трансформации должен идти, конечно же, по пути индивидуальной, персональной ответственности за свое здоровье, за свою пенсию»)

¹⁷⁴ Более подробно об этом в статье Романчука. «Неравенство и несправедливость бюджетной помощи» на сайте Фонда Мизеса, доступно: <http://liberty-belarus.info/Sotsialnaya-politika/Bogatye-i-bednye-Belarusi.html> (режим просмотра: 20.08.2013).

параллельно с внедрением *прагматичных* инструментов социального обеспечения: частных страховых фондов, принципа «деньги идут за клиентом» и развитие практик благотворительности. При этом утверждалось, что «*солидарность* местных сообществ вместе с потенциалом третьего сектора, религиозных организаций, благотворительных организаций, является гораздо лучшей системой государственного обеспечения, чем тотальное огосударствление, которое у нас наблюдаем» (интервью Романчук N-4). Параллельно с индивидуалистическими установками, политик говорил о важности *крепкой семьи* с практиками поколенческого взаимообеспечения, а также выполнения семьей ряда социально-значимых функций: «бабушки и дедушки являются важнейшим элементом воспитания и поддержки внуков» (интервью Романчук N-4).

Программа получившего наибольшую поддержку (согласно официальным данным) кандидата **Андрея Санникова**, называлась «Сильная Беларусь – для свободных людей». Одной из основных ее идей был переход *от патернализма к социальному партнерству*. В противовес официальной риторике о стабильности утверждалась *стабильность бедности*, при этом Беларусь, по мнению кандидата, по социальным показателям необходимо было сравнивать не со странами бывшего СССР, а со странами ЦВЕ, прошедшими демократические преобразования (из выступления Санникова в программе ВВС 22.07.2010).¹⁷⁵

Кандидат говорил о необходимости восстановления социальных льгот (для детей, студентов, пенсионеров и чернобыльцев), увеличении зарплат и социальных выплат (стипендий, пенсий, детских пособий), подчеркивая значимость того, чтобы социально незащищенные граждане получали от государства большую поддержку. Кроме того, он утверждал необходимость восстановления статуса профсоюзов, как политически независимых организаций представления интересов и защиты прав

¹⁷⁵ Санников был единственным кандидатом за всю историю независимой Беларуси, попавшим на ток-шоу ВВС HardTalk. Ссылка на программу с его участием на сайте «Хартия'97» доступна: <http://charter97.org/en/news/2010/7/22/30793/> (20.08.2013).

трудящихся. Также предусматривалась возможность участия рабочих в процессах приватизации предприятий (до 20% акций) (из телевизионного выступления Санникова 1.12.2010).

В социальной сфере озвучивались традиционные для оппозиционного нарратива проблемы демографического кризиса и необходимости поддержки семьи (в частности, увеличения размера пособий до 1,5 тыс. евро при рождении первого и 2,5 тыс. евро – второго ребенка); отсутствия доступного жилья; коммерциализации медицины на фоне деклараций ее бесплатного характера; отсутствии интернационализации высшего образования (вступления в Болонский процесс). Кроме того, Санников говорил о значимости создания в стране благоприятных условий для благотворительности. Понятие *социальная справедливость* в высказываниях претендента не звучало, а *справедливость* использовалось для оценки приватизационных процессов.

Программа кандидата наиболее финансово-обеспеченной¹⁷⁶ гражданской кампании «Говори правду» **Владимира Некляева** называлась «Достоинно жить».¹⁷⁷ В рамках кампании кандидат активно обращался к социальной тематике. «... Мы пришли к выводу, что все то, что мы несем как сущностно значимую ценность для нас [оппозиции] – демократия, права человека, – для них [простых людей] – ничего. Они просто не понимают, о чем мы с ними говорим» (интервью Некляев N-2).

В начале программы этого кандидата деконструировались находившиеся в основании официального нарратива социальные достижения (в частности, утверждения о сохранении в Беларуси системы бесплатной медицины и образования; работающих предприятиях; своевременных социальных выплатах; стабилизации национальной валюты) и указывалось на ряд связанных с ними проблемных моментов.

¹⁷⁶ Вопрос об источнике финансирования данной кампании активно обсуждался в белорусских СМИ и экспертном сообществе, однако так и остался до конца не проясненным.

¹⁷⁷ Необходимо отметить, что хотя данная программа основывалась на типичных для оппозиционного нарратива высказываниях, она выгодно отличалась по форме подачи тезисов.

Экономические разделы оканчивались утверждением о планах перенаправления полученных в результате реформирования средств, в числе прочего, на социальные программы. В отдельный раздел выделялась тема «Народное жилье».¹⁷⁸ В разделе «Социальные программы» говорилось о необходимости решения демографической проблемы (в частности, посредством введения материнского капитала) и обеспечения стабильного дохода для различных социальных слоев. Указывалось на наличие в Беларуси бедности и необходимости ее сокращения.

В высказываниях Некляева с критикой современной белорусской *стабильной* ситуации как *застойной* и *повторяющей ошибки советского времени* в противовес озвучивалась идея развития, как выстраивание *долгосрочной стратегии социально-экономического развития* Беларуси: «...он [Лукашенко] придумал стабильность, которая, на самом деле, застой. Поэтому, также, как и в Советском Союзе, все у нас скоро обвалится... Если вы этого не хотите, голосуйте за Некляева. Это значит, *за развитие*» (из радиовыступления Некляева 24.11.2010).

В сфере практической деятельности - на сайте «Говори правду» был создан специальный раздел, где размещались образцы обращений в государственные органы по поводу социальных проблем,¹⁷⁹ действовала виртуальная общественная приемная; а также проводилась кампания по сбору открыток с жалобами граждан по социально-бытовым проблемам.¹⁸⁰

В целом, высказывания политика¹⁸¹ не дают возможности реконструировать его представления о режиме благосостояния, но важно отметить его высказывания о значимости *благотворительности* как социальной практики и института *семьи*. В определении понятия

¹⁷⁸ В разделе указаны цели снижения стоимости 1 кв.м жилья, сохранения программ строительства социального жилья.

¹⁷⁹ Секция «Рейтинг лжи» на старой версии веб-сайта кампании: <http://zapraudu.info/rating>

¹⁸⁰ Более подробно об этой и других акциях кампании в годовом отчете от 1.03.2011 г., доступном на сайте газеты «Народная воля»: <http://nv-online.info/by/156/printed/28041/> (режим просмотра: 20.08.2013).

¹⁸¹ В ходе интервью политик не ответил на вопросы относительно роли государства, третьего сектора, семьи в социальной политике, переведя тему на оценку ситуации в Беларуси.

социальная справедливость акцент делался на *равенство возможностей* и обеспечения государством минимального пакета социальных гарантий, хотя содержанию понятия при этом придавался *психологический оттенок*. «Социальная справедливость – это очень важный момент. Она не столько «завязана» на материальное, а более – психологическое. Люди должны чувствовать, что, во-первых, в этом обществе они с самого начала находятся в *равных условиях*. Во-вторых, независимо от того, кто находится у власти, по мере своего развития... [смогут получить] *минимальный социальный пакет*» (из интервью Некляева N-2).

Представитель БХД (национально-консервативный кандидат) **Виталий Рымашевский** в своей программе концентрировался на проблемах семьи. В центре высказываний Рымашевского был идеал традиционных христианских семейных ценностей, вписывавшийся в патриархальную риторику. В 2009 – 2010 гг. БХД начала проект «Мощная сям'я – мощная Беларусь» (бел.) («Сильная семья – сильная Беларусь») с целью привлечения внимания к демографическим проблемам и проблемам абортов. В качестве другой социально значимой проблемы указывался алкоголизм. При этом кандидат БХД признавал определенные заслуги режима в социальной политике: «некоторые вещи в социальной политике были правильными: льготные кредиты, поддержка семьи, например, госпрограмма на поддержку детей без родителей... институт приемных семей и это было сделано правильно. Поддержка и льготы на рождение третьего ребенка...» (интервью Рымашевский N-3).

Программа Рымашевского «Беларусі – хрысціянскую палітыку» (бел.) («Беларуси – христианскую политику») соответствовала общим идейным установкам европейской христианской демократии и основывалась на утверждении рыночной, но социально-ориентированной экономики с ориентацией на *заботу о человеке*, как «*образе и подобию Божьему*». Образование, наука и здравоохранение указывались в качестве главных бюджетных расходов, делался акцент на социальных гарантиях для пенсионеров, малоимущих, инвалидов и сирот, а также значимости

преодоления последствий аварии на ЧАЭС. Отдельная часть программы была посвящена семье («вся сила государства – в защиту семьи»): необходимости госпрограммы по уменьшению аборт и разводов; введение налоговых льгот семьям (в частности, многодетным) и поддержка семейного бизнеса; введению материнского капитала, а также необходимости принятия мер против «пропаганды развращенности».¹⁸²

В качестве наиболее предпочтительного политик называл *консервативно-корпоративистский режим благосостояния* (Германия как образец), основанный на принципе *солидарности, поддержки частных инициатив* в социальной сфере со стороны государства и выполнении последним функции *контроля*. Он также признавал необходимость *социального партнерства* государства и третьего сектора. Семья называлась как важный, но не единственный институт предоставления социальных услуг (интервью Рымашевский N-3).

Определение понятия *социальная справедливость* звучит в либеральном ключе обеспечения «равенства возможностей» в самореализации, включая равенство *перед законом* и «возможность получения помощи в случае, если ты не можешь быть конкурентоспособным». Кандидат подчеркивал роль в этом процессе государства: «государство должно контролировать, т.е. *создать условия*,... а путь к этим условиям для нас – в стимулировании *взаимопомощи* между сильными и слабыми в государстве. Не принудительная поддержка государством этих социально-обездоленных групп населения, но создание условий, *чтобы сильные поддерживали слабых*» (интервью Рымашевский N-3).

Кандидат от партии БНФ **Рыгор Костусев** шел на выборы с программой «Свабода і адказнасць. Эканамічны рост. Незалежнасць і Еўраатлантычны выбар» (бел.) («Свобода и ответственность». Экономический рост. Независимость и Евроатлантический выбор») с традиционным для партии фокусом на соблюдение *национальных*

¹⁸² Включая вынесение за пределы населенных пунктов игровых зон.

*интересов.*¹⁸³ Основные содержательные акценты кампании делались на политические и международные вопросы, с апелляцией к *политической справедливости* и *соблюдению прав человека*. В социальной сфере озвучивались демографические и чернобыльские проблемы.

Дискурсивный разрыв с консервативной идеологией проявился у кандидата БНФ в личных высказываниях относительно оценки социальной политики в Беларуси. Оценивая последнюю как неэффективную на примере оплаты услуг ЖКХ, в высказываниях Костусева звучала идея *необходимости выравнивания* положения богатых и бедных слоев населения (в частности, тех, кто живет в сельской местности), поскольку нынешняя система субсидирования коммунальных платежей *несправедлива* и выгодна «наиболее богатым» (высокопоставленным чиновникам, бизнесменам). Однако при определении роли государства в социальной политике, происходил дискурсивный возврат в правый спектр, и кандидат говорил об обязанности государства помогать нуждающимся (в частности, пенсионерам), создать эффективную систему адресной социальной помощи с фокусом на поддержку семьи (введение материнского капитала). Определение типа режима благосостояния в высказываниях кандидата БНФ затруднено его уходом от вопросов в ходе интервью, переводом разговора на другие темы (в частности, проблемы ЖКХ, коррупции, сельского хозяйства, сокращения количества сотрудников силовых ведомств) (интервью Костусев N-5).

Интересным моментом в высказываниях политика является признание ограниченных, но все же существующих возможностей донесения партией своей позиции по социальным вопросам до власти и граждан. В качестве инструмента, обеспечивающего такую возможность,

¹⁸³ Более подробно о программе Костусева на сайте БНФ. Доступно: http://narodny.org/bnf/kampaniji/vybyary_2010/376.shtml (режим просмотра: 20.08.2013).

названы выборы, хотя в рассматриваемый период партии не удалось провести ни одного своего представителя даже в местные советы.¹⁸⁴

Кандидат БНФ определял *социальную справедливость* в либеральном ключе, как «обязанность работать для здоровых людей», с одной стороны, а с другой - «обязанность государства помочь, оказать социальную помощь в целях обеспечения достойной («годной» - бел.) жизни тем, кто работать не может» (интервью Костусев N-5).

Один из наиболее молодых кандидатов **Алесь Михалевич** шел на выборы с программой «Беларусь: стратегия эволюции», концентрировавшейся на вопросах структурного реформирования политики и экономики. Хотя программа кандидата отличалась логичностью и наличием ряда потенциально-привлекательных для белорусских граждан тезисов, в силу ограниченных ресурсов, его кампания была малозаметной. Ее содержательную основу составлял анализ и предложение мер для решения проблем в различных сферах социально-экономического и политического развития. Понятие *справедливость* соотносилось преимущественно с политической сферой и связывалось с внедрением механизмов общественного контроля. Роль государства оценивалась как *минимальная*: «механизма, который должен исправно выполнять задачи, для которых создан, не ограничивая без нужды свободы своих граждан» (из программы Михалевича). Обращение к социальным проблемам присутствовало в разных разделах программы и было связано с: пенсионной реформой (раздел «Достойная Беларусь»); утверждением необходимости социальной интеграции представителей уязвимых групп населения и построения *общества равных возможностей* (раздел «Солидарная Беларусь»); актуальностью образовательной реформы и реформы сферы здравоохранения.

¹⁸⁴ Интересно, что представители власти иногда делают риторические отсылки к БНФ в качестве признаваемого участника политического поля. Например, глава ЦИК Лидия Ярмошина в период избирательной кампании в местные советы 2006 г. (более подробно об этом в сообщении доступно: http://naviny.by/rubrics/elections/2006/12/21/ic_news_623_344210/ (режим просмотра: 20.08.2013)) или президент Лукашенко в период президентской кампании 2010 г.

Кампании еще двух кандидатов были связаны преимущественно с критикой личности Лукашенко (**Николай Статкевич, Дмитрий Усс**), в случае еще одного кандидата - **Виктора Терещенко** с анализом экономической сферы. Социальная тематика в них не затрагивалась.

Обобщая, можно сказать, что хотя в президентской кампании 2010 г. участвовало большое количество кандидатов, представлявших практически весь политический спектр Беларуси, в содержательном плане она не отличалась разнообразием. Кандидаты сосредотачивались на критике президента Лукашенко, недостатков белорусской системы управления и неэффективности социально-экономической системы государства. Высказывания оппозиционных кандидатов в социальной сфере преимущественно фокусировались на одинаковых проблемах: демографический кризис, необходимость поддержки семьи, неэффективность систем образования и здравоохранения. Хотя при этом, по сравнению с 2006 г., появлялись определенные новации в предлагаемых инструментах (в частности, введение материнского капитала), зазвучала тема восстановления льгот, а также необходимости расширения практик благотворительности.

В дискурсивном плане кампании всех кандидатов концентрировались на оспаривании утверждения *стабильности* - одного из центральных тезисов официального нарратива, характеризуемой как «стабильность бедности», «консервация советских укладов» (Санников), «застой» (Некляев), «очевидно устаревшая форма управления» (Костусев), «проведение политики латания дыр» (Михалевич). Предлагавшиеся альтернативные варианты противопоставляемой *стабильности* идеи *развития* связаны с идентичными утверждениями необходимости *модернизации*, описание которой в программах кандидатов отличалось только степенью проработанности. Не смотря на попытки кандидатов апеллировать к социальным вопросам и социальным проблемам на первоначальном этапе кампании, к ее концу основная

риторика вновь сосредоточилась на политической сфере и критике Лукашенко.

Реконструкция представлений о наиболее эффективном режиме благосостояния позволяет говорить о преобладании **консервативно-корпоративистской модели** (Некляев, Рымашевский) и **либеральной модели** (Романчук, Санников). В оценке потенциала участия в решении социальных проблем в Беларуси третьим сектором, можно выделить приверженность **партнерской** модели передачи государством права на оказание социальных услуг третьему сектору и **либеральной**, когда третий сектор подменяет собой дисфункциональное в оказании социальных услуг государство. Роль семьи как субъекта оказания социальных услуг высоко оценивалась всеми кандидатами, высказывавшимися по социальным вопросам, а сама она характеризовалась в традиционном **консервативном** ключе.

Понятие *социальная справедливость* как одно из содержательных оснований режима благосостояния оставалось в сфере властного нарратива, в то время как оппозиционные кандидаты в публичных высказываниях использовали его минимально, хотя в ходе интервью и соглашались, что оно имеет важное значение. Вместе с тем, в высказанных определениях звучала преимущественно либеральная индивидуалистическая трактовка понятия - «**равенство возможностей**». В целом, понятие *справедливость* чаще использовалось в отношении к политическим и правовым вопросам.

6.2 Третий сектор: политические партии и общественные объединения

6.2.1 Нарративы социальной справедливости оппозиционных политических партий Беларуси

В совокупности высказываний лидеров белорусских оппозиционных партий, а также их программных и иных документов по проблемам социальной политики и режима благосостояния в период 2006 – 2010 гг. можно выделить ряд общих закономерностей. Например, в описании реформирования системы социальной защиты преобладала

либеральная идея обеспечения государством равенства возможностей при условии адресной социальной поддержки и защиты наиболее нуждающихся слоев населения. Утверждались ограниченные возможности для политических партий выступать в качестве субъекта публичной политики с возможностью внесения социальных вопросов в политическую повестку дня. Одновременно прослеживался правый идеологический уклон, проявлявшийся в фокусировании на проблематике традиционной семьи, как основы современного белорусского общества и практически единственного средства противодействия моральному кризису.

Не смотря на указание ряда социальных проблем в своих программных документах, представители партий и движений были солидарны в характеристике периода до 2010 гг. как «расцвета *лукашенковской экономики*, при которой люди получали больше, чем зарабатывали», хотя при этом отмечается определенная «социальная тревожность, обеспокоенность, неуверенность в завтрашнем дне детей» (интервью Федута N-7). Последнее обстоятельство связывалось с ожидавшимся окончанием «дешевых» финансовых ресурсов¹⁸⁵ (в частности, выделявшегося на строительство жилья). При ответе на вопрос о том, какие социальные проблемы являлись наиболее острыми в период 2006 – 2010 гг., в ходе интервью партийные активисты выделяли следующие:

I. Проблемы общества

- демографические проблемы, включая падение уровня рождаемости и старение населения (представители всех партий);
- алкоголизм, наркомания, нездоровый образ жизни (БХД, «За свободу», «Справедливый мир», ОПП, Зеленые);
- кризис семьи и традиционных семейных ценностей (БНФ, БХД, ОПП).

¹⁸⁵ Речь идет о перераспределении внешних заимствований Беларуси на социальные нужды.

II. Снижение качества социальных услуг и ограничение возможностей для реализации социальных прав

- снижение качества образования, в том числе, коммерциализация и рост цен на образование («За свободу», «Справедливый мир», Зеленые);
- коммерциализация, снижение качества медицинских услуг и недостаток специалистов в медицинских учреждениях («Говори правду», ОГП, БСДП (Грамада), «Справедливый мир»);
- отсутствие перспектив улучшения жилищных условий («Говори правду», «Справедливый мир», Зеленые);
- скрытая безработица и страх потери работы вследствие системы краткосрочных контрактов (ОГП, БСДП (Грамада), «Справедливый мир», «За свободу»);
- низкий уровень заработной платы и других видов доходов и, как следствие, снижение уровня жизни (ОГП, БНФ, «Справедливый мир»);
- коррупция (БНФ, «За свободу», Зеленые);
- проблемы ЖКХ (в высказываниях политиков регионального уровня).

III. Экологические проблемы

- чернобыльские и экологические проблемы (ОГП, БСДП (Грамада), Зеленые, «Справедливый мир»). Критика планов строительства новой атомной электростанции (Зеленые).

Как видно из выделяемых в качестве актуальных, по мнению партийцев, социальных проблем, на уровне их обозначения не наблюдается принципиальных различий между партиями правого и левого идеологического спектра. Так, о проблемах скрытой безработицы и низкой заработной платы говорят и правые (ОГП, БНФ, «За свободу»), и левые («Справедливый мир», БСДП (Грамада)), демографическая проблематика присутствует у всех партий. При оценке уровня

благосостояния по сравнению с соседними с Беларусью странами представители партий и движений отмечали раскол общества на две части по критерию наличия различных символических и материальных возможностей (в частности, выезда за границу). В результате которого, согласно их представлениям, одна из частей белорусского общества (преимущественно не выезжавшая за пределы страны) оценивает свое благосостояние как более высокое, особенно в сравнении с восточными соседями (Россией, Украиной) и не во многом уступающем западным (Польше, Литве).¹⁸⁶ В случае этой группы отмечается успешность воздействия белорусской пропаганды, фокусирующейся на некорректном сопоставлении доходов и расходов в Беларуси и соседних стран: «Белорусские государственные медиа... создают впечатление у значительной части белорусов прямо противоположное сложившейся ситуации, что вокруг – сопоставимые с ними категории населения живут хуже, чем живут они» (интервью Федута N-7). Другая часть общества (обладающая возможностью либо вынужденная по экономическим причинам выезжать на заработки за пределы страны), по мнению представителей партий, оценивает уровень своего благосостояния преимущественно в негативном ключе. Тем не менее, отмечалось согласие белорусского общества с подобным разделением, что является одним из объяснений отсутствия социальных протестов.

Практическая деятельность политических партий в социальной сфере в рассматриваемый период была ограничена и очевидно уступала декларациям. Тем не менее, у всех партий на уровне программ представлены смысловые блоки, касающиеся социальной сферы. Некоторые партии реализовывали проекты либо инициировали акции, связанные с артикуляцией социальной проблематики. Например, реакцией на изменение порядка предоставления льгот в конце 2007 г. со стороны партий стало проведение нескольких совместных протестных

¹⁸⁶ Предполагаемые оценки белорусским населением как «более плохого» положения в соседних западных странах связывались, прежде всего, с высоким уровнем коммунальных платежей в них.

акций. Так, в Минске в начале октября 2007 г. совместными усилиями ОПП, ПКБ и БСДП (Грамада) было собрано и передано в Парламент около 40 тыс. подписей против предстоящего изменения порядка предоставления льгот;¹⁸⁷ в ноябре 2007 г. прошел организованный несколькими политическими субъектами «Социальный марш»¹⁸⁸ против отмены льгот. Аналогичные акции проходили и в регионах (например, в Новополоцке) и других городах.¹⁸⁹ Вместе с тем, очевидно, что все они не имели реального политического результата.

6.2.1.1 Партия БНФ

Программные тезисы¹⁹⁰ партии БНФ представляют собой симбиоз консервативных и христианско-демократических установок,¹⁹¹ что проявляется в формулировках базовых ценностей и принципов социальной политики. Положения программы сосредоточены вокруг идей *национального возрождения, христианских ценностей и значения/ роли отдельного индивида*, как цели общественного развития. Основные декларируемые ценности: *свобода, справедливость, солидарность, национальное государство, благосостояние*, понимаемое как «экономическое освобождение людей через гарантии частной собственности» (преамбула программы). *Справедливость* определяется как «равенство людей перед законом, уважение их достоинства и

¹⁸⁷ Статья «Подписи граждан против отмены льгот зарегистрированы в Палате Представителей» // Naviny.by, 2.10.2007. Доступно: <http://news.tut.by/society/95452.html> (режим просмотра: 3.05.2012).

¹⁸⁸ Вопреки названию «Социальный марш» прошел преимущественно под политическими лозунгами и был немногочисленен (по оценкам независимых СМИ, порядка 1 тыс. человек), в силу как организационных проблем, так и обычного низкого уровня участия в организуемых оппозицией акциях. Марш сопровождался задержанием гражданских активистов, а также столкновениями среди участников (в частности, анархистами и националистами), которые были истолкованы организаторами, как «провокация властей». О медийном освещении события: <http://news.tut.by/politics/97440.html> (режим просмотра: 2.08.2011).

¹⁸⁹ Статья «Около тысячи человек в 30 городах приняли участие в акциях по случаю отмены социальных льгот» // БалаПАН, 17.12.2007. Доступно: <http://news.tut.by/society/99931.html> (режим просмотра: 3.05.2012).

¹⁹⁰ Программа партии БНФ принята в 2002 г., полный текст доступен на сайте партии: <http://narodny.org/?p=1116> (режим просмотра: 20.08.2013).

¹⁹¹ В принятой в 2009 г. в целях преодоления внутренних партийных разногласий программе развития БНФ на 2009-2015 гг. указывается на необходимость ее качественного переустройства. Сама она стала позиционироваться как «партия национальных интересов». Более подробно об этом на сайте партии: <http://narodny.org/?p=1123> (режим просмотра: 2.08.2011).

свободы», а для пояснения ее содержания используются понятия *недискриминация* и *солидарность*, представляемые как основания для достижения социальной сплоченности и благополучия.

В установках в отношении моделей социальной политики можно говорить о смешении **христианско-демократического** и **либерального** подходов. Основные программные тезисы: адресная социальная политика и социальная помощь, предназначенные, прежде всего, социально-незащищенным группам населения; переход к частной системе пенсионного и медицинского социального страхования, а также страхованию в случаях безработицы. Одним из инструментов борьбы с социальными проблемами указывается создание благоприятных условий ведения бизнеса, новых рабочих мест и предотвращения безработицы. Как важное направление социальной политики называется финансирование культуры и, в частности, налоговые льготы в данной сфере.

Семья рассматривается в **консервативной** ключе, как «естественная (бел.- «натуральная») составляющая общества», поддержка которой составляет наиболее важную задачу государства. Основные способы реализации этой задачи: укрепление семьи, поддержка устойчивости брака, а также уменьшение налогов для семей. Аналогичная декларативная установка присутствует и в отношении заботы о детях - необходимость создания оптимальных возможностей для воспитания детей. Характерно, что в решении демографической проблемы важное значение придается сохранению паттерна *традиционного материнства*. «В первые годы жизни ребенка *мать* должна иметь возможность *прекратить работу* по профессии» (с возможностью профессионального переобучения после окончания периода ухода за ребенком). «*Мать* имеет право *полностью посвятить себя воспитанию детей* и получать в связи с этим правовую и социальную помощь». Понятие *родители* появляется только на этапе описания преобразований образовательной системы, где утверждается право

родителей влиять на процесс образования детей, в котором должны быть реализованы традиции *самоуправления* (например, участие родительских комитетов в управлении школами) (из программы партии). Таким образом, на уровне программных установок БНФ социальная политика имеет **консервативно-либеральную направленность** и является второстепенной, уступая по приоритетности экономической сфере и вопросам национального возрождения с четким **консервативным** акцентом на сохранение института семьи в ее традиционном понимании.

Хотя отсылки к социальным вопросам присутствовали на уровне публичных выступлений кандидатов БНФ в ходе парламентских, местных и президентских выборов, количество упоминавшихся партийных социальных проектов было небольшим. При этом медийные сообщения в большинстве случаев касались *планов* проведения мероприятий, упоминания о результатах были значительно реже. Так, в 2007 г. в СМИ проходила информация о готовящейся молодежным крылом БНФ кампании против отмены льгот для студентов и детей-инвалидов¹⁹² (без сообщений о результатах). Весной 2010 г. поднималась тема инициирования БНФ референдума против повышения льгот на ввоз в Беларусь подержанных автомобилей.¹⁹³ Кроме того, активисты партии инициировали и проводили разовые добровольные акции по сбору средств, например, для медицинских учреждений.¹⁹⁴ Однако основная активность БНФ была связана с политическими и национальными проблемами (например, участие в организации шествий, традиционное шествие в память о предках «Дзяды»).

¹⁹² О подготовке акции против отмены льгот в информационном сообщении «БНФ организует кампанию против отмены льгот для студентов и детей-инвалидов». Доступно: http://www.oko.by/2007/04/19/bnf_organizuet_kampaniju_protiv_otmeny_lgot_dlja_studentov_i_detejjinvalidov.html (режим просмотра: 31.08.2013).

¹⁹³ Повышение налогов на ввоз было связано с предстоящим вступлением Беларуси в Таможенный Союз. Инициативная группа по проведению референдума так и не была зарегистрирована ЦИК Беларуси, более подробно об этом на сайте партии: <http://narodny.org/?p=213> (режим просмотра: 31.08.2013).

¹⁹⁴ Примером добровольной акции по оказанию материальной помощи членами БНФ может быть сбор средств на закупку оборудования для онкологического центра в Бобруйске, более подробно об этом на сайте партии: <http://narodny.org/?p=237> (режим просмотра: 31.08.2013).

6.2.1.2 Объединенная гражданская партия (ОГП)

ОГП заявляет о своей либерально-консервативной направленности,¹⁹⁵ отстаивая (нео-)либеральные принципы в экономике и консервативные в сфере регулирования взаимоотношений государства и общества, государством и индивидом. Особенностью программы ОГП является привнесение в любые вопросы *морального измерения*. Пример типичного программного утверждения: «либерал-консерваторы уверены, что *рыночная экономика гуманна и моральна... Она освящена Богом*» (из программы партии). При этом в либеральном ключе говорится о роли *государства* как *гаранта обеспечения прав*, хотя само оно определяется при помощи такой характеристики как *сильное*. Главные ценности ОГП: *свобода, собственность, социальное партнерство и семья*. Социальное партнерство рассматривается как принцип обеспечения социальной стабильности в обществе. Ключевая роль отводится *семье* с акцентом на увеличение рождаемости и воспроизведение традиционных ценностей. Именно семья (в частности, многодетная) считается основным субъектом получения социальной помощи. Государство, в свою очередь, представляется как ответственный партнер в воспитании детей. Также говорится о значимости системы образования и диверсификации форм обучения, как возможности выбора «наилучших способов социализации».

Программа ОГП обращается к следующим социальным проблемам: низкий уровень заработной платы и всех социальных выплат (пенсии, стипендии и пр.). Рост в Беларуси социально-обусловленных болезней, включая алкоголизм, наркоманию и СПИД; высокий уровень разводов как угрожающий общественному развитию. В целом, программа ОГП является алармистской по своей тональности с отсылками к моральному кризису белорусского общества, хотя параллельно с этим в ней присутствуют систематизированные предложения по секторальным реформам (что отличает документ от программ других партий).

¹⁹⁵ Программа партии ОГП <http://www.ucpb.org/party/program> (режим просмотра: 31.08.2013).

Социальная политика в программе ОГП представлена в **либеральном** ключе, где основным принципом является построение системы эффективной адресной социальной помощи на основании «четких понятных и прозрачных для общественного контроля критериев». Указывается ряд предлагаемых шагов реформирования, среди которых: сокращение перекрестного субсидирования социальных услуг параллельно с разработкой механизмов компенсации малообеспеченным гражданам оплаты услуг ЖКХ на индивидуальной основе; создание новых рабочих. Решение проблем безработицы связывается, прежде всего, с созданием благоприятных условий для бизнеса, а также современной системы переобучения и учета безработных (для дальнейшего трудоустройства). Подробно рассматриваются вопросы реформирования систем здравоохранения и пенсионного обеспечения с их привязкой к конкретному индивидуальному случаю, введение принципа индивидуального страхования (с компенсацией расходов на получение медицинских услуг только для людей с инвалидностью и хроническими заболеваниями), а также развитие частной медицины и частных пенсионных фондов. В сфере пенсионного реформирования указывается на необходимость гарантировать пенсию на уровне 40% от средней заработной платы.

Характеризуя роль субъектов, определяющих форму режима благосостояния в стране, один из представителей партии отмечал приоритет индивидуальной ответственности, как основу функционирования общества. Также указывались принципы *субсидиарности* («нужно приближать уровень перераспределения к тем, кому нужно получить помощь») и *свободы*, прежде всего, экономической деятельности как средства защиты от чрезмерного государственного вмешательства. «Государство требует всегда больших ресурсов для перераспределения. *Перераспределение* всегда включает «*съедание*» части ресурсов, платежей. В разных государствах эта часть различается и зависит от прозрачности, эффективности, коррупционности» (интервью

Добровольский N-9). Государству отводится роль создания рамочных условий и обеспечения необходимой социальной поддержкой людей, находящихся в сложной жизненной ситуации, которым не могут оказать поддержку никакие другие субъекты. «Если речь идет о нетрудоспособных или тех, кто по каким-то причинам не может работать..., конечно, о таких людях должно заботиться государство. Какие-то *минимальные гарантии* давать» (интервью Добровольский N-9). Вместе с тем, все функции и ресурсы социальной поддержки, согласно принципу субсидиарности, должны быть как можно ближе к гражданам и основываться на морали и культурной традиции. «...Вообще-то это [о роли государства, третьего сектора и семьи в социальной политике] определяется, на мой взгляд, *культурой, моралью, культурой сострадания, сопереживания, если кому-то плохо, то гражданское общество должно активизироваться и помогать*» (интервью Добровольский N-9).

В понимание принципа *социальной справедливости* вкладывается либеральное значение «наличия прав и соответствующих им возможностей», включая обеспечение благосостояния тех, кто самостоятельно не может этого добиться. *Социальная справедливость* определяется из либеральной трактовки равенства возможностей, как «*комплекс прав при равных возможностях без дискриминации плюс достойный уровень жизни для всех*. Если человек своим трудом может заработать, это хорошо, а если не может, ему все равно должен быть обеспечен достойный уровень жизни» (интервью Добровольский N-9). К данному определению добавляется политическое измерение, когда в качестве *несправедливости* рассматривается «*осуществление власти людьми, которые никого не представляют*. Осуществление власти без того, чтобы выполнены были законы» (интервью Добровольский N-9). Последнее обстоятельство оценивается, как ведущее к повышению уровня общественного безразличия и подавлению любых общественных инициатив.

Основные проведенные ОГП акции и кампании связаны с актуализацией оппозиционной политической повестки дня, а также отстаиванием интересов партийных либо дружественных партии политиков и предпринимателей. Например, ОГП была в числе политических сил, поддержавших протесты индивидуальных предпринимателей в Беларуси (в начале 2008 г.) в отношении ужесточения условий их деятельности. Кроме того, ОГП выдвигала проекты, декларировавшие необходимость системных политических преобразований в Беларуси (например, разработанный партией документ «О концепции молодежной политики»¹⁹⁶ или инициатива создания совместной с правительством рабочей группы для работы по чернобыльской проблематике¹⁹⁷).

Вместе с тем, как и в случае других партий, медийное присутствие ОГП преимущественно связано с политическими заявлениями и декларациями о *будущих планах*. Типичным примером декларирования без практического действия является растиражированное партией в оппозиционных СМИ заявление о намерениях включить гендерные проблемы в свою программу,¹⁹⁸ однако в тексте программы они так и не появились.

6.2.1.3 Белорусская Христианская демократия (БХД)

БХД¹⁹⁹ является незарегистрированной партией с четко выраженной правой идеологической позицией, которая воспроизводит характерные для европейского христианско-демократического политического дискурса установки. Главные программные ценности и

¹⁹⁶ О концепции молодежной политики ОГП в статье «ОГП: белорусские власти воспроизводят советский тип молодежной политики» //naviny.by, 24.05.2009. Доступно: http://naviny.by/rubrics/politic/2009/05/24/ic_news_112_311750/ (режим просмотра: 20.08.2013).

¹⁹⁷ О предложениях ОГП по работе с правительством в сфере чернобыльской проблематики в статье «Демократы предложили правительству по проблеме Чернобыля»// naviny.by, 28.03.2007. Доступно: http://naviny.by/rubrics/politic/2007/03/28/ic_articles_112_150276/ (режим просмотра: 20.08.2013).

¹⁹⁸ Более подробно о планах ОГП по включению в программу партии гендерной проблематики в сообщении, доступном на сайте партии: http://old.ucpb.org/index.php?option=com_content&view=article&id=48694:20080808202600-18432&catid=106&Itemid=307 (режим просмотра: 20.08.2013).

¹⁹⁹ Часто используемое название – организационный комитет по созданию Белорусской христианско-демократической партии.

цели партии сформулированы следующим образом²⁰⁰: *Бог, отечество («бацькаўшчына» - бел.), человек, строительство независимого, демократического, правового государства*, а также морально-духовное, национальное, политическое и экономическое *возрождение Беларуси и духовное становление личности* (первый раздел программы). Программный раздел, посвященный религии и свободе совести, является одним из наиболее проработанных. Аналогично другим белорусским партиям правого толка большое внимание уделяется институту семьи в ее традиционной форме с основанием в христианской традиции (*«семья, по сути, домашняя церковь»* - из программы партии). Декларируется необходимость увеличения роли семьи в сфере образования, где бесплатное всеобщее государственное образование должно в перспективе уступить место *более основательному частному и семейному* с преподаванием на белорусском языке.

Аналогично установкам ОГП, в программе БХД - утверждения *моральных проблем* в белорусском обществе и *негативного влияния массовой культуры* («культуры гвалту» (бел.) – культуры насилия), для решения которых необходимо духовное национальное возрождение. БХД позиционируется как партия национальной элиты, которая должна стать в центре всех оппозиционных сил Беларуси. Важной смысловой линией является обозначение предлагаемых партией преобразований как *революции совести* (бел. «рэвалюцыя сумлення») с приданием им *христианских принципов*. Вместе с тем, БХД – единственная белорусская партия уже на программном уровне декларирующая анти-гомосексуальные установки и непринятие «нетрадиционных браков».

Понятие *справедливость* представлено в программе БХД в либеральном моральном ключе, как «*одинаковое уважение достоинства каждого человека,...*требующее *одинаковой свободы, равенства перед законом, равенства возможностей* в политической и социальной

²⁰⁰ Программа партии БХД на сайте: <http://bchd.info/program.html> (режим просмотра: 20.08.2013).

жизни». При определении *социальной справедливости* к понятию равных возможностей для «реализации собственного творческого потенциала в труде» добавляется также необходимость системы социальной защиты нетрудоспособных групп населения. В ценностное основание социальной политики дискурсивно заложен принцип *солидарности*, а в качестве основных социально значимых задач обозначены: охрана здоровья, гуманизация труда, борьба с безработицей и *справедливое распределение доходов*. Понятие *социальное государство* упоминается эпизодически, как гарантия права на социальные услуги и правовой статус социальных работников. Указывается на необходимость льгот для пожилых людей, людей с инвалидностью и утративших работоспособность. Для борьбы с безработицей предлагается система профессиональной переквалификации. Вместе с тем, руководствуясь принципом субсидиарности, программа БХД содержит тезисы о необходимости привлечения к оказанию социальной помощи не только государства, но и гражданских инициатив.²⁰¹ В сфере оказания социальных услуг (медицины, пенсионного обеспечения и пр.) планируется внедрение принципа страхования и развитие частных институций.

Реформы в программе БХД затрагивают все основные секторы публичной политики, за исключением сферы экономических преобразований. В целом, программа имеет декларативный характер со ссылками на моральные, христианские и национальные идеи, однако не содержит инструментов для реализации предлагаемых изменений. Например, раздел программы «Государственные реформы» состоит из общих высказываний наподобие: «начало кардинальных реформ системы образования, науки, охраны здоровья, спорта, социального страхования, направленных на строительство морально здорового общества» или «придание большего внимания проблемам Чернобыльской катастрофы» (из программы БХД).

²⁰¹ Включая правозащитные центры, церковные дома и центры социальной реабилитации.

Вместе с тем, в отличие от «более старых»²⁰² белорусских политических партий БХД стремится публично презентировать свои кампании. Так, в период 2006-2010 гг. партия заявляла о проведении, по меньшей мере, пяти кампаний, одна из которых была непосредственно связана с решением социальных проблем и называлась «Сильная семья – сильная Беларусь» (бел. “Моцная сям’я – моцная Беларусь”).²⁰³ В ней ставились задачи укрепления института традиционного брака и семьи как главного и, по сути, единственного способа борьбы с «социальными болезнями» общества (в частности, алкоголизмом, наркоманией, разводами, абортами), а также решения демографических проблем. Целью кампании провозглашалось сокращение количества аборт (на 10-20%) и разводов (на 10%) и предлагался ряд мер по борьбе с алкоголизмом и курением (в частности, запрет рекламы алкоголя и табака, введение запрета на продажу алкоголя после определенного времени).²⁰⁴ В СМИ сообщалось о следующих акциях: пикеты против аборт, распространение листовок и других агитационных материалов, организация межконфессиональной конференции по вопросам здорового образа жизни и благотворительных акций для детей из детских домов.²⁰⁵ Остальные кампании БХД имели преимущественно культурно-просветительский характер.²⁰⁶

²⁰² Инициатива создания партии БХД относится к 2005 г.

²⁰³ Кампания «Сильная семья – сильная Беларусь» вызвала интенсивную дискуссию в белорусском интернет-пространстве о роли женщины и праве на аборт. В рамках которой прослеживалось два дискурсивных полюса: консервативно настроенные участники, агрессивно защищавшие традиционные ценности и профеминистская либеральная группа, выступавшая за расширение прав и свобод женщин, в том числе, в отношении своего тела. В частности, региональная активистка кампании «Наш дом» Ольга Карач выступила с критикой кампании БХД, после чего последовала оживленная дискуссия на страницах белорусского радио «Свабода». Доступно: <http://www.svaboda.org/content/article/1509409.html> (режим просмотра: 20.08.2013).

²⁰⁴ Более подробно о кампании «Сильная семья – сильная Беларусь» в публикации газеты «Новы час» доступной: http://novychas.info/fakty_padziei_liudzi/bhd_za_demagraf_chnuju_bjaspek/ (режим просмотра: 20.08.2013).

²⁰⁵ Информация об акциях БХД в рамках кампании «Сильная семья – сильная Беларусь» доступна: <http://belpa.org/?p=1906> (режим просмотра: 20.08.2013).

²⁰⁶ В числе кампаний БХД была одна, связанная с борьбой с оккультизмом. Более подробно о данной программе на сайте партии: <http://bchd.info/actions.html> (режим просмотра: 20.08.2013).

6.2.1.4 Движение «За свободу»

Правозащитно-просветительское общественное объединение движение «За свободу» (здесь и далее – «За свободу») получило регистрацию в Беларуси в 2008 г.²⁰⁷ Несмотря на статус объединения, его программная и уставная деятельность сосредоточена на политических и просветительских активностях.²⁰⁸ Социальные проблемы в рассматриваемый период им затрагивались мало.

В интервью один из активистов движения (Алесь Логвинец) указывал на христианско-демократические принципы, в частности, *субсидиарность* (которая в его интерпретации приравнивается к понятию *governance*), как наиболее значимые для движения. Дискурсивные правые идеологические установки присутствовали и в высказываниях о роли государства в социальной политике и решении социальных вопросов. Например, *«государство должно нести ответственность за наиболее обездоленные категории общества и создавать возможности для того, чтобы сами они могли себя обеспечить»* (интервью Логвинец N-8). Отмечалось, что Беларусь не может идти по исключительно либеральному пути создания равных условий для всех, как достаточному для регулирования социальной сферы. Политик указывал на необходимость *адресности социальной поддержки*, но с ответственностью государства перед наименее обеспеченными слоями населения и *«централизованное управление в определенных сферах и вопросах*, т.к. это ответственность государства и солидарность граждан» (интервью Логвинец N-8). Таким образом, выполнение государством некоторых социальных функций в русле христианско-демократических установок представлялось как обязательное. При этом ближе к консервативной риторике звучало утверждение о том, что *государство должно создавать механизмы*, позволяющие гражданам самим

²⁰⁷ Рух «За свободу» смог получить официальную регистрацию в Минюсте с четвертого раза в 2008 г., что связывалось многими политическими аналитиками с кампанией «либерализации» взаимоотношений белорусского правительства с европейскими структурами.

²⁰⁸ Информация об основных направлениях деятельности движения доступна на его официальном веб-сайте: http://pyx.by/bel/ruh/napramki_dzejnasci (режим просмотра: 20.08.2013).

позаботиться о себе, а не *создавать иждивенцев*, претендующих на социальную помощь.

Третий сектор оценивался в либеральном ключе, как субъект, имеющий большой нереализованный инновационный потенциал в сфере решения социальных проблем, который не только не используется белорусским государством, но, наоборот, воспринимается властью с *большим недоверием*, как *потенциальная угроза стабильности*. Политика и общее отношение государства к гражданскому обществу оценивались как практики атомизации, устранения желания участвовать в защите общих интересов. Указывалось на сформированное советским временем недоверчивое отношение к организованной политической активности и артикуляции своих интересов, подкреплявшихся *«оторванностью [оппозиции] от более широких коммуникативных каналов, чтобы донести информацию до общества»*. В данном контексте интересным представляется и утверждение политика об *удаленности* оппозиции от широких слоев общества. Указывалось, что она представляет интересы интеллектуалов либо среднего класса, который, исходя из предполагаемой разделенности белорусского общества, не охватывает большинства белорусских граждан: *«и поэтому, мобилизация по социальным вопросам может выглядеть [со стороны оппозиции] несколько искусственной»* (интервью Логвинец N-8). В качестве потенциально привлекательного для белорусского общества предлагался христианско-демократический принцип *социального партнерства*. В оценке роли государства политик отмечал его обязанность создавать *льготные условия для благотворительной деятельности*.

Представитель «Руха за свободу» говорил о спекулятивном, имитационном характере и *«дискурсивной инфляции»* тематики социальной справедливости у представителей белорусской власти: *«Общий фон обеспечения социальной справедливости в Беларуси весьма своеобразен, потому что государственная политика направлена на то, чтобы показать большую заботу о людях*. Такой дискурс социальной

справедливости всегда присутствует у государственных служащих и, особенно, у того служащего, который находится на самом вершине властной пирамиды» (интервью Логвинец N-8). Успех официального дискурса связывался с сохранением в Беларуси идеологизированного образа советской социальной системы (в действительности, уже не существующей). В качестве доказательства ухода от социальной модели советских времен указывалось на *коммерциализацию социальной сферы* (в частности, введение платной медицины и образования),²⁰⁹ хотя и признавалось, что белорусская власть стремится сохранить минимальный уровень соцподдержки. «Риторически все время используется такая социализирующая тематика, что *мы* [органы власти] *очень заботимся* (дбаем – бел.) об обществе, но, с другой стороны, власти так или иначе сокращают те вещи [в частности, социальные услуги], которые она не в силах «потянуть» (интервью Логвинец N-8).

Имитация властью заботы о гражданах, по мнению политика, прослеживалась и в подмене реальных акторов публичной политики создаваемыми государством организациями (в частности, БСЖ), озвучивающим «только то, что им позволяет озвучить государство, которое потом представляет это в качестве своих достижений». При этом указывалось на отсутствие возможностей у оппозиционных политиков влиять на решение социальных проблем в силу ограничений недемократического политического режима. «Если даже в Беларуси есть социальные кампании, но нет подсчета голосов,... какую бы проблему не артикулировал кандидат, он сможет вынести ее в публичное пространство..., но у него нет шансов... быть избранным и решать эту проблему через государственные институты» (интервью Логвинец N-8). Отмечалось, что власть претендует на *монополию в определении социальной повестки дня и способов решения социальных проблем*. Потенциал использования понятия *социальная справедливость* в

²⁰⁹ Специфика белорусской ситуации заключается в скрытом характере платных услуг в данных сферах на фоне их законодательно декларируемого бесплатного характера, что выливается в практики неформальной оплаты в учреждениях здравоохранения и образования.

публичной риторике оценивался невысоко, а в качестве альтернативных ценностных оснований для мобилизации граждан указывались: *образование* (в широком смысле), *национальные и демократические ценности*, оздоровление общества посредством *оздоровления экономики*, свобода, а также обеспечение прав белорусскоязычной части населения.

Кампании и акции движения в анализируемый период имели преимущественно политическое и культурно-просветительское направление, из социальных акций упоминается только об участии в организации протестов против отмены социальных льгот.²¹⁰

6.2.1.5 Кампания «Говори правду»

Еще одним не являющимся партией, но по критерию участия в избирательных кампаниях относящимся к данной группе субъектов, является **кампания «Говори правду»**. Созданная в 2009 г. в качестве платформы для участия в президентских выборах Владимира Некляева, в рассматриваемый период ее представители занимались преимущественно продвижением этого кандидата. Вместе с тем, интервью и неформальное общение с активистами кампании позволяют говорить об идеологической разнонаправленности ее активистов.²¹¹

В оценке роли системы социальной защиты один из лидеров кампании (Александр Федута) демонстрирует крайнюю **либеральную позицию**, заявляя об *адресной помощи* нуждающимся категориям граждан (к которым относятся: молодые семьи, сироты, воспитанники детских домов), и принципе *самообеспечения* для всех, кто может обеспечивать себя самостоятельно. Хотя далее эта позиция смягчается тезисом о том, что государство должно осуществлять доплату за

²¹⁰ Раздел «Основные направления деятельности» на сайте движения «За свободу»: http://pyx.by/bel/ruh/napramki_dzejnasci/gramadskija-kampanii.html (режим просмотра: 20.08.2013).

²¹¹ В неформальном общении участники кампании «Говори правду», рассуждая о ее возможной идеологической идентификации, обозначают ее в промежутке от «левоцентристской» до «либеральной», а в некоторых случаях «правоцентристской». Региональные активисты, как правило, говорят о либеральной принадлежности в случае, если до этого они состояли в ОГП, и о «левоцентристской», если вышли из социал-демократов. Среди активистов минского офиса идентификация смещается дальше влево, однако на уровне лидера кампании звучит правоцентристская, а в некоторых случаях консервативная риторика.

выполнение социально-значимых, но низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работ. «Соответственно, *государство должно осуществлять доплату* за эту низкооплачиваемую социально-значимую работу» (интервью Федута N-7). Особый акцент делался на гарантирование возможностей граждан для реализации своих социальных потребностей, в частности, обеспечения жильем (при соответствующих гарантиях со стороны государства), образования для детей и обеспечения материального благополучия в старости как результата активной трудовой деятельности. Соответственно, как причина оценки современной социальной политики в Беларуси в качестве неэффективной указывалось непредоставление государством возможностей гражданам для обеспечения этих потребностей. В таком же содержательном либеральном направлении формулировалось и определение *социальной справедливости*, как *равенства возможностей* с момента рождения в сферах образования и здравоохранения, как тот минимум, который «государство, собирая налоги, должно гарантировать нам всем» (интервью Федута N-7).

Роль третьего сектора в социальной политике рассматривалась исключительно как *лоббирование/ продвижение интересов*, при этом социальные инициативы третьего сектора оценивались как возможные только в тех социальных сферах, которые не обеспечены государством (например, решении небольших вопросов узких социальных групп). Утверждалась максимальная *независимость* государства и третьего сектора, их невмешательство в дела друг друга. «Я воспринимаю слова о том, что третий сектор должен быть партнером государства в социальной политике, как слова абсурдные, и выражающие ущербную концепцию. *Самоорганизация граждан происходит тогда, когда есть ниши, незаполненные государством*. И государство должно выполнять те функции, которые на него возложены. Граждане должны *самоорганизовываться* для решения тех вопросов, которые не входят в компетенцию государства» (интервью Федута N-7).

Вместе с тем, отмечался деформированный характер белорусского общества, вследствие чего, с одной стороны, у политических партий нет возможностей в рамках соревновательного политического процесса предлагать свое стратегическое видение социальной политики. С другой, происходит *политизация организаций третьего сектора* (приводятся примеры Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ), БХК, Вясны), выполняющих *несвойственные им* политические функции. Вследствие разрастания государства и его вмешательства во все сферы («ниши») общественной жизни утверждалось *огосударствление общественных объединений*. Однако признавалось наличие у третьего сектора (на примере «Говори правду») определенного потенциала влияния (в терминологии интервьюируемого – лоббистский потенциал) для решения социально-бытовых проблем на региональном уровне.²¹²

Таким образом, можно говорить о том, что нарратив социальной справедливости некоторых представителей кампании «Говори правду» звучит в **либеральной тональности**, конструируется в рамках высказываний о *равенстве возможностей* и обязанности государство эти возможности обеспечить с предполагаемым либеральным режимом благосостояния.

6.2.1.6 Белорусская социал-демократическая партия (Грамада)

В программе БСДП (Грамада) совмещены проблемы защиты социально-экономических прав с идеями национального возрождения. Так, в самом начале программы²¹³ утверждается «приверженность идеалам всемирной социал-демократии... борьба за экономическое, социальное и политическое освобождение людей труда, за реализацию

²¹² В качестве примера при этом приводится эпизод из избирательной кампании кандидата «Говори правду» В.Некляева, в результате региональной поездки которого (в г. Борисов) местные власти, вроде бы, начали заниматься проблемой затопления одного из районов. Однако оценить причинно-следственную связь между активностью политика и деятельностью властей в данном случае не представляется возможным.

²¹³ Программа партии Белорусская социал-демократическая партия «Грамада» доступна на ее сайте: <http://bsdп.org/dokumenty/pragrama-bsdп> (режим просмотра: 20.08.2013).

права белорусского народа на самоопределение».²¹⁴ В разделе, посвященном образованию, говорится о необходимости перехода на белорусский язык обучения во всех типах учебных заведений. В рамках идеологического самоопределения в программе БСДП (Грамада) есть раздел с разъяснениями разницы между социал-демократическими и либеральными, а также социал-демократическими и коммунистическими воззрениями.

В числе программных ценностей партии названы: права и свободы человека, защита интересов и прав людей наемного труда; построение солидарного общества на принципах свободы (определяемой на индивидуальном уровне, как возможность быть свободным в определении своей судьбы, не подвергаться насилию; на групповом – право гражданского общества определять свою судьбу); равенства (равные возможности для самореализации), социальной справедливости,²¹⁵ демократии и верховенства права; построения независимого демократического, правового и социального белорусского государства – равноправного субъекта европейского и мирового сообщества (из программы БСДП (Грамада)). Утверждается необходимость многоукладной социальной и экологичной²¹⁶ рыночной экономики. В документе закрепляется принцип *партнерства государства, профсоюзов и предпринимателей* в решении социально-экономических вопросов. Кроме того, подробно представлена концепция социальной рыночной экономики с сочетанием разных форм собственности, возможностью ограниченного планирования, возникновения как можно большего количества собственников, рыночного характера регулирования экономики, но с соблюдением при

²¹⁴ И далее - «мы желаем, чтобы возродилось национальное самосознание белорусского народа» или «национальная культура – это гарант государственного суверенитета и благосостояния граждан» (из программы БСДП (Грамада)).

²¹⁵ Понятие *социальная справедливость* в отличие от других декларируемых ценностных установок в программе не расшифровывается.

²¹⁶ Тезис об экологичности экономики, вероятнее всего, является следствием адаптации идей европейских социал-демократов, как нетипичный для белорусских партий и других политических субъектов. Вместе с тем, в программе партии содержится отдельный развернутый раздел по этому поводу.

этом *общественных интересов*, а также широком участии наемных работников в управлении предприятиями.

Раздел «Социальное государство» занимает значительное место в программе, представляя собой набор разрозненных тезисов в сфере социальной политики без отдельной дефиниции самого понятия, а также конкретизации мер для достижения выдвигаемых политических задач.²¹⁷ В качестве приоритета указано *право на труд, достойную оплату труда и пенсию*. Здесь же повторяется утверждение о выражении интересов наемных работников предприятий всех видов и форм собственности и *социальном партнерстве*, как условия *солидарного общества*, и, в свою очередь, *солидарности* как основания социальной политики.

В программе БСДП (Грамада) присутствуют утверждения общего характера и содержания относительно системы социальной защиты и обеспечения. Например, «мы выступаем за создание в Республике Беларусь системы социальных гарантий» или «социальное обеспечение должно быть надежным». Такими же общими являются и тезисы о необходимости усовершенствования государственной системы переквалификации и устройства на работу, системы пособий по безработице (одной из предлагаемых конкретных мер здесь является страхование для безработной молодежи), а также «энергичной жилищной политики» («каждая семья имеет права на собственную крышу над головой»). При этом некоторые предложения либо уже законодательно закреплены в Беларуси (в частности, право на бесплатное среднее образование), либо выглядят устаревшими (к примеру, о необходимости освобождения женщин от тяжелого физического труда).²¹⁸

В качестве основных адресных групп, требующих особого внимания и социальных гарантий со стороны государства, указываются

²¹⁷ За небольшим исключением в виде утверждения необходимости совершенствования в соответствии с международными стандартами Трудового кодекса и законодательной базы в сфере коллективных соглашений.

²¹⁸ Вероятным объяснением «морального устаревания» программы может быть отсутствие работы партийного актива (в силу малочисленности, отсутствия человеческих и иных ресурсов) в сфере обновления программных тезисов.

пенсионеры (начисление пенсий в соответствии с трудовым вкладом человека с общественным контролем над пенсионным фондом); молодежь (право на получение бесплатного среднего образования и профессиональной подготовки); многодетные семьи; одинокие пожилые люди и люди с инвалидностью (поддержка института надомного труда для помощи этим группам, домов-интернатов для инвалидов и пожилых людей); дети, оставшиеся без опеки родителей (улучшение учреждений для них, а также специальных льгот в момент их выхода из данных учреждений). Отдельный раздел («Охрана здоровья, спорт, физическая культура») в программе посвящен проблемам здравоохранения, где критически оценивается его финансирование по остаточному принципу. В качестве решения предлагается *гармоничное развитие* государственной и страховой медицины с возможностью постепенного перехода к страховой медицине.

Вместе с тем, в отличие от белорусских партий правого толка в сфере гендерной политики на программном уровне БСДП (Грамада) указывает на необходимость признания *равной социальной значимости* домашней работы и работы вне дома. Подчеркивается право мужчин и женщин делать собственный выбор формы занятости и важность развития учреждений дошкольного и школьного образования. Одновременно признается возможность коммерческого характера отдельных видов услуг в этих учреждениях (например, оплата детских садов и яслей либо школьных обедов), однако указывается на то, что данные затраты «должны быть не так чувствительны» (бел. – «адчувальны») для бюджета семьи (из программы партии).

В оценке роли *семьи* в программе партии присутствует *советское понимание* института как «основной ячейки общества, моральной и социальной ценности». Однако признается наличие *неравенства* между мужчинами и женщинами (в частности, в части доступа к престижным позициям, существования в белорусском обществе гендерных стереотипов о воспитании детей и необходимость введения практик

партнерского родительства). Здесь же делается утверждение о том, что социальное государство не должно перекладывать на семью решение проблем, которые оно может решить само (например, сохранение и расширение сети дошкольных детских учреждений, групп и школ продленного дня).

В целом, программа БСДП (Грамада) по декларируемым ценностям и основным принципам в сфере социальной политики воспроизводит основания **социал-демократической идеологии и соответствующего типа режима благосостояния** (с признанием возможности **коммерциализации** отдельных сфер). В ней присутствуют и некоторые идеи понимания социальной справедливости в парадигме **теории развития** (учет экологической составляющей в развитии экономики, проблематика гендерного равенства, отход от патриархальной модели общественного устройства). Вместе с тем, в программе можно выделить и **либеральное** по содержанию утверждение о постепенном переходе к страховому характеру оказания социальных услуг (в медицинской сфере).

Интервью с одной из региональных активисток БСДП (Грамада) (N-12)²¹⁹ содержит высказывания, которые воспроизводят общие партийные тезисы, оценку текущей социальной политики в Беларуси и, в более широком смысле, социал-демократические установки. В частности, признание *универсальной модели* социальной поддержки как наиболее эффективной. В отношении роли неправительственных организаций в социальной политике утверждалась необходимость *партнерства*, когда «различные проблемы в обществе... поднимаются организациями и потом именно при помощи общественных организаций при поддержке государства...решаются». Параллельно в понятие *партнерство* включались также идеи *самоуправления* и *субсидиарности*, когда общество «само их [проблемы] обнаруживает, вскрывает, и пытается найти решения» (интервью Канюс N-12). При этом рассуждая о роли и

²¹⁹ Одновременно респондентка является активисткой кампании «Говори правду».

возможностях НПО в решении социальных проблем в Беларуси и участии в публичной политике, подтверждался тезис о неравных возможностях для лояльных и нелояльных государству организаций, а также организаций регионального и национального уровней. «У нас есть организации *правильные и неправильные*. С правильными организациями - одно дело. С неправильными - вся их деятельность будет рассматриваться как деятельность неправильная изначально» (интервью Канюс N-12). Небольшие социальные организации в случае лояльности, отсутствия конфликтов с властями и проправительственными организациями в «какой-то степени могут решать локальные проблемы» (например, проблемы людей с инвалидностью, помощь детским домам) (интервью Канюс N-12). По мнению активистки, в локальных сферах, не занятых государством и связанными с ним организациями, представители власти могут оказывать определенное содействие небольшим организациям в осуществлении их деятельности. Такие практики противопоставлялись отношению власти к оппозиционным политическим организациям. Приводился пример разрешения властями проводить акции/мероприятия небольших социальных организаций на центральных площадках города,²²⁰ как невозможного для политических организаций. «Всем оппозиционным [организациям] даже и не снилось туда [на такие площадки] пробраться каким-то образом» (интервью Канюс N-12).

Оппозиционные организации рассматривались как обладающие минимальными возможностями артикуляции социальной проблематики. Утверждалось, что на местном уровне власти готовы обратить внимание на проблему, когда оппозиционные организации начинают о ней говорить. Однако далее, по мнению активистки, власти символически экспроприируют указанную проблему, таким образом «снимая социальную напряженность».

²²⁰ Говоря о предоставлении властями мест для проведения мероприятий, имеется в виду существующий в Беларуси разрешительный порядок их проведения, когда организации должны согласовать с властями и получить разрешение относительно места, времени и формата проведения мероприятий.

Крупные социальные организации (в частности, БРСМ) оценивались как продолжение государственных институций в социальной политике, обладающие возможностями участия в решении социальных проблем. Высказывалось предположение о том, что участие в деятельности данных организаций на локальном уровне связано, в том числе, с отсутствием альтернатив для самореализации активных людей: «Школьники, если там лично кто-то не знаком с альтернативой, они пойдут в БРСМ, потому что там, на местах... идут какие-то небольшие проекты их внутренние,... которые *позволяют реализоваться* людям» (интервью Канюс N-12). Вместе с тем, возможность дальнейшего продвижения в рамках организаций проправительственного типа более жестко привязаны к критерию лояльности: «Немного выше – там уже идет налет этой *идеологии*, и идет отсев... Либо ты совсем уже туда идешь, и потом продвигаешься в горисполком и... выслуживаешься кем-либо, либо уходишь от этого всего, либо становишься в полную оборону и переходишь в альтернативный лагерь» (интервью Канюс N-12).

Положение политических партий оценивалось как наиболее сложное вследствие давления со стороны властей («зачистка поля»). Подчеркивалось минимальное представительство в органах управления даже на местном уровне, как автоматически лишавшее партию возможностей участия в политическом процессе и решении любых проблем. Говорилось, что партии существуют в режиме «борьбы за существования», а не продвижения альтернативной повестки дня (в том числе, в решении социальных вопросов).

Важным в высказываниях активистки являлось утверждение о том, что артикуляция социальных вопросов на локальном уровне выступает в качестве объединяющего фактора для партий всего политического спектра, как обладающая перспективами гражданской мобилизации. «Большая часть политических партий ведет... социальные программы по активизации населения. И тут *неважно* уже – *какой вы идеологии*, ... все партии собирают подписи на жилищно-коммунальные услуги, за

социалку, начиная от коммунистов и оканчивая консерваторами. От левых до правых. *Это единственное, чем мы можем не спугнуть»* (интервью Канюс N-12). Интервью с представительницей БСДП (Грамада) является одним из немногих, в котором озвучена необходимость артикуляции в белорусском обществе социальных проблем, как возможности перехода к политическому участию: «Когда он [гражданин Беларуси] наконец-то поймет, что его обманывают [в различных вопросах, связанных с решением социальных проблем], когда он начинает голосовать, вот это будет большой прогресс. Здесь он начнет защищать свои права» (интервью Канюс N-12). Упоминается и ситуация отмены льгот 2007 г., которая хоть и не повлекла массовых протестов,²²¹ тем не менее, вызвала определенную активность на региональном уровне (обращения к депутатам с требованиями разъяснить их позицию по данной проблеме, пикеты). Однако оценка эффективности этих действий оценивалась как низкая.

При описании общественных установок в социальной сфере упоминалась необходимость признания домашнего труда в качестве равноценного с другими видами трудовой деятельности с соответствующей системой оплаты. «Все дело в том, что та же самая домохозяйка... иногда производит намного больше и теряет намного больше энергии, чем прежди она на рабочее место, и просто занимайся одной и той же работой» (интервью Канюс N-12). В интервью звучит *критика патриархальной модели семейных отношений* и модели белорусского государства, как не являющейся в действительности социальным в силу отсутствия возможностей самообеспечения для различных поколений. «Но разве вот это социальная модель? Когда родители не знают, что будет с их детьми, не знают, что будет с ними

²²¹ Отсутствие протестов в 2007 г. объяснялось, по мнению активистки, поддержкой частью населения (особенно пенсионерами) политического курса Лукашенко и особенностью общественных установок, которые сформировались в советские времена и связаны с отсутствием практик солидарности в обществе, понимаемых как возможность обратиться за помощью к другим в случае сложной жизненной ситуации. Об этих установках она говорит как о «гордости советского времени»: «совдеповская гордость: *зачем мне эти подачи...*» (интервью Канюс N-12).

самими, когда они будут пенсионерами, пенсионеры помогают жить внукам своими пенсиями, забывая, что они тоже прожили, что они еще полноценные граждане этого общества» (интервью Канюс N-12).

Определение *социальной справедливости* связывалось с определением экономического равенства и требованиями социальной защиты. «Экономическое равенство,... когда человек защищен,... имеет подушку безопасности, предоставленную государством» (интервью Канюс N-12). Само понятие оценивалось активистской как «несколько популистское» в силу невозможности оценки реальной экономической ситуации в стране и, соответственно, спекулятивным характере любых оценок в сфере благосостояния.

В период 2006 – 2010 гг. упоминания о БСДП (Грамада) в СМИ связаны преимущественно с политической повесткой дня, а также внутренними разногласиями в партии. Из социальных проектов можно назвать региональные выступления против отмены льгот (например, в Бресте²²²); принятие обращение к властям по поводу неэффективности черныбыльской политики.²²³

6.2.1.7 Белорусская партия левых «Справедливый мир»

«Справедливый мир» является партией, возникшей в результате трансформаций белорусской коммунистической партии.²²⁴ Ее программа построена на сочетании таких содержательных компонентов как: апелляция к советскому прошлому, указание в качестве основополагающих ценностей свободы, равенства, социальной справедливости, демократии; декларация цели устойчивого развития. Интерпретация *советского прошлого* в содержательном плане схожа с содержащейся в нарративе президента, как *прорыв* в политическом, экономическом, социальном и духовном развитии, *способствовавший*

²²² Информационное сообщение «В Бресте прошел пикет против отмены льгот» //Tut.by, 2.06.2008. Доступно: <http://news.tut.by/society/110143.html> (режим просмотра 3.05 2013).

²²³ Информационное сообщение «Грамада выступила с критикой государственной политики по решению черныбыльских вопросов» // tut.by, 26.04.2006. Доступно: <http://news.tut.by/politics/67385.html> (режим просмотра: 3.05.2012).

²²⁴ Название Белорусская партия левых «Справедливый мир» было принято в 2009 г. на съезде партии на тот момент называвшейся Партией коммунистов Белорусской (ПКБ).

расцвету Беларуси. В качестве достижений указывалось на решение в СССР социальных вопросов (реализация права на труд, бесплатное образование, здравоохранение, жилье; эффективная система социальной защиты, отсутствие социальных противоречий). Отмечался «вклад белорусского народа в победу над фашизмом», а распад СССР назывался «временным поражением социализма». Параллельно в программе критикуется белорусский режим, как «авторитарно-бюрократический, опирающийся на произвол исполнительной власти, выведенной из-под контроля народа и не соблюдающий Конституцию и законы» (из программы партии).

Программные ценности «Справедливого мира» имеют дефиниции, характерные для европейского коммунистического дискурса с ориентацией на *развитие*. *Свобода* определяется как «свобода от эксплуатации, угнетения и унижения, от нищеты и ... свобода развития каждого гражданина, возможности его влияния на общество через участие в принятии и реализации решений». Также вводится приоритет общественных интересов. *Равенство* трактуется как «равные возможности развития и реализации своих способностей для всех, а также равных возможностей устройства собственной жизни и управления общественными делами». Понятие *солидарность* содержит коммунистическую коннотацию («сплоченность угнетаемых в борьбе за свои права»), однако к ней добавляется смысловая линия взаимответственности («взаимозависимость... и ответственность каждого за всех и каждого» и «совместное участие всех работающих в финансировании социальных программ»). Определение понятия *социальная справедливость* приводится в общей (и самой краткой по сравнению с другими принципами) формулировке, основанной на концепции *равенства*. «Социальная справедливость - это равенство людей по отношению к средствам производства, а также равенство их реальных экономических, политических, социальных и юридических прав» (из программы партии).

«Программа минимум» партии содержит преимущественно политические требования. Однако также присутствуют общие предложения в отношении секторального, в частности, экономического, социального, государственного управления, духовных и межнациональных отношений, внешней политики и национальной безопасности. Основными целями социальной политики указаны: обеспечение принципов социальной справедливости; ликвидация безработицы; право на справедливую оплату труда при установлении минимальных размеров социальных выплат (пенсий, стипендий, пособий); реализация социальной программы охраны материнства и детства; сохранение системы бесплатного образования и медицины. Вместе с тем, в программных документах «Справедливого мира» выдвигается либеральный тезис о развитии адресной системы социальной защиты. Отдельным пунктом, который не озвучивается другими субъектами, является проблема возврата советских вкладов.²²⁵

Роль государства определяется в программе «Справедливого мира» в качестве «гаранта свободного труда граждан... обеспечения безопасности..., равных прав и возможностей...охране природы, обучении детей, лечении больных и помощи слабым» (из программы партии). Утверждается необходимость преодоления тенденции снижения объема участия государства в решении социальных проблем, но с переходом к *коммунистическому самоуправлению* по мере общественного развития.

В интервью главы партии Сергея Калякина понятие *социальная справедливость* раскрывается более полно. Посредством критики нынешней социальной политики и декларируемого властью социального характера белорусского государства в качестве *несправедливой* указывается ситуация отсутствия дифференциации в принципах налогообложения для различных социальных слоев (существование

²²⁵ Тема возвратов советских вкладов звучала в высказываниях Лукашенко в момент прихода к власти. Ее сохранение в актуальном варианте программы «Справедливого мира», вероятно, связано с отсутствием работы по обновлению программных установок партии.

плоской шкалы налогообложения). В качестве альтернативного варианта предлагается *выравнивающий принцип налогообложения* пропорционально получаемым доходам. При дальнейшем рассуждении в это определение привносится принцип *равенства возможностей на социальном старте*, который должен обеспечиваться доступностью образования, медицины, воспитания; социальной защищенностью социально-уязвимых групп (в частности, пенсионеров); справедливой оплатой труда. В качестве еще одной составляющей понятия *социальная справедливость* называлось «*солидарное участие граждан в решении социальных проблем государства*» с большим вкладом более состоятельных социальных групп. Кроме того, как механизм обеспечения социальной справедливости указывалось наличие гарантий реализации своих прав и равные возможности участия в политической жизни, обеспечиваемые свободными выборами. Таким образом, в высказываниях политика указано на взаимозависимость социальных, экономических и политических прав как составляющую понятия *социальная справедливость*. Государство, в свою очередь, рассматривалось как гарант обеспечения этих прав. В целом, социальная справедливость интерпретировалось как *выравнивающий принцип социального развития*, обеспечиваемый государством.

Определяя характер взаимоотношений государства, третьего сектора и семьи в социальной политике, глава «Справедливого мира» (используя пример Швеции) подчеркивал необходимость *высокой степени государственного участия в социальной политике* и обеспечения социальной защищенности населения. Политик указывал на необходимость *максимальной прозрачности* процессов перераспределения и высокой степени подотчетности чиновников гражданам. Третий сектор, согласно его мнению, может быть *партнером* государства в оказании социальных услуг, однако при этом он должен стремиться к *максимальной удаленности от государства* («по своей сущности»). Идея социального заказа оценивалась настороженно, как

несущая в себе потенциал *огосударствления* третьего сектора. В отношении *семьи* высказывалось стандартное суждение о ее значении как *важной ячейки общества* и субъекта оказания социальных услуг. Однако подчеркивалось, негативно оцениваемое стремление белорусского государства уйти из социальной сферы, переложив ответственность на семью и третий сектор. Параллельно давалась патриархальная интерпретация необходимости семейной поддержки с положительной оценкой социальной политики в Китае (в частности, отсутствия пенсий и обязанностью детей содержать родителей в нетрудоспособном возрасте) (интервью Калякин N-10).

Отсутствие протестов в Беларуси при отмене льгот объяснялось социально-психологическими факторами (в частности, *страхом*), а также *частичным характером* изменений (отмена льгот не всем категориям).²²⁶ На примере своей партии политик утверждал наличие у третьего сектора определенных, хоть и ограниченных, возможностей артикуляции социальных проблем. Однако, исходя из приведенных им примеров (в частности, протестов против проведения пенсионной реформы) не представляется возможным оценить степень влияния партии на формирование политической повестки дня.

Вместе с тем, не смотря на декларируемую социальную направленность партии, информации и социальных акциях «Справедливого мира», за исключением совместно организованного с другими субъектами «Социального марша», единичных акций против отмены льгот и упоминаний о посещениях лидером партии черныбыльских регионов в (2007 г., 2009), практически нет.

6.2.1.8 Белорусская партия «Зеленые»

«Зеленые» по своей идеологической платформе примыкают к блоку левых белорусских партий, хотя, как и в других европейских странах, занимают особое положение в политическом спектре. Среди

²²⁶ В своих ответах глава «Справедливого мира» указывал на то, что отмена льгот вроде бы планировалась намного раньше (в 90-е годы после прихода Лукашенко к власти), однако ее невозможно было реализовать в силу противодействия со стороны Верховного Совета.

основных целей и ценностей, указанных в программе партии:²²⁷ «создание здоровой жизненной среды для человека... максимум возможностей для его [человека] развития» с акцентом на *устойчивый характер развития*. Также декларируются принципы *свободы, равенства и справедливости, гармонии человека с природой*; а также *приоритетности экологии над экономикой*, политикой и идеологией. В программе присутствует моральная составляющая, выраженная в тезисах о необходимости «развития духовности, формировании и распространении экологического стиля мышления». О социальной политике (как и о других секторах публичной политики) отдельно не говорится, за исключением декларации о «недопустимости снижения жизненного уровня»²²⁸ в переходный период проведения рыночных реформ. А также утверждений общего порядка о необходимости принятия мер по укреплению семьи, поддержки материнства и детства, создания условий для здорового образа жизни, борьбы с наркоманией и алкоголизмом.

Определение роли государства в отношениях с обществом основывается на приоритете последнего, а также *личных прав* над групповыми (государственными). Утверждаются принципы *автономии гражданского общества* и государства с ведущей ролью последнего как *гаранта экологической и социальной безопасности человека*. Как основные направления деятельности партии указаны: внедрение законодательным путем гарантий охраны среды и человека (с дальнейшим перенаправлением получаемых штрафных средств на восстановление экологического баланса); право на получение достоверной информации от государственных органов; экологическая система образования; запрет на импорт экологически небезопасных товаров и создание производств, не соответствующих требованиям

²²⁷ Программа белорусской партии «Зеленые» доступна: <http://belgreens.org/2007/05/139> (режим просмотра: 21.08.2013)

²²⁸ Вероятно, под выражением о «снижении жизненного уровня» имеется в виду – «уровень жизни населения».

экологичности. Среди политических задач партии (аналогично со «Справедливым миром») утверждается необходимость введения принципа *субсидиарности* с передачей максимальной части управленческих функций от центральных к местным органам (переход к *местному гражданскому самоуправлению с элементами прямой демократии*). Как средство достижения этих задач указывается участие в работе исполнительной и формировании органов законодательной власти.

Более выраженную социальную направленность имеет проект предвыборной программы возглавлявшего в период 2006 – 2010 г. партию «Зеленых» **Юрия Глушакова** (который, в результате, не принимал участия в выборах 2010 г.).²²⁹ В программе указывались проблемы снижения уровня жизни, свертывания социальных льгот, недоступности жилья, недопустимости роста цен на образовательные и медицинские услуги на фоне ухудшений в сфере политических свобод («беззастенчивого попрания политических свобод»). В реформировании социальной сферы озвучивались требования: отмены принудительной контрактной системы найма на работу; восстановления льгот в полном объеме; уравнивания размера минимальной заработной платы с бюджетом реального прожиточного минимума; восстановления прав профсоюзов и обеспечение соблюдения прав трудящихся; ликвидации безработицы (явной и скрытой) и увеличения пособий; улучшения правового статуса белорусских сезонных рабочих в России и других странах; увеличения всех видов социальных пособий; ограничения объемов платного образования и моратория на повышение тарифов ЖКХ; введения прогрессивной шкалы налогообложения; принятия мер по

²²⁹ Неучастие главы «Зеленых» в президентской кампании 2010 г., по мнению некоторых белорусских аналитиков, было связано с отсутствием достаточных материальных, а главное – человеческих ресурсов для проведения кампании. Юрий Глушаков не смог собрать 100 тыс. подписей, необходимых для регистрации в качестве кандидата в президенты. Проект текста предвыборной программы доступен на сайте партии: <http://belgreens.org/2010/05/588> (режим просмотра: 21.08.2013).

решению проблем алкоголизма и наркомании; разработки национальной демографической программы.

Программа партии «Зеленых» имеет ряд ярко-выраженных содержательных маркеров, свойственных для левого идеологического блока (например, высказывания о «возрастающей эксплуатации» в контексте увеличивающегося социального расслоения общества, о «различиях между регионами и метрополией» и «привилегированной верхушкой и большинством народа»). Наряду с этим, «Зеленые» - единственная оппозиционная политическая партия, в высказываниях представителей которой, также как и во властном нарративе, присутствует *антиглобалистская тематика и критика неолиберализма* (в частности, МВФ и ВБ, как субъектов, продвигающих включение в политическую повестку дня вопросов сокращения льгот и заработной платы).

Аналогичные оценки озвучены и в интервью с представителем «Зеленых» Олегом Новиковым,²³⁰ указывавшим на волну либерализации в Беларуси с 2006 г., которая привела, по его мнению, к *дискурсивному сдвигу в высказываниях белорусской власти*. В качестве одного из наиболее ярких моментов проявления данного сдвига назывался период отмены льгот 2007 г. «Отмена льгот - для нас, наверное, это такой рубеж, когда *представление о социальном государстве меняется, происходит полное свертывание... лозунгов социализма*» (интервью Новиков N-11). Отмечалось возникновение у власти в это время *дискурса борьбы с иждивенчеством*, хронологически совпавшим с подготовкой к приватизации государственных активов, а также символическим нивелированием властями проблем, которые она не могла решить (в частности, последствий чернобыльской аварии). «Появляется такой протестантский девиз о том, что сначала нужно приложить усилия, чтобы получить какие-то льготы... Иждивенческий дискурс, с которым мы воевали... Тогда были попытки ввести в дискуссию “комплекс

²³⁰ Олег Новиков в настоящее время возглавляет партию «Зеленые».

чернобыльской жертвы”, что все пострадавшие от Чернобыля занимаются каким-то паразитизмом, потому что они, якобы, настроены на то, что они жертвы, и не хотят работать. Было очень заметно, что этот дискурс начался как раз с 2006 г.» (интервью Новиков N-11). Интересным в данном интервью было утверждение о том, что в указанный период помимо изменения дискурса власти также произошли содержательные изменения в высказываниях оппозиции (оцениваемые как имевшие преимущественно *правый* характер до этого времени). В которые, по мнению политика, вернулась ранее отбрасываемая как «наследие коммунизма» социальная тематика. «То, что оппозиция стала артикулировать лозунг отмены контрактной системы – это тоже очень сильно отразилось на иерархии ее ценностей... Конечно, был момент такой, связанный во многом с пережитками 90-х гг., когда вся оппозиция работала в духе пещерного антикоммунизма, когда *само слово справедливость...воспринималось как возвращение к коммунизму*» (интервью Новиков N-11). Вместе с тем, апелляция президента Лукашенко к советскому прошлому оценивалась, как символическая попытка удержать единственный сработывавший для белорусского общества миф.

В высказываниях представителя «Зеленых» звучала *критика коммерциализации социальных услуг*, как ухода государства от оцениваемой в качестве базовой - задачи обеспечения социального стандарта. Государство рассматривалось как главный субъект социальной политики, деятельность которого должна быть прозрачной и подконтрольной обществу. Критиковались патерналистские практики поведения, как на уровне государства, так и на уровне семьи. Говорилось о необходимости *семьи нового типа - партнерского*, которая «не возникла в Беларуси, или пока еще не доехала до нее». При этом подчеркивалась позитивная значимость заимствуемой из западных представлений *ценности индивидуального развития человека в*

противовес упрощенным представлениям о социалистической семье, как основной ячейке общества.

Раскрывая значение понятия *социальная справедливость*, политик отмечал значимость восстановления принципа *социального равенства*, утверждая, что в силу специфики белорусской социально-политической и экономической ситуации актуальным в настоящее время является выдвижение базовых («примитивных») социальных требований, «за которые боролись еще сто лет назад», а также гендерного равенства. Однако основным условием реализации принципа справедливости, по его мнению, является обусловленное авторитарным режимом *требование свободы*. Т.е. утверждался приоритет политических прав над социальными. При этом данное обстоятельство, по мнению политика, не угрожало нивелированием понятию *социальная справедливость*, поскольку оно в отличие от политических ценностей (например, «демократия») оценивалось как *понятное* для общества. «*Социальная справедливость* –...это повседневность, она чувствуется везде. *Социальная поляризация – это понятно*» (интервью Новиков N-11).

Основная деятельность партии «Зеленые» направлена на создание дискуссионных платформ обсуждения социально-экономических и политических проблем (в частности, антифашистские дискуссии, обсуждение экологических проблем). Среди социально-значимых инициатив партии можно отметить протесты против строительства АЭС в Беларуси²³¹; взаимодействие с рабочим и профсоюзным движением. Однако при этом отсутствуют упоминания о кампаниях в социальной сфере партии в период 2006 – 2010 гг., за исключением участия в «Социальном марше».

6.2.1.9 Метанарратив социальной справедливости оппозиционных политических партий

На основании партийных документов, интервью с представителями партий и публичной информации об их деятельности, можно

²³¹ Ссылка на тэги, связанные с кампанией против строительства АЭС, на официальном сайте партии «Зеленые» доступна: <http://belgreens.org/tag/aes> (режим просмотра: 21.08.2013).

реконструировать общие содержательные составляющие их нарратива социальной справедливости. Необходимо отметить, что в период 2006 – 2010 гг. для всех партий приоритетной в повестке дня была **постановка политических вопросов** и проблематика **признания** в качестве политического субъекта. Политические изменения рассматривались как главная цель деятельности, поскольку гарантировала субъектный статус в настоящее время не признаваемый за оппозицией ни недемократической властью, ни атомизированным белорусским обществом. Социальная тематика оставалась вторичной, хотя и расценивалась в качестве перспективной для мобилизации граждан в условиях недемократического режима и свойственной постсоциалистическому состоянию установки на неучастие в любой политической активности.

Понимание и оценки самого понятия *социальная справедливость* различались в зависимости от общих идеологических установок партий и индивидуальных представлений их членов. Среди них можно выделить широкий спектр интерпретаций: от **либерально-индивидуалистической**, как равенства возможностей и самостоятельной заботы человека о самом себе, до **групповой правоцентристской** с принципами солидарности и субсидиарности как обеспечивающих функционирование общества. В некоторых высказываниях также присутствовала ориентация на **перераспределительную модель** социальной справедливости. Характерной особенностью партийного нарратива было несоответствие индивидуальных интерпретаций их членов общим идеологическим установкам партий (например, интервью представителей БНФ и «Справедливого мира»). При этом политики указывали на приватизацию понятия *социальная справедливость* властями. Интересным в данном отношении представляется высказывание одного из респондентов о том, что апелляция к этому понятию со стороны оппозиционных субъектов имеет смысл только в случае формулирования содержательно привлекательной властной интерпретации альтернативы. Т.к. в противном случае, нарратив власти только сохранит и усилит

доминирующие позиции. В ответе на вопрос о том, стоит ли политикам в Беларуси использовать понятие *социальная справедливость* в публичных выступлениях, указывалось: «Только в том случае, если они в состоянии *противопоставить* что-либо риторике Лукашенко. Та концепция, которую провозглашает Лукашенко, носит *успокоительный характер* по отношению к его электорату: я ваш защитник, я гарант того, что *по отношению к вам социальная справедливость будет соблюдена*. Значит, если вы сможете доказать, что будете лучшим гарантом, пожалуйста, употребляйте эту риторiku. Если не в состоянии это доказать, лучше ее не использовать, потому что Лукашенко тут не переиграешь» (интервью Федута N-7).

В представлениях партийцев (за исключением «Зеленых» и БСДП (Грамада) наиболее предпочтительным режимом благосостояния выступал **корпоративистско-консервативный с патриархальными ценностными установками**. В противоположность этому в высказываниях представителей социал-демократов и «Зеленых» указывалось на **социал-демократический режим** с элементами коммерциализации отдельных социальных услуг, гендерного равенства и изменениями представлений о роли семьи.

6.2.2 Оппозиционные организации третьего сектора и гражданские активисты

В соответствии с используемой в работе классификацией третьего сектора в категорию *оппозиционные/ либеральные организации (ОНГО/ЛНГО)* по критерию автономности и лояльности попадают организации политической, правозащитной направленности (например, БХК, правозащитный центр «Вясна», организация «Правовая помощь населению»²³²), а также организации, специализирующиеся на представлении и защите интересов отдельных социальных групп (например, БОТЖ, независимые профсоюзы). Здесь же рассматриваются

²³² Правозащитная организация «Правовая помощь» была ликвидирована в Беларуси в 2003 г., и с 2009 г. зарегистрирована в Украине. Глава организации – Олег Волчек.

и некоторые социальные организации (в частности, образовательные, специализирующиеся на защите социально-уязвимых групп, людей с инвалидностью), анализ деятельности и высказываний представителей которых позволяет отнести их к либеральному типу (например, Офис по правам людей с инвалидностью). В публичной деятельности этих организаций не обнаружено проявлений лояльности, а в ходе интервью и некоторых медийных выступлений звучала критика власти. Хотя в своей деятельности они не могут обходиться без взаимодействия с государством, оно имеет напряженный характер, а риски негативной реакции со стороны государственных институций с неблагоприятными последствиями для организаций являются высокими. В данном подразделе также анализируются высказывания гражданских активистов регионального уровня, как действующих в плоскости относительной автономии от государства, будучи при этом нелояльными по отношению к режиму. Особый интерес представляет их деятельность в сфере адвокати́рования. Отдельно проводится анализ молодежного объединения правого политического спектра, вовлеченного в реализацию социальных инициатив.

6.2.2.1 Правозащитники и женские организации

На основании анализа содержания сайтов и информации о реализовывавшихся в период 2006 – 2010 гг. двумя крупнейшими белорусскими правозащитными организациями (БХК и правозащитным центром «Вясна») кампаниях, можно утверждать, что проблемы социальной сферы и защиты социальных прав в их деятельности были вторичны по отношению к защите прав политических и гражданских.²³³

²³³ Социальные права упоминались в случаях, когда были сопряжены с нарушением гражданских или политических прав. Например, в материалах правозащитных организаций указывались нарушения, связанные с выступлениями против отмены социальных льгот в 2007 г. Содержательный акцент был сделан на жесткое подавление акций, среди инициаторов и наиболее активных участников которых, назывались студенты. Однако при этом подчеркивалось, что «в целом, выступления в защиту социальных прав в пределах страны не переросли в массовые акции протеста и были немногочисленными и разрозненными» (Аналитический обзор нарушений прав человека в Беларуси в 2007 г. под редакцией Алеся Беляцкого // Минск, 2008. Доступно: <http://spring96.org/ru/reviews> (режим просмотра: 2.08.2012)).

Тем не менее, в СМИ упоминалось о некоторых инициативах правозащитников, связанных с ситуацией отмены льгот (в частности, декларации о намерениях собрать подписи под обращением в Конституционный суд молодежных активистов БХК).²³⁴

В медийных сообщениях также упоминались отдельные случаи взаимодействия в сфере защиты социальных прав между правозащитниками и социальными организациями. Например, акции 2009 г. за утверждение особого статуса участников войны для ветеранов боевых действий на территории других государств и возвращение им социальных льгот, совместно инициированные организацией «Правовая помощь населению» и организацией, представлявшей интересы ветеранов (Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане - БСВВА). В рамках акций были направлены соответствующие обращения к президенту и правительству, а также в Конституционный суд. Однако, как и в других ситуациях, ответов на них не последовало.²³⁵

В ходе интервью, говоря об оценке белорусами своего уровня благосостояния в 2006 – 2010 гг., правозащитники указывали, что белорусские граждане воспринимали его как более высокий по сравнению с соседними странами. Такая оценка связывалось, с одной стороны, с пропагандистскими эффектами, с другой, с отсутствием у людей возможностей сравнения на основании собственного опыта (в частности, из-за отсутствия опыта выезда за рубеж). «И это был успех пропаганды, то, что обеспечение нормальной, благополучной жизни совпадало с тем, как... негативно преподносилась жизнь в других странах... Все совпадало при том... что совсем немного белорусских

²³⁴ Об этом в информационном сообщении «БХК будет участвовать в сборе подписей для инициирования изменения закона об упорядочении льгот»// Naviny.by, 16.07.2007. Доступно: http://naviny.by/rubrics/society/2007/07/16/ic_news_116_273934/ (режим просмотра: 10.08.2012).

²³⁵ Необходимо отметить, что реакцией власти на нелояльность БСВВА в этом и других вопросах стала смена руководства организации в 2012 г., в результате которой ее возглавил бывший замминистра внутренних дел Беларуси Валерий Гайдукевич. Об инициативе правозащитников и «афганцев» см. статью «Воины афганцы требуют вернуть им социальные гарантии и льготы» // Naviny.by, 22.01.2009. Доступно: http://naviny.by/rubrics/society/2009/01/22/ic_news_116_305079/ (режим просмотра: 2.08.2012).

людей выезжает в другие страны» (интервью N-14), аналогичная оценка присутствует и в интервью другого правозащитника (интервью N-15).

Проводившаяся социальная политика в отличие от мнений политиков оценивалась правозащитниками как *эффективная в краткосрочной перспективе*, поскольку обеспечивала социальные запросы со стороны граждан (отсутствие увольнений, обеспечение удовлетворявшего граждан материального уровня жизни) (интервью N-14, N-15). Вместе с тем говорилось о *монополизации* социальной политики властями, указывалось, что «в настоящее время государство 99.9% [социальной сферы] считает исключительно своей прерогативой» (интервью N-14).

В качестве положительно оцениваемой модели режима благосостояния правозащитники указывали **консервативно-корпоративистскую с адресной социальной помощью** (актуальность которой обосновывалась, помимо прочего, неразвитостью бизнеса, что связывалось с невозможностью введения высоких налогов). Утверждалась **необходимость социального партнерства** между государством и третьим сектором с передачей последнему функций оказания социальных услуг посредством введения института социального заказа. Кроме того, много говорилось о необходимости введения практик благотворительности и значимости *выполнения семьей традиционных функций* (заботы о детях, старшем поколении). «Каждый человек при наличии такой возможности должен нести социальную функцию... Должен культивироваться сбор вещей и их передача в детские учреждения, дома престарелых... *Благотворительность*. И государству будет полезно, когда это станет модным проявлением человеческих эмоций» (интервью N-14).

В **групповой консервативной интерпретации** выступало понятие *социальная справедливость*, определяемая как сфера взаимодействия активной части общества и государства по обеспечению социально-уязвимых групп. «Выполнение активной частью общества вместе с

государством своих обязанностей перед теми людьми, которые в настоящее время или еще, или уже не могут сами себя обеспечить во всех смыслах: культурном, материальном, образовательном, эмоциональном, и...государственные институты вместе с активной частью общества исполняют эти обязанности» (интервью N-14). Существующие в настоящее время в Беларуси отношения государства и третьего сектора оценивались негативно, как *постоянное целенаправленное сужение возможностей* последнего (интервью N-14, N-15).²³⁶

Некоторые из женских организаций, вовлеченных в решение социальных вопросов, осуществляли проекты мониторинга результатов социальной политики (в частности, в отношении своих целевых групп). Однако результаты данных мониторингов, если и рассматривались представителями власти как источник информации, то публично не признавались в качестве источников оценки проводимой политики. Например, БОТЖ совместно с Республиканской ассоциацией инвалидов-колясочников в период с января по сентябрь 2009 г. участвовала в проводившейся двумя независимыми белорусскими правовыми центрами (Фонд развития правовых технологий, Центр правовой трансформации) программе «Права человека в социальной сфере: социальная действительность, социальные контракты, влияние целевых групп на продвижение общественных интересов».²³⁷ Целью которой была оценка эффективности законодательства о социальной помощи среди людей с инвалидностью, многодетных матерей и пенсионеров до и после изменений 2007 г. Согласно исследованию, респонденты стали

²³⁶ Интересно, что при этом как правозащитники, так и многие эксперты в вопросе об оценке работ социальных органов в Беларуси признавались в собственном эскапизме из этой системы, подчеркивая, что это является осозанным действием. Схожими высказываниями здесь были: «я – маргинал в чистом виде, т.е. я не хожу в поликлинику» (интервью N-30); «если честно, у меня настолько не воспринимается то, что видится, что я максимально ограждаю себя от государства» (интервью N-14); «ужасно, но я абсолютно маргинален и не пересекаюсь с государством, в том числе, с социальными службами» (интервью N-36).

²³⁷ Социологическое сопровождение проекта осуществляли НИСЭПИ, Агентство гуманитарных технологий, Центр социальных инноваций. С результатами исследования можно ознакомиться на сайте одной из организаций: <http://www.lawtrend.org/ru/content/about/centr3/> (режим просмотра: 3.08.2013).

обращаться за помощью меньше (так, на вопрос обращались ли они за социальной помощью до 2008 г. количество тех, кто не обращался, составило 56%, а после изменений - 65%), а условия получения социальной помощи (в части количество необходимых документов, времени ожидания) практически не изменились (на что указало порядка 35% опрошенных). Кроме того, почти половина респондентов отметила, что их не удовлетворяет помощь от государства, а также нехватку соответствующей информации. Однако никакой информации о реакции государственных органов на данные результаты обнаружено не было.

В оценке социального самочувствия белорусов в период 2006 – 2010 гг. представительницы женских организаций указывали на *чувство защищенности, стабильности*, говорилось, что хотя «людям было трудно жить, но не настолько, чтобы это было вопиющим» (интервью N-21, N-28). Социальная политика Беларуси оценивалась критически, как *не реформированная с советского времени, патерналистская, порождающая иждивенческие настроения*. При этом особо подчеркивалось, что она лишает людей инициативности, индивидуальной ответственности за себя и свою социальную ситуацию и не предполагает возможности участия. Озвучивалась необходимость нелиберального реформирования экономики с отменой льгот, но увеличением адресности оказываемой помощи (интервью N-28). Любопытно, что при этом, отвечая на вопрос относительно идеальной модели режима благосостояния в качестве примера приводилась **социал-демократическая** (шведская), как наиболее соответствующая белорусским реалиям.

В отношениях государства и третьего сектора указывалось на значимость *партнерства* (или государственно-частного партнерства) и *общественных обсуждений государственных решений*. Возможности третьего сектора для адвокатирования оценивались негативно. Подчеркивалась *иррациональность, непрозрачность*, влияние *субъективного фактора* и *иерархичность* системы государственного

управления, в которой чиновники «сегодня готовы, а завтра могут быть не готовы [разговаривать с представителями организации]... им сверху говорят» (интервью N-28). В отношении роли семьи в выполнении социальных обязанностей указывалось на необходимость приравнивания значения материнства к осуществлению трудовой деятельности.

В высказываниях представительниц женских организаций звучала критическая оценка крупных ПВСО, как монополизирующих определенные вопросы, прежде всего, за счет показателей массового членства. Критиковалась деятельность международных организаций в социальной сфере, в частности, ПРООН, оценивавшейся, как «придаток государства» и его «внебюджетный фонд» (интервью N-28). *Социальная справедливость* определялась в **либеральном в индивидуалистическом** ключе с привнесением политического измерения, как *возможность участия* каждого человека в принятии решений относительно значимых социальных вопросов (интервью N-28).

6.2.2.2 Независимые профсоюзы и нелояльные социальные организации

Еще один тип либеральных организаций - **Белорусские независимые профсоюзы** - интересен в свете инициатив против отмены льгот. Независимые профсоюзы (в частности, **Профсоюз радиоэлектронной промышленности - РЭП**) выступали под лозунгами *восстановления справедливости*, причем не только для своих членов, но и более широких слоев населения. Для негативной оценки отмены льгот использовались как моральные, так и экономические аргументы, а само решение оценивалось как *«несправедливое и экономически необоснованное решение* руководства страны» (из обращения РЭП).²³⁸ Однако инициативы независимых профсоюзов, также как и политических партий, не имели никаких публичных результатов.

²³⁸ Полный текст обращения профсоюза РЭП в связи с отменой льгот доступен на сайте независимого профсоюзного движения в Беларуси: http://praca-by.info/cont/art.php?&sn_nid=2305&sn_cat=1 (режим просмотра: 10.08.2012).

Представители небольших **социальных организаций** давали различные оценки социально-экономической ситуации в стране в период 2006 – 2010 гг.: от «относительно благополучной» (интервью N-27, N-29) до негативной характеристики как времени «самых радикальных перемен» (интервью N-24). Последняя связывалась с изменением законодательства о льготах, оцениваемом как болезненное и проблематичное для целевых групп организаций (в частности, людей с инвалидностью). В интервью (N-24) один из активистов указывал на существовавшее в белорусском обществе *неправильное понимание льгот, представлявшихся как привилегии, а не компенсации*. В инициированных властью изменениях особо негативно оценивались два момента. Первый – перераспределение бюджетных средств на оказание социальной помощи внутри социально-уязвимых групп (из сферы поддержки людей с инвалидностью на поддержку одиноких и, в меньшей степени, многодетных матерей), критика которого выстраивалась с использованием моральной аргументации. «Самые большие средства... тратятся на одиноких матерей, ни на материнство в целом, ни на институт семьи, который, с одной стороны, говорят, мы укрепляем» (интервью N-24). Второй – лишение отдельных категорий граждан возможностей обращаться за социальной помощью. В частности, людей с инвалидностью, получивших ее вследствие противоправных действий либо в состоянии алкогольного/наркотического опьянения. Критика отмены льгот основывалась на экономической аргументации, а также требованиях рационализации социальной политики в Беларуси и оценки эффективности предпринимаемых мер. «Мы настаивали на том, что должны быть расчеты экономические. Если вы говорите об экономической выгоде, о том, что это должно быть целесообразно, должны быть какие-то расчеты – их не было» (интервью N-24). В качестве социальных проблем рассматриваемого периода указывались *неэффективность* реализуемых государством *социальных программ*, *монополизация* государством социальной сферы и *неэффективное*

использование средств в ней (как в сфере распределения ресурсов, так и используемых инструментов – в частности, ТЦСОНов).

Указывался ряд проблем и в сфере отношений третьего сектора с государством. Наиболее радикальной оценкой было «растущее *противостояние* между организациями по правам людей с инвалидностью и государством» (интервью N-24). В вопросах возможностей участия третьего сектора в процессе публичной политики говорилось об *ограниченных возможностях*, предполагавших некоторые возможности участия в реализации мероприятий в рамках государственной политики и в редких случаях отстаивание непринятия дискриминационных законодательных норм в отношении своих целевых групп. Иллюстративным в данном отношении представляется следующее высказывание. «Если кому-то как-то удалось получить проект закона, то они еще могут написать письмо и указать, что в этом плане их закон не устраивает. А очень часто мы уже на выходе видим закон, ...и повлиять, возможности уже нет» (интервью N-27). Важным моментом при этом является неоднократно высказываемое суждение о невозможности повлиять на включение позиции организации в законодательный акт (даже в тех случаях, когда ей удавалось донести свою позицию до чиновников). Так, в описании ситуации, оцениваемой в качестве относительно успешного случая отстаивания своих интересов на уровне работы с нормативным актом, отмечалось, что «часть пунктов, не смотря на нашу уверенность, что они не должны включаться, все-таки осталось» (интервью N-27).

Указывались и факты *игнорирования* представителями власти попыток НГО провести мониторинг, дать оценку реализации социальной политики и ее отдельных программ. Кроме того (как и в случае других организаций), указывалось на зависимость успешности взаимодействия с государством от субъективного фактора – чиновника на определенной позиции. «Появляется персона какая-то – человеческий фактор – он может сработать, тогда политика эффективна. На его место приходит

абсолютный дурак, и все, все рушится, системы нет как таковой» (интервью N-24). Аналогично описывались практики взаимодействия и с чиновниками более низкого уровня (в рамках деятельности общественных советов при исполкомах, в которые попадали представители организаций). «Если повестка дня еще формируется, то окончательный протокол пишется еще до заседания, а потом принимается. По большому счету, там места для какого-то участия, как такового, у общественных организаций нет» (интервью N-24). Упоминалось и о том, что в ряде случаев целью адвокатирувания социальных организаций являлось «не допущение чего-то худшего [принятия какого-то законопроекта или изменения]» (интервью N-24).

В интервью представителей небольших социальных организаций отмечалось, что различные типы организаций в Беларуси обладают неравными возможностями участия в публичной и социальной политике (интервью N-29). Указывалась определяющая роль международных организаций в определении формы вовлечения национальных организаций в поддерживаемые ими или реализуемые с их участием социальные проекты. При этом подчеркивалось, что без соответствующего требования со стороны международных организаций (в частности, Глобального фонда) привлечения национальных общественных организаций не происходило бы вообще. «Страна берет деньги, она вынуждена выполнять это требование...Если мы возьмем те государственные программы, которые были до Глобального фонда, то там общественных организаций нет. Они даже не прописывались» (интервью N-27). Кроме того, респонденты отмечали, что внутри самого третьего сектора происходит «разделение сфер влияния», что в ряде случаев ограничивает возможности участия (интервью N-27, N-29, N-24). Представители социальных организаций высказывали сомнения либо негативно оценивали продвигаемый лояльными организациями проект социального заказа, указывая на его возможную монополизацию государством (в лице ТЦСОН). В некоторых случаях звучала негативная

оценка и поддерживающих этот законопроект международных организаций (в частности, Красного креста).

Рассуждая о режимах благосостояния, респонденты высказывались в поддержку **либеральной модели**, подчеркивая роль государства в качестве института, устанавливающего правила игры и признающего **партнерство** третьего сектора. Социальная справедливость определялась в **либеральном ключе**, как *равенство возможностей*.

6.2.2.3 Региональные активисты

В высказываниях региональных активистов указывалось расширение возможностей адвокати́рования по сравнению с национальным уровнем. Так, в трех интервью (N-17, N-18, N-19) приводились примеры оцениваемых в качестве успешных кампаний по продвижению общественных интересов в повестку дня местных органов власти с последующим решением артикулированных активистами проблем (прежде всего, связанных с ЖКХ и состоянием дорог). Кроме того, в одном интервью утверждалась успешность проведенной на локальном уровне инициативы против строительства АЭС (2008 г.). «Это, на мой взгляд, была чистейшая общественная кампания. Хотя власть ее все равно политизировала... Ее (станцию) и не построили в конце-концов здесь. Мы считаем это своей заслугой» (N-18). Хотя оценить реальную степень влияния на данное решение инициативы активистов не представляется возможным. Одновременно активисты (как и в случае социальных организаций) подчеркивали зависимость успеха взаимодействия с властями от субъективного фактора (конкретных чиновников). «Но это [взаимодействие]... зависит от более конкретной личности. От руководителя ЖКХ. Это был человек контактный, который действительно болел за народ» (интервью N-19). Решение социальных проблем на региональном уровне также связывалось с фактором политико-делового цикла, когда обращение к проблемам, артикулируемым активистам (иногда в течение нескольких лет) происходило только в предвыборный период. Вместе с тем, возможности

участия в социальной политике третьего сектора на национальном уровне оценивались как ограниченные и связывались исключительно с функциями агрегации и артикуляции интересов. Последующая реакция либо отсутствие реакции со стороны властей на внесенные предложения оценивалась как не зависящая от организации.

В оценках социально-экономической ситуации в Беларуси в 2006 – 2010 гг. активисты указывали на относительную благополучность данного периода, а также позитивную оценку гражданами проводившейся социальной политики, как обеспечивавшей им *чувство защищенности*, что связывалось не в последнюю очередь с успехами пропаганды белорусских властей (интервью N-17), фокусировавшейся на образе Беларуси как *островке стабильности*. Отмена льгот как социальная проблема, имевшая значение на региональном уровне отдельно не называлась, хотя с данным событием и были связаны некоторые региональные кампании. Например, по призыву к отчету перед избирателями депутата в связи с ее позицией относительно проведенных изменений и голосования по вопросу отмены льгот в Парламенте (интервью N-18). Отвечая на вопрос об отсутствии в 2007 г. протестных выступлений, перечислялись такие факторы как: недостаток солидарности в белорусском обществе, страх и отсутствие лидеров, способных возглавить протестные акции.

Представления о режиме благосостояния в высказываниях респондентов отличались. В одном из случаев – это был **этатистский образ «большого государства» с универсальной системой социальной поддержки**, что связывалось со слабой развитостью гражданского общества в Беларуси и наличием в нем патриархальных установок. «Не верю я, что наше общество может как-то этот вопрос [о ГАСП] решить *без компетентных государственных мужей*», при этом подчеркивался сохранявшийся *советский характер* белорусского общества и его

сильные патриархальные установки (интервью N-19).²³⁹ В других случаях говорилось о **либеральной модели**, где государство помогает только наиболее нуждающимся и не мешает остальным обеспечивать себя самостоятельно. Принцип **адресности социальной помощи** рассматривался как наиболее предпочтительный, и при этом звучала консервативная *критика иждивенческих настроений*, порожденных социальной политикой в европейских странах. Все активисты декларировали необходимость **партнерских отношений** между государством и третьим сектором для оказания социальных услуг, а также поддерживали идею социального заказа.²⁴⁰ Указывался патриархальный характер белорусской семьи, как порождающий безынициативность у младшего поколения.

Понятие *социальная справедливость* определялось как *равенство возможностей* (прежде всего, профессионального развития), либо просто как *широкие возможности*, а также в политической интерпретации как одно из измерений *законности*. Интересно, что при этом белорусские граждане, в представлении региональных активистов, должны поддерживать модель *перераспределительной справедливости*, основанную на *равенстве*. «Общество белорусское понимает социальную справедливость как то, что *все равны* (интервью N-18) или «забрать у богатых, отдать беднейшим. Перераспределить» (интервью N-19).

6.2.2.4 Молодежная организация правой направленности

Необходимо отметить, что в современной Беларуси практически нет организаций радикальной направленности.²⁴¹ Тем не менее, существуют и действуют организации, находящиеся в оппозиции существующему режиму, которые, как правило, придерживаются правых

²³⁹ При этом респондент отмечал, что лично для себя бы предпочел, чтобы государство никак не вмешивалось в его личную жизнь, т.к. он готов «делать все сам», но подчеркивалось, что данное мнение, вероятно, не будет поддержано большинством сограждан.

²⁴⁰ Социальный заказ рассматривался как абстрактная модель, а не подготовленный в Беларуси законопроект.

²⁴¹ О праворадикальных организациях см. статью «Эскадроны жизни» //Н.Провалинская, Белгазета, 14.06.2008. Доступно: http://www.belgazeta.by/ru/2008_07_14/tema_nedeli/16929/ (режим просмотра: 2.08.2012).

националистических позиций. Рассматриваемая в работе организация «Права альянс»²⁴² (бел.) декларирует приверженность национал-патриотической идеологии,²⁴³ защиту традиционных христианских ценностей, воспроизводит анти-иммигрантскую и во многом анти-европейскую риторику. В качестве цели деятельности заявляется «работа на пользу белорусской нации, земли», главными способами достижения которой считается реализация социальных проектов.

В числе наиболее значимых проектов организации - кампания «Антимак»²⁴⁴ (направленная против продажи семян т.н. «пищевого» мака, содержащего крупные дозы опиума). Интересно, что она осуществляется в партнерстве с государством, в частности, сотрудничестве с сотрудниками милиции и прокуратуры, официальными провластными экспертами, БРСМ и журналистами государственных изданий. При этом в своих публичных выступлениях представители организации часто критически оценивают действия государственных органов: «сейчас мы вообще работаем над тем, чтобы разработать проект закона, когда они сами не могут, имея множество юристов при Администрации президента, Совете безопасности, МВД... Ну, не можете, значит, мы вам тогда его разработаем» (Александр Шпаковский).²⁴⁵ Аналогичная критика звучит и в отношении деятельности госорганов по профилактике алкоголизма и

²⁴² Организация «Права альянс» была создана в 2004 г. после самороспуска праворадикальной националистической Белорусской партии свободы (БПС). В настоящее время не зарегистрирована. Интересным фактом является то, что во время выборов 2006 г. ее представители обеспечивали охрану штаба А.Милинкевича и самого кандидата.

²⁴³ При этом националистическая составляющая идейных воззрений трактуется не в антиросийской риторике, но как признание достижений современной Беларуси и (частично) заслуг Александра Лукашенко. «Мы должны перестроить свой национализм на наших высоких достижениях. На нашей действительности. Есть у нас порядок, чистые дорог - мы этим должны гордиться. Хорошее что-то сделал Лукашенко, мы, не смотря на наше к нему отношение, должны сказать, президент сделал хорошие вещи...Национализм и национальная идея воспитания должны строиться на позитивных примерах нашей истории, ни в коем случае не противопоставления другим народам». В целом, в высказываниях представителя «Правого альянса» на риторическом уровне прослеживается апелляция к понятиям, используемым президентом Лукашенко. Например, «мы можем гордиться своими достижениями, своими спортсменами, своими женщинами», «Беларусь должна стать высокотехнологичной страной», «мы сумели сохранить советское наследие» (интервью N-16).

²⁴⁴ Сайт инициативы «Антимак» <http://antimak.by/iniciativa/> (режим просмотра: 2.08.2012).

²⁴⁵ Из интервью одного из лидеров организации Александра Шпаковского. Доступно: <http://cytadel.org/be/articles/persona-alyaksandr-shpakouski-u-belarusi-motsnae-narkalobi> (режим просмотра: 2.08.2012).

наркомании. Характерно, что при этом социально-экономическая ситуация в Беларуси, в целом, оценивается позитивно, особенно, в сравнении с соседними государствами, включая не только Россию и Украину, но и страны Балтии. Отмечается *порядок* в стране, однако при этом указываются завышенные ожидания белорусов от патерналистски воспринимаемого государства (интервью N-16). Представители «Правого альянса» в своих высказываниях относительно режима благосостояния поддерживают идею *большого государства*, основанного на **традиционных консервативных ценностях**. Акцентируют ответственность граждан перед государством за все предоставляемые социальные услуги. «Люди, которые получали [социальную поддержку] у государства, не чувствовали себя благодарными за это... перед государством... и в то же время ничего не хотят давать взамен» (интервью N-16).

Параллельно указывается на значимость гражданского общества, как структуры, которая должна обеспечивать и решение социальных проблем, и (что более важно) воспитание граждан при помощи создания специализированных общественно-патриотических (в некоторых случаях милитаризированных – например, национальная гвардия) организаций. Однако возможности сотрудничества с государством в рамках реализации социальных проектов оцениваются как *крайне ограниченные*. Поскольку в его (сотрудничества) основании, по мнению представителя организации, находится, прежде всего, критерий лояльности. «В нашем обществе на первый план при выработывании сотрудничества выставляется политическая лояльность существующей власти». Случай своего успешного взаимодействия с властными структурами характеризуется как исключительный, потребовавший множества усилий (интервью N-16). В интервью активист организации говорил о традиционной семье, как основе общества (наряду со значимостью здорового образа жизни) и обязанности «воспитанного гражданина» заводить детей.

6.3 Экспертный оппозиционный нарратив

Проблема структуры экспертного поля Беларуси является мало разработанной в академическом плане, хотя к ней и обращаются в своих публикациях представители белорусских аналитических институций (например, статьи Анатолия Паньковского в «Белорусском ежегоднике») и интеллектуальных интернет-порталов (например, «Наше мнение», «Новая Европа»). Необходимо отметить, что круг белорусских экспертов, исследовательских и аналитических институций²⁴⁶ является небольшим в количественном отношении и часто имеет место пересекающееся членство. В экспертном анализе социальных явлений, как правило, звучат ссылки на данные двух социологических центров - НИСЭПИ и Новак.

В экспертном нарративе анализируются высказывания представителей институционализированных исследовательских и аналитических структур, а также отдельных индивидов, профессионально вовлеченных в анализ социальной политики и социальных проблем в Беларуси, находящихся за пределами оси лояльности существующему политическому режиму. Среди них: BISS, как крупнейший неправительственный аналитический центр и Исследовательский центр ИПМ, специализирующийся на экономических аспектах социальных проблем. Обращение к материалам НИСЭПИ идет не как к данным, но к их интерпретации. Также анализируются публикации журналистов и экспертов по социальной тематике в белорусских аналитических и периодических изданиях.

До 2011 г. проблемы социальной сферы попадали в поле зрения экспертов реже, чем после кризиса. В период 2006 – 2010 гг. основные пики экспертного внимания к социальным вопросам относились к периодам выборов. Тема изменения системы предоставления социальных льгот 2007 г. присутствовала в медийных публикациях, а также материалах опросов общественного мнения НИСЭПИ, однако не стала

²⁴⁶ Необходимо отметить различной степени политическую ангажированность данных институций, которая отдельно не рассматривается в работе, но являлась важным фактором для понимания содержания их нарративов.

событием, привлечшим большое внимание экспертов. Само понятие *социальная справедливость* встречалось в экспертном нарративе нечасто и имело интерпретацию политического характера как *несправедливость власти*. Например, «...социальная несправедливость для многих означает несправедливость власти» (НИСЭПИ: Инфофокус 6 (53), июнь 2006). Понятие также использовалось (в частности, НИСЭПИ) для оценки таких показателей как *коррупция* и *бюрократизм*, а также «готовности людей выражать свои политические взгляды». Утверждалось, что «самой раздражающей большинство людей формой нарушения социальной справедливости являются бюрократизм и коррупция». Интересно, что при этом в 2006 г. деятельность президента Лукашенко по «обеспечению социальной справедливости» (ответ на вопрос: «Насколько успешно, на Ваш взгляд, А. Лукашенко как президент страны в последнее время справлялся с перечисленными ниже проблемами, стоящими перед страной?») оценивалась как *успешная* менее чем половиной респондентов НИСЭПИ (42.5%) (НИСЭПИ: Инфофокус 6 (53), июнь 2006).

При этом в оценках социологов данное понятие представлялось, как одно из наиболее значимых для белорусских граждан. «Восприятие социальной справедливости влияет на «социальное самочувствие» белорусов сильнее, чем базовые социологические факторы (такие, как социальный и профессиональный статус, уровень доходов, место жительства и т.п.)» (НИСЭПИ, Инфофокус 6 (53), июнь 2006). Одновременно констатировался раскол белорусского общества на *прогрессивное меньшинство* и *большинство* по критерию удовлетворенности своим социально-экономическим положением и оценке возможностей самореализации. Например, «нарушение социальной справедливости в стране ощущают, прежде всего, самые активные граждане – те, от кого зависит будущее Беларуси» (НИСЭПИ, Инфофокус 6 (53), июнь 2006).

В разрозненных высказываниях экспертного сообщества, которые можно отнести к тематике, связанной с понятием социальная

справедливость и социальными проблемами, можно выделить следующие смысловые линии:

- Введение и использование *понятия социальный контракт* как основной объяснительной схемы специфики социально-экономического развития Беларуси и декларируемой властью стабильности белорусского общества;
- Анализ социальной политики через *ситуацию на рынке труда*, как определяющую состояние всей социальной сферы;
- Утверждение *иррациональности социальной политики* и ее *зависимости от источников внешнего финансирования*;
- Придание *социальным проблемам медикаментозного характера* – особый акцент на проблемы медицины и сферы здравоохранения, как наиболее актуальные для Беларуси в контексте демографических проблем в стране.

В рамках проведенного в ходе исследования интервью при оценке социально-экономической ситуации в стране указывалось на существовавшую, по мнению респондентов, относительную удовлетворенность граждан. Хотя по экономическим показателям, Беларусь была беднее соседних стран (интервью N-32), белорусские граждане, по мнению экспертов, оценивали свое положение как более благополучное, что объяснялось ростом уровня жизни в течение предыдущих лет на фоне невысоких бытовых потребностей (интервью N-33). Другим объяснением предполагавшейся удовлетворенности выступало утверждение о нежелании граждан брать на себя ответственность за решение вопросов собственного благосостояния (патерналистский образ обеспечивающего государства) (интервью N-30, N-37). Кроме того, эксперты и журналисты указывали на эффективность белорусской пропаганды, продвигавшей образ *социального государства*. Например, при описании реакции общества на экономический кризис 2011 г. в одном из интервью говорилось: «белорусское телевидение очень активно... муссировало – давило, давило, давило и убеждало людей, что

так будет всегда и будет лучше ... Очень интересно, когда все это случилось – *обвал* [экономический кризис 2011 г.]. Они стали удивляться. *Народ, обычные люди, они были очень удивлены тому, что произошло*» (интервью N-46).

Эксперты оценивали социальную политику Беларуси, как скорее эффективную, определяя *эффективность* как *достижение поставленных в рамках политики целей*. «Политику нужно оценить как эффективную, поскольку те цели, которые она ставит, она достигает» (интервью N-36). «Поскольку опыт [граждан], скажем так, не позволял эти потребности особо развить, и потребности минимальны, то получается, что да - эта политика была эффективна» (интервью N-33). Хотя в некоторых высказываниях и звучали более негативные высказывания, связанные с неясностью критериев оценки социальной политики, а также ее направленностью исключительно на решение современных проблем без учета будущих потребностей (интервью N-31). Параллельно с экономических позиций подчеркивалась слабость социальной политики, как замкнутой исключительно на цели поддержания высокого уровня занятости. Однако при этом указывалось на наличие широкой социальной поддержки населения в виде субсидий, прежде всего, на жилищное строительство, что повышало, по мнению эксперта, социальную ориентированность этой политики. Также положительно оценивались и некоторые другие меры в сфере социальной политике, как способствовавшие решению проблем, на которые они были направлены (в частности, пособия на детей) (интервью N-32).

Отвечая на вопросы о существовавших в обществе социальных проблемах, в высказываниях экспертов появлялись дополнительные (в сравнении с политиками и представителями общественных организаций) категории. В частности: проблема бедности; неэффективности ГАСП; отсутствия доступа к информации о социальных услугах. Интересным также было упоминание в качестве проблемы *неудовлетворенность запросов появлявшегося белорусского среднего класса* (в сферах

медицины, образования). «Нарождающейся средний класс, который не успел толком народиться, не смог найти адекватно своим потребностям продукты и услуги» (интервью N-31). Вместе с тем, параллельно властному нарративу звучало утверждение о необходимости решения демографической проблем, как имевших определяющее значение для всей социальной политики (в частности, пенсионного фонда и выплат).

Эксперты в своих высказываниях обращались к ситуации отмены льгот, характеризуя ее, как «частичное изменение, а не фундаментальный пересмотр», поскольку «часть льгот была возвращена» (интервью N-32). По их оценкам, массовое недовольство со стороны граждан данными действиями было предотвращено последовавшими компенсациями и дотациями (включая небольшие повышения пенсий, зарплат и прочих выплат). А также социально-психологическим фактором *страха за будущее*, и прагматической экономической деполитизацией социального дискурса, проявившейся в необходимости оплачивать возросшее количество финансовых обязательств (в сфере образования, выплаты кредитов и пр.). «Говорить о том, что вышли на улицы вообще не приходится. Я имею в виду, что хотя бы подняли руку и сказали – “я считаю”. Потому что даже, чтобы поднять руку – это мужество.... Сфера, когда нужны деньги, она увеличилась. Люди не могли позволить себе сойти с дистанции... Здесь же сразу санкции применялись, всегда» (интервью N-37). При этом один из экспертов указывал на то, что в соответствии с его представлениями, тема отмены льгот вообще не поднималась общественными организациями, а только политическими (N-37).

В отношении режима благосостояния эксперты и журналисты (за исключением одного случая, когда в качестве идеальной была названа «шведская модель») говорили о **либеральной модели с широкими возможностями для третьего сектора**, в целом, и социальных организаций, в частности, для реализации своих проектов, при четких рациональных правилах игры со стороны государства. Указывалось на

схему социального партнерства и социального заказа, как возможные варианты включения третьего сектора в решение социальных проблем. Также говорилось об *адресности социальных услуг*. В отношении роли семьи отмечалось наличие в Беларуси устойчивых культурных практик, обуславливавших высокую роль семьи в оказании социальных услуг (интервью N-20, N-31), которые оценивались как трудные для изменения (например, высказывание: «оттолкнемся от истории, от традиции, что у нас роль семьи большая и таковой она будет оставаться» (N-30)).

Характеризуя возможности третьего сектора участвовать в социальной политике, говорилось об их ограниченности и *монополизации* государством социальной политики (интервью N-32). Отдельно указывалось на некоторое расширение возможностей участия *под нажимом* международных организаций (в частности, ПРООН). Вместе с тем, подчеркивался *выборочный и волюнтаристский характер* допуска государством других субъектов к решению социальных проблем. «Государство здесь у нас очень выборочно открывает какие-то форточки, какие-то организации занимаются какими-то проблемами» (интервью N-30). При этом организации не могут участвовать в разработке политики, а только артикулировать проблемы своих целевых групп и привлекаться на этапах реализации в ограниченной мере, предусмотренной государством. «Они [организации третьего сектора] привлекаются на этапе исполнителей, в четко заданных рамках при этом убираются из проектов точно так же, как и привлекались» (интервью N-30).

Возможности адвокатиrowания у третьего сектора оценивались как низкие, при этом высказывалось мнение об установках белорусского государства на *атомизацию* общества. Когда государство готово воспринимать *неструктурированные интересы*, негативно реагируя на попытки их артикуляции любыми структурами (партиями или общественными объединениями). «В принципе я сомневаюсь, что в Беларуси можно говорить об адвокатиrowании, кроме общественной деятельности, защиты парка или еще чего-то. Сошлюсь на то, что режим

Беларуси очень ревностно относится к любым альтернативным структурам, но, в принципе, готов воспринимать неструктурированную артикуляцию интересов... Система чувствительна к неструктурированно выраженным интересам, условно говоря, роптанию и письмам в газету или жалобам» (интервью N-37). Вторым вариантом взаимодействия государства с НГО указывалось корпоративистский вариант работы с признаваемыми лояльными организациями. В отношении возможностей влиять на законодательный процесс давалась оценка, аналогичная озвученной в нарративе социальных организаций, об ограниченных шансах на стадии разработки политики (если разработчик известен и решение не заготовлено *a priori*). Действия властей оценивались как *односторонняя коммуникация*, в рамках которой информация экспертов и третьего сектора *принималась к сведению*, однако при этом отсутствовали возможности повлиять на *выход* системы.

Понятие *социальная справедливость* звучало в **либеральном ключе индивидуального равенства возможностей** на протяжении всей жизни (интервью N-20). Либо для его определения использовалось указание на то, что оценивалось как *несправедливое*. В качестве примера *социально несправедливого факта* называлось одинаковое распределение жилищных субсидий в Беларуси, вследствие которого наиболее богатые социальные группы получали большую поддержку, чем бедные (интервью N-31, N-32). Также звучало определение понятия в политико-правовой интерпретации - *справедливость как законность*, качестве содержательной противоположности которой приводились проявление со стороны властей политической *несправедливости* (например, разгона демонстрации 19 декабря 2010 г.) (интервью N-30).

Таким образом, экспертный нарратив приносил некоторые новые позиции в перечисление существовавших в Беларуси социальных проблем (в частности, проблем бедности, нерациональности социальной политики, неудовлетворенности социальных потребностей отдельных социальных групп). Однако в оценках политических процессов

экспертные высказывания совпадали с аналогичными других представителей третьего сектора. В отношении режима благосостояния в сравнении с политиками звучало больше высказываний в пользу **либеральной модели**, предполагавшей большой набор свобод и возможностей, а также положительно оценивались возможности социального заказа. В системе социальной защиты декларировался принцип *адресности*. В либеральном ключе говорилось и о справедливости, как *равенстве возможностей*, а также их политической рамке - *законности*.

6.4 Обобщение главы 6

В данной главе были рассмотрены разнообразные политические субъекты, объединенные по принципу нелояльности и автономии по отношению к власти. В совокупности их высказываний выделяются различные представления о социальных проблемах, оценке социально-экономической ситуации и проводившейся в 2006 - 2010 гг. в Беларуси социальной политики. В определении понятия *социальная справедливость* и оценки режимов благосостояния присутствовал широкий спектр содержательных подходов.

Социальная справедливость (как в публичных выступлениях, так и в оценках, полученных в ходе интервью) чаще всего определялась в **либеральном ключе равенства возможностей на индивидуальном уровне**. Хотя при этом практически во всех случаях подчеркивалась необходимость оказания *дополнительной помощи социально-уязвимым группам*. Исключение из общей либеральной тенденции представляют партия «Зеленые», социал-демократы и партия «Справедливый мир». В случае двух последних, в их нарративе дополнительно присутствовали тезисы о *перераспределении* либо *выравнивании положения бедных и богатых* (в частности, посредством налогообложения). В случае «Зеленых» звучали требования *равенства* (в доступе к социальным услугам). В рамках рассмотренных избирательных кампаний звучали идеи **справедливости как развития** (в частности, Милинкевич 2006,

Михалевич 2010), однако они имели, скорее, характер исключения. Идея справедливости как либерального равенства возможностей звучала в высказываниях представителей различных групп третьего сектора (социальных организаций, региональных активистов и экспертов). Дополнительным измерением понятия *социальная справедливость* в высказываниях представителей оппозиционного нарратива было отождествление этого принципа с политическим *требованием законности*.

Важной особенностью оппозиционного нарратива (особенно в высказываниях политиков) является **приоритет политических прав над социальными**. Изменение существующих в Беларуси политических рамок рассматривалось как необходимое условие преобразований в любых других сферах, включая социальные проекты. Исключение в данном случае составили социальные организации, которые в той или иной степени вынуждены взаимодействовать с государством, пытаясь маневрировать в интересах своих целевых групп в заданных им (государством) условиях.

В отношении оптимальной модели режима благосостояния оппозиционный нарратив также содержит разнообразные установки, объединяя: **консервативно-корпоративистскую и либеральные модели**, а также несколько случаев апелляции к **социал-демократической модели**. Популярность именно консервативно-корпоративистских воззрений определяется преобладанием консервативных, традиционалистских представлений у представителей, прежде всего, политического спектра. Утверждаются идеи предоставления государством минимальной социальной поддержки в случае необходимости и неспособности обеспечивать себя самостоятельно; социального заказа на оказание услуг со стороны государства; адресной социальной помощи. Большое значение придается принципам *субсидиарности*, практикам *взаимоподдержки* и *благотворительности*, *институту традиционной семьи* (в некоторых случаях - церкви), как механизмам, обеспечивающим функционирование

общества. Однако изменения наблюдаются при переходе от политиков и партий к экспертам, региональным активистам, представителям социальных и других НГО, которые чаще склоняются к **либеральному режиму благосостояния** с адресной социальной помощью отдельным группам и широкими возможностями реализации своих прав всех остальных граждан для самообеспечения. Важное значение имеют принципы *партнерства государства и третьего сектора*. **Социал-демократическая модель режима благосостояния** упоминалась в качестве предпочтительной только в нескольких случаях. Идея универсальной системы социальной поддержки не высказывалась, что, может объясняться, как постсоциалистической настороженностью к любым ассоциирующимся с социализмом идеям. Так и позицией третьего сектора Беларуси, стесненного постоянным вмешательством со стороны государства и стремящегося максимально себя от него отграничить.

Возможности третьего сектора участвовать в публичной (и социальной) политике оценивались невысоко, хотя здесь отмечались определенные различия на национальном и региональном уровне. Указывалось на суженные возможности участия на стадии артикуляции и агрегации интересов, но исчезающие на стадии принятия политических решений и их оценки. У социальных организаций в отдельных случаях отмечались возможности участия в реализации мероприятий в рамках социальной политики, что часто обуславливалось соответствующими требованиями со стороны международных организаций. Возможности адвокатиования расширяются при переходе на региональный уровень, где есть примеры расцениваемых в качестве успешных акций (преимущественно в бытовой сфере), что вместе с тем не означает участия в принятии других решений.

Вместе с тем, необходимо отметить отсутствие очевидной содержательной динамики в нарративах социальной справедливости оппозиционных субъектов. Их высказывания имели эклектичный

разрозненный характер, что не дает возможности проследить тенденции их изменений.

Заключение

Содержательные основания современных режимов благосостояния для государств ЦВЕ представляют особый интерес, как в силу своего идейного наполнения, так и изменений, происходивших в них на политическом уровне. Находящаяся в центре исследования проблема соотношения дискурсивных практик вокруг понятия *социальная справедливость* с определенным типом социальной политики имеет множество измерений, связанных со спецификой политического поля, особенностями социально-экономического развития, представлений политических субъектов о наиболее подходящих в период трансформаций моделях и инструментах публичной политики. Рассматриваемое в работе *постсоциалистическое состояние* является важным для понимания практик регулирования распределения благосостояния и связанных с ними дискурсов. Дискурсивной особенностью, предполагаемой в рамках постсоциалистического состояния, является безальтернативное доминирование неолиберальных представлений. Вследствие этого проблемы социально-уязвимых групп не имеют достаточных возможностей для артикуляции и попадания в политическую повестку дня. Не менее важным аспектом выступает и подмена социально-экономических проблем вопросами признания групповых идентичностей, которые сами по себе являются, безусловно, значимыми, однако в описываемой ситуации становятся лишь дополнительным средством обеспечения безальтернативного доминирования неолиберализма. Вероятно, постсоциалистическое состояние качественно преодолевается по мере продвижения процессов реформирования публичной политики в странах, ранее находившихся в сфере влияния СССР, однако вопрос о степени их приближения к режимам благосостояния капиталистических стран остается открытым.

Анализ социально-экономической и политической ситуации в условиях недемократического режима (Беларуси) демонстрирует выпадение из логики неолиберальных изменений (как на дискурсивном,

так и политическом уровне). В отличие не только от западных (в частности, Литвы и Польши), но и от восточных соседей (России и Украины), политика которых была направлена на качественное изменение (разной степени интенсивности) всей системы, Беларусь вплоть до 2000-х гг. сохраняла ориентацию на минимальное реформирование. В рамках установившегося в стране недемократического патерналистского режима поддерживалось двойное идеологическое противопоставление как негативно оцениваемой ситуации в соседних странах, последовавших по пути неолиберальных преобразований, так и социалистической системе. Последняя хоть и оценивалась позитивно, тем не менее, позиционировалась как принадлежащая прошлому, а ее распад представлялся как событие, повлекшее ряд негативных последствий для независимой Беларуси, преодоление которых стало задачей белорусского лидера (Александра Лукашенко). Таким образом, в логике постсоциалистического состояния в случае Беларуси доминирующее положение занял не неолиберализм, а видоизмененные с учетом актуальных для власти значений идеи социалистического толка, нашедшие свое отражение во властном дискурсе и, в частности, в высказываниях президента Лукашенко. Вместе с тем, внешнее давление (прежде всего, условия выделения кредитов, а также глобальные экономические тенденции) требовали системных политических изменений, которые, как и во всем регионе, белорусская власть вынуждена была начать в неолиберальной парадигме. Последним обстоятельством и объясняются последовавшие изменения дискурсивных оснований режима благосостояния в период 2006 – 2010 гг.

В контексте изменяющихся политико-экономических обстоятельств широко растиражированное, легко воспринимаемое белорусскими гражданами понятие *социальная справедливость*, больше не могло использоваться исключительно в распределительной/перераспределительной интерпретации. Однако и полный отказ от него был политически невыгоден для патерналистского лидера, вследствие

чего происходила его постепенная реинтерпретация и наполнение новыми значениями. Так, в понятие *социальная справедливость* в Беларуси, начиная с 2000-х гг. в рамках властного дискурса включались либеральные составляющие (равенства возможностей), консервативные (благотворительности), теории развития (качество жизни). При этом с учетом идейной *path dependence* интерпретации с позиций теории развития рассматривались в качестве идеологически наиболее предпочтительных, о чем свидетельствует их активное использование в особенно важные для власти периоды политико-делового цикла (в частности, во время избирательных кампаний). Параллельно с сохраняющимся этатистским утверждением значимости большого государства происходило сокращение его обязанностей в социальной сфере и их перенос на других субъектов (семью, лояльный третий сектор, бизнес).

Видоизмененный властный дискурс социальной справедливости продолжал занимать доминирующие позиции на недемократическом политическом поле в силу как структурных особенностей последнего, так и совмещения в себе элементов практически всех возможных идейных подходов, что лишало оппозиционных политических субъектов идеологических оснований формирования содержательных альтернатив, заставляя их действовать в рамках понятий и значений уже озвученных властью (например, стабильность).

Таким образом, содержательное наполнение понятия *социальная справедливость* в случае Беларуси в период 2006 – 2010 гг. осуществлялось властью и не имело сопоставимых по значимости идейных альтернатив. Соответственно, формируемый режим благосостояния имел одно из содержательных оснований, которое хотя и пропагандистски изменялось в зависимости от потребностей властных субъектов, вероятно, соответствовало представлениям лояльных власти социальных групп. Дополнительным средством обеспечения доминирования властного дискурса выступали репрессивные

недемократические практики, позволявшие не допускать либо маргинализировать деятельность оппозиционных политических субъектов, а также обеспечивать отсутствие проявлений публичного несогласия и протестов со стороны различных социальных групп (и представляющих их интересы организаций). Кроме того, белорусская власть эффективно использовала различные пропагандистские инструменты: как непосредственный контроль национальной статистики и пропагандистское использование благоприятных международных показателей, так и прямое вмешательство власти в экономические отношения, сферу занятости и коммунальных расходов.

В некорпоративистской логике по критерию лояльности выстраивались взаимоотношения между государством и третьим сектором. Конструируемые (либо воссоздаваемые) государством с использованием советских практик крупные организации (прежде всего, профсоюзы, женские и молодежные) обеспечивали мобилизацию и лояльность своих целевых социальных групп. В свою очередь организации третьего сектора, представляющие интересы социально-уязвимых групп, в большинстве случаев также вытеснялись в сферу лояльности (либо отсутствия публичных проявлений нелояльности), т.к. в противном случае монополизировавшее социальную сферу государство препятствовало их деятельности. Однако некоторые из таких организации все же выходили за пределы модальности лояльности, представляя интересы своих целевых групп, хотя эти случаи представляются скорее исключением из общих практик функционирования режима.

Нелояльные политические и, в особенности, оппозиционные политические субъекты маргинализировались властью и, по возможности, не допускались в сферу публичной и социальной политики. В свою очередь, сами эти субъекты в силу многочисленных внешних и внутренних сложностей не формировали альтернативных властному содержательных проектов. Основным направлением их активности в рассматриваемый период была борьба за признание и расширение

политических прав, как условия их существования. В случае формулирования собственных политических программ и установок в отношении предпочтительного режима благосостояния чаще всего артикулировался консервативно-корпоративистский тип, что соответствовало преимущественно правым идейным воззрениям политических активистов. Популярность либерального режима возростала среди идейно ангажированных гражданских активистов, экспертов и представителей социальных организаций, для которых (нео-)либерализм представлялся наиболее предпочтительным вариантом противопоставления советскому прошлому и любым псевдосоциалистическим интерпретациям нынешнего белорусского режима. Утверждения представителей власти о следовании советским традициям вызывают критику всех субъектов оппозиционного нарратива, при этом в качестве аргументов используется апелляция к общественному мнению (данным социальных опросов независимых центров), в то время как национальная статистика, а также благоприятные для Беларуси показатели международных рейтингов не рассматриваются в качестве признаваемых источников для оценки.

Белорусской власти удалось сохранить баланс между идейным и материальным обеспечением своего доминирования, предоставив белорусскому обществу безальтернативный идеологический проект, подкрепленный определенным уровнем благосостояния в рамках все еще откладывавшегося реформирования социально-экономической сферы. Вместе с тем, неизбежность последнего, очевидно, понималась белорусскими властями, о чем косвенно свидетельствуют начавшиеся изменения неолиберального характера в сфере социальной политики, в частности, механизмов перераспределения благосостояния и социальной поддержки. При этом в рамках консолидированного недемократического режима власть стремилась сохранить контроль над всеми сферами общественной жизни. Социальная политика в данном случае имеет особое значение, как находящаяся в монополии власти на протяжении

всего постсоветского периода и являющаяся важным инструментом обеспечения поддержки режима. Можно предположить, что в контексте начавшихся неолиберальных изменений недемократический режим будет стремиться сохранять контроль над сферой перераспределения благосостояния, допуская в нее лишь совпадающих с ним по представлениям, обладающих ресурсами и лояльных ему субъектов. При этом содержательные основания режима благосостояния с высокой долей вероятности также будут изменяться и, возможно, само понятие *социальная справедливость* получит либо новую содержательную интерпретацию, либо постепенно перестанет использоваться властными субъектами.

Таким образом, исходя из проведенного эмпирического анализа, выдвигавшуюся в работе гипотезу можно считать частично подтвержденной. В период 2006 - 2010 гг. производимое властными субъектами понятие *социальная справедливость* действительно выступало в качестве одного из содержательных оснований существовавшего в Беларуси режима благосостояния и не имело содержательных альтернатив. Основной причиной этого был дизайн недемократической политической системы, не предполагавший возможности участия в социальной политике альтернативных субъектов, за исключением случаев совпадения предлагаемых изменений с представлениями государства. Высказывания оппозиционных субъектов, хотя и позволяют сформировать представления о предпочтительном для них режиме благосостояния, а также содержании понятия *социальная справедливость*, имеют разрозненный характер, вследствие как собственной слабости, так и ограничений политического поля. Вместе с тем, вопреки первоначальным предположениям понятие *социальная справедливость* во властном нарративе не имело исключительно *диструбутивно-патриархального* содержания, но претерпевало обусловленные неолиберальными экономическими требованиями изменения. Так, в нем появлялись неолиберальные, консервативные

компоненты и некоторые заимствования из теории развития. Это популистское попури и воспроизводилось в качестве доминирующего как на уровне государственной пропаганды, так и в высказываниях различных субъектов (включая представителей крупных ПВСО).

В рамках работы не было в достаточной мере проработано предположение об определяющей роли международных организаций в социальной политике Беларуси, поскольку данная тема требует проведения дополнительных исследований. Вместе с тем, это направление представляется интересным для дальнейшей работы.

С учетом выдвинутой в работе гипотезы и предположений анализ *властного* и *оппозиционного* нарративов социальной справедливости, а также контекста данного понятия в Беларуси позволяет сделать следующие выводы:

1. Дизайн политических институтов в Беларуси предполагает максимально широкие полномочия президента, в то время как парламент и правительство выполняют при нем скорее технические функции. В логике несоблюдения принципа разделения властей в Беларуси создан орган (Администрация президента), дублирующий и, по сути, приватизирующий полномочия других органов власти. В сфере социальной политики это ведет к монополизации любых значимых решений президентом и Администрацией.
2. Занимающий главенствующее институциональное положение в политической системе субъект (президент) производил наибольшее количество высказываний в сфере социальной политики и социальных проблем, которые и определяли содержательные основания дискурса власти.
3. Беларусь в период 2006 - 2010 гг. вопреки всем сложностям сохраняла высокие показатели социально-экономического развития и поддерживала (хотя и в сокращающемся объеме, но сопоставимые с другими странами региона) расходы на

социальную политику. В логике собственного политико-делового цикла ей удалось отложить до 2011 г. последствия мирового экономического кризиса. Дополнительным инструментом демонстрации высоких показателей социально-экономического развития являлось вмешательство в сферу национальной статистики, частично используемой и в отчетах международных организаций.

4. Содержание понятия *социальная справедливость* во властном нарративе в рассматриваемый период постепенно отдалялось от редистрибутивной парадигмы и наполнялось новыми значениями, выборочно заимствуемым из различных подходов. Однако, несмотря на пропагандистское выхолащивание, социальная справедливость сохраняла свою значимость в качестве одного из оснований режима благосостояния в Беларуси и ее социальной политики.
5. В рамках властного нарратива, не смотря на все содержательные изменения, сохранялись представления о *большом патерналистском государстве* во главе с сильным лидером и монополией на принятие решений в сфере публичной политики.
6. История отмены социальных льгот (2007) стала одним из наиболее важных контекстов употребления властью понятия *социальная справедливость*. Именно в ней субъекты властного нарратива наиболее часто обращались к понятию *социальная справедливость*, вкладывая в него, и либеральные (повышение эффективности государственных расходов), и консервативные (борьба с иждивенческими настроениями), и дистрибутивные значения (перераспределение в пользу более нуждающихся в поддержке групп).
7. Во властном нарративе не выявлено содержательных противоречий в интерпретациях понятия *социальная справедливость* различными субъектами, а имевшиеся различия можно объяснить

фокусировками на разных аспектах понятия. В качестве отдельного сюжета, инициированного и артикулируемого не президентом, но другими субъектами можно обозначить концепцию социального заказа. Однако она совпадала с неолиберальным курсом реформирования социальной сферы и представлениями власти о необходимых изменениях.

8. Оппозиционные субъекты в рассматриваемый период производили разрозненные высказывания, связанные с понятием *социальная справедливость*. Содержание которых, преимущественно, обращалось к либеральной интерпретации равенства возможностей с обязательным сохранением социальной поддержки для социально-уязвимых групп. Вместе с тем, говорилось о необходимости партнерства государства с третьим сектором (имея в виду нелояльные организации) в противовес существующей в стране ситуации. В отличие от властного нарратива для оппозиционного история отмены льгот не стала событием, отразившемся на его содержании.
9. В рамках оппозиционного нарратива можно обозначить преобладание правых идеологических представлений о консервативно-корпоративистской модели режима благосостояния как наиболее предпочтительной (среди политиков), и либеральной (среди представителей НГО и экспертов). Однако выявленные обращения к социальной тематике в ходе публичных высказываний и итоги проведенных интервью не позволяют говорить о динамике и изменениях в рамках высказываний представителей оппозиционного нарратива. На протяжении 2006 – 2010 гг. их обращение к понятию *социальная справедливость* было минимальным, а его содержательное наполнение схожим.
10. Несмотря на доминирующую позицию властных субъектов в высказываниях, связанных с социальной тематикой, можно говорить о наличии заочной дискуссии и борьбы за смыслы в

артикуляции социальных проблем с оппозиционными субъектами. Данная тенденция проявлялась в ходе президентских избирательных кампаний (так, в своих выступлениях 2009 – 2010 гг. президент Лукашенко отвечал на тезисы оппозиции о необходимости отмены контрактной системы, а в 2010 г. – на тезисы о необходимости введения семейного капитала). Также имело место параллельное обращение к одним и тем же понятиям, хотя и наполняемым разными смыслами (например, модернизация) и о содержательных заимствованиях между властным и оппозиционным нарративами.

11. Властный и оппозиционный нарративы совпадали в консервативных установках относительно роли семьи, традиционалистские представления о которой, включая распределение гендерных ролей и социальных функций, были преимущественно одинаковыми (за исключением партий левого спектра и высказываний некоторых экспертов).
12. В рамках властного и оппозиционного нарративов артикулировались по-разному сформулированные, но совпадающие по смыслу социальные проблемы. Одной из наиболее значимых в период 2006 - 2010 гг. была демографическая (озвученная оппозицией в формулировке «демографического кризиса», а у власти позитивной установкой на «необходимость увеличения рождаемости»).

Приложение 1. Теоретические подходы к понятию *социальная справедливость*

Таблица. Теоретические подходы к понятию *социальная справедливость*

Критерий в основании теории	Подходы к понятию социальная справедливость	Авторы	Ключевые понятия
Субъект	Индивидуальный: либеральные, либертарианские теории	Ролз, Дворкин, Нозик, Хайек	Справедливость как честность; равенство индивидуальных возможностей; приоритет личных прав; абсолютная ценность права; приоритет свободы; минимальная роль государства
	Групповой: коммунитаризм	Макинтайер, Тэйлор, Сэндел, Уолцер	Коллективный субъект; общее благо; закрепление групповых прав; значимая роль сообщества
Функциональность	Интегративная теория справедливости	Фрэйзер	Перераспределение, признание, представительство, паритет участия, идентичность.
Возможности	Подход с позиций возможностей	Сен, Нуссбаум	Развитие, плюралистические возможности; возможности действия; введение социальной проблематики в политическую повестку дня; человеческое достоинство; результаты политики; дискурсивность и дискуссионность понятия социальная справедливость; благополучие; государство как деятельный субъект

Источник: обобщение работ указанных авторов.

Приложение 2. Примерный список вопросов интервью по теме диссертационного исследования

Респондент

род и вид профессиональной деятельности

(представляемая организация)

Здравствуйте! Меня зовут Татьяна Чулицкая. Я являюсь докторанткой Литовского центра социальных исследований (Вильнюс, Литва) и провожу диссертационное исследование по теме «Нарративы социальной справедливости в недемократическом режиме: анализ случая Беларуси».

В данном исследовании ставятся вопросы о том, какие политические субъекты (включая президента, правительство, политические партии, общественные объединения и пр.) и каким образом могут участвовать в социальной политике в Беларуси, а также понятиях, используемых для артикуляции социальной проблематики. В частности, мне бы хотелось узнать Ваше мнение относительно такого понятия как *социальная справедливость*, которое часто встречается в публичных выступлениях различных политических деятелей Беларуси.

В рамках исследования проводится серия интервью с политиками, членами общественных объединений, журналистами, а также экспертами, занимающимися социальными проблемами в Беларуси. Буду признательна, если Вы ответите на несколько вопросов.

1. Расскажите, пожалуйста, о своей профессиональной деятельности. Состоите ли Вы в общественной или политической организации? Если да, то в какой, каковы основные направления ее деятельности и Ваша позиция в ней?
2. Как бы Вы охарактеризовали уровень социального благополучия в Беларуси по сравнению с соседними государствами (например, Россией, Польшей, Литвой). По Вашей оценке, являются ли

- белорусские граждане более обеспеченными? Чувствуют ли они себя более социально защищенными по сравнению с соседями?
3. Какие социальные проблемы Вы бы назвали в качестве наиболее значимых (острых) для Беларуси в течение последних пяти лет (до кризиса весны 2011 г.)?
 4. Как бы Вы охарактеризовали социальную политику, реализуемую в Беларуси в течение последних пяти лет? Можно ли назвать ее успешной и эффективной?
 5. Что Вы думаете относительно неоднократно высказываемого Александром Лукашенко мнения относительно «сохранения лучшего от советских времен в сфере социальной защиты»?
 6. Каким образом Вы могли бы определить понятие *социальная справедливость*? Используете ли Вы это понятие в Ваших публичных выступлениях?
 7. Каково Ваше мнение относительно роли государства в регулировании социальной сферы? Должно ли оно проводить политику, обеспечивающую социальные гарантии всем гражданам, либо целенаправленно (адресно) помогать только наиболее нуждающимся? Возможно, роль государства должна сводиться исключительно к предоставлению равных возможностей для граждан?
 8. Какой, на Ваш взгляд, должна быть роль неправительственных объединений (НПО) в социальной политике? Могут ли они выступать в качестве партнера государства? Либо они должны на конкурсной основе получать право на выполнение социальных заказов?
 9. Какова, по Вашему мнению, роль семьи в оказании социальных услуг: воспитании детей, заботе о пожилых людях и пр.?
 10. Какова, по Вашему мнению, роль политических партий, НПО в решении социальных проблем Беларуси? Обладают ли она достаточными возможностями для артикуляции социальных

проблем, инициирования и реализации проектов в социальной сфере? Можно ли говорить о равных возможностях НПО в осуществлении своей деятельности?

11. В чем, на Ваш взгляд, состоят основные сложности, связанные с деятельностью НПО в Беларуси?

12. Приходилось ли Вам самому/ самой в последнее время сталкиваться с работой органов социального обеспечения в Беларуси? Если да, то, с какими (в какой сфере)? Как бы Вы охарактеризовали их деятельность, основываясь на собственном опыте?

Большое спасибо!

Дата проведения:

Время проведения:

Приложение 3. Таблицы социо-демографических характеристик респондентов

Таблица 1. Социо-демографические характеристики респондентов (N-1-6): кандидаты в президенты на выборах 2006, 2010 гг.

№	Пол	Возраст	ФИО	Представляемая партия/ движение
1	М	66	Александр Милинкевич	Единый оппозиционный кандидат (впоследствии – Рух «За свободу»)
2	М	67	Владимир Некляев	Гражданская кампания «Говори правду»
3	М	38	Виталь Рымашевский	Белорусская христианско-демократическая партия (БХД)
4	М	47	Ярослав Романчук	Объединенная гражданская партия (ОГП)
5	М	56	Рыгор Костусев	Белорусский народный фронт (БНФ)
6	М	38	Алесь Михалевич	Движение «За модернизацию»

Таблица 2. Социо-демографические характеристики респондентов (N-7-13): представители политических партий, движений

№	Пол	Возраст	ФИО	Партия/ движение и позиция (если занимает)
7	М	49	Александр Федута	Гражданская кампания «Говори правду», организатор, один из руководителей
8	М	41	Алесь Логвинец	Рух «За свободу», заместитель председателя
9	М	55	Александр Добровольский	Член Политсовета ОГП, директор Школы Восточноевропейских политических исследований
10	М	61	Сергей Калякин	Белорусская объединенная левая партия «Справедливый мир», лидер
11	М	38	Олег Новиков (Лелик Ушкин)	Белорусская партия «Зеленые», председатель
12	Ж	35	Канюс Анна	Белорусская социал-демократическая партия «Грамада» (Брест), член партии. Активистка кампании «Говори правду»
13	Ж	63	Валентина Полевикова	Бывшая председатель женской партии «Надежда», со-директор Восточноевропейской школы политических исследований

Таблица 3. Социо-демографические характеристики респондентов (N-14-20): представители и активисты оппозиционных политических

**организаций третьего сектора, гражданские активисты
регионального уровня**

№	Пол	Возраст	Сфера профессиональной деятельности респондента
14	М	32	правозащитная организация
15	М	48	правозащитная организация
16	М	29	националистическая организация
17	Ж	34	региональная демократическая организация
18	М	30	региональная журналистика и социально-политические инициативы
19	М	39	региональные социально-политические инициативы
20	Ж	28	журналистика, зарубежные гражданско-политические проекты

Таблица 4. Социо-демографические характеристики респондентов (N-21-29): представители социальных организаций

№	Пол	Возраст	Сфера профессиональной деятельности респондента
21	Ж	53	женская организация
22	Ж	38	организационное развитие, гражданское образование
23	Ж	28	международная организация
24	М	36	организация по защите прав людей с инвалидностью
25	Ж	48	организация по защите прав людей с инвалидностью
26	Ж	46	организация по защите прав людей с инвалидностью
27	М	46	организация по противодействию распространению СПИД
28	Ж	46	женская организация
29	М	40	гражданское образование

Таблица 5. Социо-демографические характеристики респондентов (30-37): эксперты и журналисты

№	Пол	Возраст	Сфера деятельности респондента
30	Ж	36	экспертиза (третий сектор, медиа и публичная политика)
31	Ж	39	экспертиза (публичное администрирование, социальная политика и третий сектор)
32	М	38	экспертиза (экономика и социальная политика)
33	Ж	46	журналистика (социальные вопросы)
34	М	58	журналистика (политика, гражданское общество)
35	М	59	региональная журналистика
36	Ж	33	юриспруденция, адвокатирование, третий сектор
37	М	35	юриспруденция (право НКО), экспертиза (политические вопросы)

Приложение 4. Таблица «Беларусь и соседние государства в международных рейтингах»

Таблица Беларусь и соседние государства в международных рейтингах 2006-2010 гг.

Оцениваемая категория. Название агентства	Краткое описание	Позиция /Показатель Беларусь		Позиция/ Показатель Литва		Позиция/ Показатель Польша		Позиция/ Показатель Россия		Позиция/ Показатель Украина	
		2006	2010	2006	2010	2006	2010	2006	2010	2006	2010
Человеческое развитие ПРООН	ИРЧП (Human Development Index). Комплексный показатель развития в 183 странах.	67 / 0.794	61 / 0.624	41/ 0.857	44/ 0.780	37/ 0.862	41/ 0.775	65 / 0.797	65/ 0.797	77/ 0.774	69/ 0.703
Процветание ²⁴⁷ Британский непартийный аналитический центр Legatum	Мировой рейтинг процветания Legatum (Global Prosperity Index) Рейтинговая оценка уровня благосостояния в 104 странах.	нет данных	54	нет данных	42	38	29	44	63	нет данных	69
Развитие и трансформация Немецкий аналитический центр The Bertelsmann Stiftung	Индекс развития и изменений в демократизации и рыночных отношений. Оценка 128 развивающихся стран. ²⁴⁸	2008 89	2010 96	2008 6	2010 7	2008 11	2010 10	2008 59	2010 65	2008 35	2010 37

²⁴⁷ Информация 2007 года

²⁴⁸ Индекс положения (SI) ранжирует страны по степени развитости демократии и рыночной экономики. Индекс управления (MI) - по оценке эффективности управления. 1 (низший) 10 (высший) балл.

Оцениваемая категория. Название агентства	Краткое описание	Позиция /Показатель Беларусь		Позиция/ Показатель Литва		Позиция/ Показатель Польша		Позиция/ Показатель Россия		Позиция/ Показатель Украина	
		151 несвобо дная/ 47.5	150 несвоб одная/ 48.7	23 свободн ая/ 71,8	29 свобод ная/ 70.3	41 преиму ществен но свободн ая/ 59.3	71 преиму ществе нно свобод ная/ 63.2	122 преиму ществе нно несвоб одная/ 52.8	143 преиму ществе нно не свобод ная/ 50.3	99 преиму ществен но несвобо дная /54.4	162 несвоб одная/ 46.4
Экономическая свобода Фонд «Наследие» (Heritage Foundation) и ежедневник The Wall Street Journal	Рейтинг экономической свободы Heritage Foundation. Измерение десяти компонентов экономической свободы по шкале от 0 (минимум) до 100 (максимум) в 179 странах.										
Условия ведения бизнеса Всемирный Банк (World Bank)	Рейтинг условий ведения бизнеса (doing business). Комплексная оценка легкости ведения бизнеса. Страны ранжируются по позициям от 1 (высшая) до 185 (низшая).	106	58 (2009 – 82)	15	26	54	72	79	120	124	142
Коррупция Transparency International	Оценка восприятия коррупции (экспертная по 10 балльной шкале) в 180 странах	151/ 2.1	127/ 2.5	46/ 4.8	46/ 5	61/ 3.7	41/ 5.3	121/ 2.5	154/ 2.1	99/ 2.8	134/ 2.4

Оцениваемая категория. Название агентства	Краткое описание	Позиция /Показатель Беларусь		Позиция/ Показатель Литва		Позиция/ Показатель Польша		Позиция/ Показатель Россия		Позиция/ Показатель Украина	
Свобода (политическая) Организация Freedom House	Индекс политической свободы Freedom House. Измерение степени свободы (политических и гражданских свобод) в 193 странах. 1 (максимальная), 10 (минимальная) оценка.	7/ 6 несвобо дная	7/6 несво бодная	1/1 сво- бодная	1/ 1 сво- бодная	1/ 1 свободн ая	1/ 1 свобод ная	6/ 5 несво бодная	6/ 5 несво бодная	3/2 свободн ая	3/2 свобод ная
Свобода прессы Организация Freedom House	Индекс свободы прессы Freedom House. Ежегодная качественная оценка свободы СМИ в 195 странах. Рейтингирование и классификация стран на «свободные», «частично свободные», «несвободные»	88 Несвобо дная	92 Несво бодная	18 Свободн ая	21 Свобод ная	21 свободн ая	24 Свобод ная	72 Несво бодная	81 Несво бодная	53 Частичн о свободная	53 Частич но свобод ная

Оцениваемая категория. Название агентства	Краткое описание	Позиция /Показатель Беларусь		Позиция/ Показатель Литва		Позиция/ Показатель Польша		Позиция/ Показатель Россия		Позиция/ Показатель Украина	
Развитие НГО ²⁴⁹ USAID	Индекс устойчивости развития НГО (NGO Sustainability Index) для 28 стран ЦВЕ. Оценка прогресса в развитии третьего сектора. 1 балл – высшая, а 10 – низшая оценка.	5.9	5.9	2.7	2.8	2.3	2.2.	4.3	4.4	3.6	3.5

Источник: интернет-сайты международных организаций – ПРООН <http://www.undp.org/>; институт Legatum <http://www.prosperity.com/>; Фонд Bertelsmann <http://www.bertelsmann-stiftung.de/>; фонд «Наследие» <http://www.heritage.org/index/>; Всемирный Банк <http://www.doingbusiness.org/>; Freedom House <http://www.freedomhouse.org/>; Агентство США по международному развитию <http://www.usaid.gov/>

²⁴⁹ В оценке развития НГО во второй графе по каждой стране использован показатель 2009 г.

Приложение 5. Некоторые Лаакенские показатели для Беларуси 2008 г.

Таблица. Некоторые Лаакенские показатели для Беларуси 2008 г.

	Относительная бедность		Абсолютная бедность
	Национальная шкала эквивалентности	Модифицированная шкала эквивалентности ОЭСР	
Черта бедности / Euro в год	1 466.6	1 778.4	866.7
Уровень бедности / % населения	12.0	12.5	6.1
Глубина бедности / % от черты бедности	16.6	16.9	13.8

Источник: исследование Чубрик, Шиманович 2010:20.

Приложение 6. Выполнение показателей программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006 – 2010 гг.

Таблица. Выполнение показателей программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006 – 2010 гг.

Показатели	2010 год в процентах к 2005 году в сопоставимых ценах	
	программные показатели	фактическое выполнение
ВВП	146 – 155	142,0
Продукция промышленности	143 – 151	147,2
Производство потребительских товаров	150 – 157	156,0
Продукция сельского хозяйства	134 – 145	124,2
Инвестиции в основной капитал	198 – 215	232,3
Объем внешней торговли, включая услуги (по данным платежного баланса), – всего	153 – 160	186,2
Сальдо внешней торговли (в 2010 году, млн. долларов США)	800 – 1 000	–7 425,6
Реальные денежные доходы населения	149–156	176,3
Розничный товарооборот	157 – 165	194,2
Платные услуги населению	154 – 161	161,9
Снижение энергоемкости ВВП	26 – 30,4	25,3
Ввод в эксплуатацию жилья за счет всех источников финансирования, млн. кв. метров	23,5 – 26	26,3

Источник: Глава 2 Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011 – 2015 гг.

Приложение 7. Список программ и пособий социальной помощи, действующих в Республике Беларусь

1). **Категориальные программы, предполагающие ежемесячные выплаты:** пособие по уходу за ребенком в возрасте от 0 до 3-х лет; пособие по уходу за ВИЧ-инфицированным ребенком в возрасте до 18 лет. **Категориальные программы с единовременными выплатами:** пособие в связи с рождением ребенка; пособие на приобретение товаров первой необходимости в случае рождения более одного ребенка; пособие женщинам, ставшим на учет в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности; пособие по беременности и родам. **Категориальные программы с пособиями, выплачиваемыми в течение установленного периода времени:** пособие по уходу за больным ребенком в возрасте до 14 лет (а также по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет и ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет) в случае болезни матери либо другого лица, фактически осуществляющего уход за ребенком; пособие при лечении и оздоровлении ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет; пособие по временной нетрудоспособности или при лечении и оздоровлении. **Категориальные программы с единовременными социальными пособиями:** на оплату технических средств социальной реабилитации для детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, а также детей, признанных инвалидами III группы; денежная помощь на погребение.

2). **Программы, основанные на проверке нуждаемости:** с ежемесячным социальным пособием (ГАСП) и с единовременным социальным пособием нуждающимся семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (ГАСП).

3). **Программы, основанные на смешанном подходе:** ежемесячное пособие по уходу за ребенком от 3 до 16 (18) лет; ежемесячное пособие по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет; ежемесячное пособие по уходу за инвалидом I группы или пожилыми людьми в возрасте старше 80 лет.

Источники: Всемирный банк 2011: 67-68; информация сайта Министерства труда и социальной защиты.

Приложение 8. Характеристики политических партий и движений Республики Беларусь

Таблица. Политические партии и движения Республики Беларусь: формальные характеристики

Название партии	Дата создания*	Официальный статус	Лидер	Сайт	Идеологическое позиционирование
Белорусская партия «Зеленые»	17.04.94	Зарегистрирована на 03.06.1994	Олег Новиков	http://belgreens.org/	Партия экологической направленности
Белорусская партия левых «Справедливый мир»	07.12.1991	Зарегистрирована на 26.05.92	Сергей Калякин	Нет	Партия левой идеологии
Белорусская социал-демократическая партия (Грамада)	29.06.96	Зарегистрирована на 29.01.97	Ирина Вештард	http://bsdparty.org/	Социал-демократическая партия
Белорусская христианская демократия (БХД)	28.02.2009	Не зарегистрирована	Павел Северинец, Виталий Ромашевский	http://bchd.info/	Христианско-демократическая партия
Белорусский народный Фронт (БНФ)	30.05.93	Зарегистрирована с 19.08.1993	Алексей Янукевич	http://narodnyfront.org/	Консервативная, христианско-демократическая партия
Гражданская кампания «Говори правду»	25.02.2010	Зарегистрирована в форме учреждения	Владимир Некляев	http://zapravdu.info/	Не определена
Либерально-демократическая партия	05.02.94	Зарегистрирована на 24.02.1994	Сергей Гайдукевич	http://www.libdem.net/	Либерально-демократическая
Объединенная гражданская партия (ОГП)	01.10.95	Зарегистрирована на 28.11.95	Анатолий Лебедько	http://ucpb.org/	Либерал-консервативная партия
Правозащитно-просветительское гражданское объединение «Рух «За свободу»	23.10.2008	Зарегистрировано 17.12.2008	Александр Милинкевич	http://rukh.by/	Христианско-демократическое, проевропейские

Источники: сайты политических партий

* информация с сайта Минюста (в случае, когда она указана) доступна:

http://www.minjust.by/ru/site_menu/about/struktura/obschestv/registr/politpart (режим просмотра 23.08.2013).

Список использованных источников

Литература на английском языке:

1. Aarebrot F. (2004) Local Government, NGOs, and Transparency. A slightly pessimistic view. In: Matonytė I. (ed.). *Transparency in Cooperation between Local Government and NGOs*. Vilnius: ISM, 107-115.
2. Anheier H.K. (2003). *Dimensions of the Third Sector: Comparative Perspectives on Structure and Change*. In: Anheier, Helmut K. and Ben-Ner, Avner, (eds.). *The study of nonprofit enterprise: theories and approaches*. Nonprofit and civil society studies. Springer, New York, USA, 247-276.
3. Benford R.D. (2002). *Controlling Narratives and Narratives as Control within Social Movements // Stories of change: Narrative and Social Movements* (ed. by J. Davis). Albany: State University of New York, 53-75.
4. Benhabib S. (ed.). (1996). *Democracy and Differences: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton: Princeton University Press.
5. Birkland T. A. (2001). *An Introduction to the Policy Process: Theories, Concepts, and Models of Public Policy Making*. New York: M. E. Sharpe.
6. Bogaards M. (2010). *Measures of Democratization: From Degree to Type to War // Political Research Quarterly*, No. 63(2), 475-88.
7. Boris E., Mosher-Williams R. (1998). *Nonprofit advocacy organizations: Assessing the definitions, classifications and data*. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 27, 488-507.
8. Bourdieu P. (1989). *Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory*, Vol. 7, No. 1. (Spring), 14-25.
9. Brenner M. (1985). *Survey interviewing // The Research Interview: Uses and Approaches* (ed. by M. Brenner, J. Brown, D. Canter). London: Academic Press, Inc.
10. Bryman A. (2008). *Social Research Methods*. Third Edition, Oxford University Press.
11. Butkeviciene E. (2012). *Premises for the Welfare of Society. Public Attitude towards Social Policy: the Role of State, Individual and Family in Social Provision and Welfare in Lithuania // Socialiniai mokslai*, Nr. 3 (77), 7-16.
12. Choptiany L. (1973). *A Critique of John Rawls's Principles of Justice // Ethics*. Vol. 83, No. 2 (Jan.), 146-50.
13. Cohen G.A. (2009). *Why Not Socialism?* Princeton University Press.
14. Cohen, D., de la Vega, R. and Watson G. (ed.). (2001). *Advocacy for Social Justice: a Global Action and Reflection Guide*. Bloomfield: Kumarian Press.
15. Cousins M. (2005). *European Welfare States: Comparative Perspectives*. London: Sage.
16. Craig G. et al. (eds.). (2008). *Social Justice and Public Policy: Seeking Fairness in Diverse Societies*. Bristol: Policy Press.
17. Deacon B. (1993). *Developments in East European Social Policy // New Perspectives on the Welfare State in Europe* (ed. by C. Jones). London: Routledge.
18. Deacon B. (2000). *Eastern European Welfare States: the Impact of the Politics of Globalization // Journal of European Social Policy*, 10 (2), 146-61.
19. Deacon B. (ed.). (1992). *The New Eastern Europe: Social Policy Past, Present, and Future*. London: Sage.

20. Deacon B. and Szalai J. (eds). (1990). *Social Policy in the New Eastern Europe: What Future for Socialist Welfare?* Aldershot, Hants, England: Avebury.
21. Deacon B., Hulse M. and Stubbs P. (1997). *Global Social Policy: International Organizations and the Future of Welfare*. London: Sage.
22. Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds.). (2005). *The SAGE Handbook of Qualitative Research*. 3rd ed. Thousand Oaks: Sage.
23. Diamond L. (1994). *Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation* // *Journal of Democracy*, Vol. 5, No. 3 (July), 4-17.
24. Dobry M. (ed.). (2000). *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe: Lessons for the Social Sciences*. Dordrecht and London: Kluwer Academic Publishers.
25. Dryzek J.S., Holmes L.T. (2002). *Post-Communist Democratization: Political Discourses across Thirteen Countries*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Eatwell J. (et al.). (2000). *Hard Budgets and Soft States: Social Policy Choices in Central and Eastern Europe*. London: Institute for Public Policy Research.
27. Eke S. M., Kuzio T. (2000). *Sultanism in Eastern Europe: the Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus* // *Europe-Asia Studies*, Vol. 52, No. 3 (May), 523-547.
28. Esping-Andersen G. (1996). *After the Golden Age? Welfare State Dilemmas in a Global Economy*. In *Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies*, ed. by G. Esping-Andersen. London: Sage.
29. Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Oxford: Polity Press.
30. Esping-Andersen G. and Gallie D., Hemerijck A. (eds.) (2002). *Why We Need a New Welfare State*. Oxford: Oxford University Press.
31. Evers A., Laville J-L. (2004). *The Third Sector in Europe*. Gloucestershire: Edward Elgar.
32. Fajth G. (1999). *Social Security in a Rapidly Changing Environment: the Case of Postcommunist Transformation* // *Social Policy and Administration*. Vol. 33, No. 4, 416-36.
33. Fenger H.J.M. (2007). *Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-communist Countries in a Welfare Regime Typology* // *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences* (August). Vol. 3, Issue 2, 1-30.
34. Ferge Z. (1997). *Women and Social Transformation in Central Eastern Europe: The 'Old Left' and the 'New Right'* // *Czech Sociological Review* 5, No. 2, 159-178.
35. Ferge Z. (2001). *Welfare and 'Ill-fare' Systems in Central-Eastern Europe* // *Globalization and European Welfare States: Challenges and Change* (ed. by B. Sykes, B. Palier and M. Prior). Basingstoke: Palgrave, 127-152.
36. Ferrera M. (ed.) (2008). *Welfare State Reform in Southern Europe*. London/New York: Routledge.
37. Fitzpatrick T. (2011). *Welfare theory: an Introduction to the Theoretical Debates in Social Policy*. 2nd edition, Palgrave Macmillan.
38. Fitzpatrick, T. (2003). *After the New Social Democracy: Social Welfare for the 21st Century*. Manchester: Manchester University Press.
39. Fraser N. (1989). *Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

40. Fraser N. (1997). *Justice Interruptus: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition*. New York; London: Routledge.
41. Fraser N. (2009). *Global Justice and the Renewal of Critical Theory* // Eurozine 21.04.2009 <http://www.eurozine.com/articles/2009-04-21-fraser-en.html>
42. Fraser N. (2010). *Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World*. New York: Columbia University Press.
43. Fraser N., Gordon L. (1994). 'Dependency' Demystified: Inscriptions of Power in a Keyword of the Welfare State // *Social Politics* 1. No. 1, 4-31.
44. Fraser N., Honneth A. (1998). *Redistribution or Recognition? A Political-Philosophical Exchange*. London: Verso.
45. George V., Manning N. (1980). *Socialism, Social Welfare and the Soviet Union*. London: Routledge and Kegan Paul.
46. Goodin R E., Mitchell D. (ed.) (2000). *The Foundations of the Welfare State*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
47. Goodin Robert E. (1985). *Protecting the Vulnerable: a Reanalysis of our Social Responsibilities*. Chicago: University of Chicago Press.
48. Griffin L.J. (1993). Narrative, Event-Structure Analysis and Causal Interpretations in Historical Sociology // *American Journal of Sociology* V. 98, No. 5, 1094-1133.
49. Hall P. A., Taylor, R. C. R. (1996). Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*, 44, 936-57.
50. Hayek F. A. (1979). *Social justice, socialism and democracy: Three Australian lectures*. Turrumurra N.S.W.: Centre for Independent Studies.
51. Hart, H. L. A. (1973). Rawls on Liberty and Its Priority // *University of Chicago Law Review* 40, 534-55; reprinted in *Reading Rawls* (ed. N. Daniels). Blackwell, Oxford, 1975, 230-52.
52. Hill M. (2003). *Understanding Social Policy*. Oxford: Blackwell.
53. Holst C. (2010). Martha's Nussbaum's Outcome-Oriented Theory of Justice. Philosophical comments // Recon Online Working Paper 2010/27, <http://www.reconproject.eu/projectweb/portalproject/RECONWorkingPapers2010.html>
54. Kamat S. (2004). The Privatization of Public Interest: Theorizing NGO Discourse in a Neoliberal Era // *Review of International Political Economy*, Vol. 11, No. 1 (Feb.), 155-76.
55. Keane J. (1999). *Civil Society: Old Images New Visions*. Stanford: Stanford University Press.
56. Kingdon J.W. (1984). *Agendas, Alternatives and Public Policies*. New York: Harpers Collins.
57. Kluegel J. R., Mason D. S., Wegener B. (eds). (1995). *Social justice and political change: public opinion in capitalist and post-communist states*. Berlin: Walter de Gruyter.
58. Knutsen Carl Henrik (2010). Measuring Effective Democracy // *International Political Science Review*, №31 (2), 109-28.
59. Korosteleva E.A., Lawson C.W., Marsh R.J. (eds.) (2003). *Contemporary Belarus. Between Democracy and Dictatorship*. London/NY: Routledge&Curzon.
60. Lastoŭski A. (Lastouski A.). (2011). Russo-Centrism as an Ideological Project of Belarusian Identity // *Belarusian Political Science Review*, No.1, 47-68

61. Leibfried S., Pierson P. (eds.) (1995). *European Social Policy – Between Fragmentation and Integration*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
62. Levitsky S., Way L. A. (2002). The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, Vol.13, No. 2 (April), 51-66.
63. Linz J.J. (2000). *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
64. Marples B. (1999). *Belarus: a Denationalised Nation?* Amsterdam: Hanwood Academics.
65. Matonytė I. (2006). Why the Notion of Social Justice is Quasi-Absent from the Public Discourse in Post-Communist Lithuania // *Journal of Baltic Studies*, Vol. 37, Issue 4, 388-411.
66. Matonytė I., Chulitskaya T. (2013). The Third Sector and Political Communication in Belarus: Highlights on the Topic of Social Policies from the Presidential Campaign 2010 // *Lithuanian Annual Strategic Review*. Vol. 10, Issue 1, 235-263.
67. Merkel W. (2004). Embedded and Defective Democracies // *Democratization*, Vol.11, No.5, (December), 33-58
68. Miller D., Walzer M. (eds.) (1995). *Pluralism, Justice, and Equality*. Oxford: Oxford University Press.
69. Møller J. (2007). Wherefore the Liberal State? Post-Soviet Democratic Blues and Lessons from Fiscal Sociology // *East European Politics and Societies*. Vol. 21, No. 2, 294-315.
70. Møller J., Skaaning S.E. (2010). Beyond the Radial Delusion: Conceptualizing and Measuring Democracy and Non-democracy, *International Political Science Review*, No. 31(3), 261-83.
71. Møller S. O. (1989). *Justice, Gender, and the Family*. New York: Basic Books.
72. Nussbaum M.C. (1990). *Aristotelian Social Democracy* // *Liberalism and the Good* (ed. by Douglass R.B. et al.). New York: Routledge.
73. Nussbaum M. C. (2003) (1). Beyond the Social Contract: Capabilities and Global Justice (Lecture) // *Oxford Development Studies*, Vol. 32, No. 1 (March). <http://philosophy.uchicago.edu/faculty/files/nussbaum/Beyond%20the%20Social%20Contract.pdf>
74. Nussbaum M. C. (2003) (2). Capabilities as Fundamental Entitlements: Sen and Social Justice. *Feminist Economics*, 9(2–3), 2003, 33-59.
75. Nussbaum M. C. (2006). *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, and Species Membership*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University.
76. Oates S. (2012). Post-Soviet Political Communication // *The SAGE handbook of political communication* (ed. By Semetko H.A.Scammell M.). London: SAGE, 461-472.
77. Offe C. (1987). Democracy against the Welfare State? // *Political Theory* 15(4), 501-37.
78. Pal L.A. (et al.). (2010). The Globalized State: Measuring and Monitoring Governance, *European Journal of Cultural Studies*, No. 13(4), 511-30.
79. Pascall G. (et al). (2000). Gender and Social Policy: Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // *Journal of European Social Policy*, 1, Vol. 10, No. 3 (August), 240-66.
80. Pierson Ch., Castles. F. (ed.). (2006). *The Welfare State Reader (Second Edition)*. Cambridge: Polity.

81. Pranevičiūtė-Neliupšienė J., Maksimiuk Z. (2012). Authoritarian bargain in Belarus: system of social benefits as a factor of regime stability // *Politologija* 2012/4 (68), <http://www.vu.lt/leidyba/lt/mokslo-zurnalai/politologija/archyvas/politologija-2012-4-68/item/1142-authoritarian-bargain-in-belarus-the-system-of-social-benefits-as-a-factor-of-regime-stability>
82. Rawls J. (2001). *Justice as Fairness: a Restatement*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
83. Reid, E. J. (1999). Nonprofit advocacy and political participation // *Nonprofits and government* (ed. By Boris E. T., Steuerle C. E.). Washington, DC: Urban Institute, 291-308.
84. Rhodes R. A. W. et al. (eds.). (2006). *The Oxford Handbook of Political Institutions* – London: Oxford University Press.
85. Roy E. (1994). *Narrative Policy Analysis*. London: Duke University Press.
86. Rys V. (2001). Transition countries of central Europe entering the European Union: Some social protection issues // *International Social Security Review* 54 (2–3): 177-189.
87. Salamon, L.M. (2002). *Explaining Nonprofit Advocacy: An Exploratory Analysis*. Center for Civil Society Studies, working paper [series No. 21], Center for Civil Society Studies // http://www.ccss.jhu.edu/pdfs/CCSS_Working_Papers/CCSS_WP21_ExplainingNP_Advocacy_2002.pdf
88. Salamon L. M., Anheier, H. K. (1998). Social origins of civil society: Explaining the nonprofit sector cross-nationally // *Voluntas*, 9(3), 213-60.
89. Salamon L.M., Anheier H.K. (1992). *A Comparative Study of the Non-profit Sector: Purpose, Methodology, Definition and Classification* // *Researching the Voluntary Sector* (ed. By Saxon-Harrod S., Kendall J.). Tonbridge: Charities Aid Foundation, 179-196.
90. Sandel M. (1982). *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press.
91. Schedler A. (2012). The Measurer's Dilemma: Coordination Failures in Cross-National Political Data Collection // *Comparative Political Studies*, No. 45 (2), 237-66.
92. Schmid H.; Bar M.; Nirel R. (2008). Implications for Policy Advocacy Activities in Nonprofit Human Service Organizations // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly* No. 37, 581-602.
93. Seale C. (2011). *Qualitative Data Analysis* // *Qualitative Research: Issues of Theory, Method and Practice* (third edition) (ed. by D.Silverman). London: Sage Publication, 486-514.
94. Sen A. (2009). *The Idea of Justice*. Cambridge, Mass.: Belknap Press/ Harvard University Press.
95. Shapiro I. (1999). *Democratic Justice*. New Haven: Yale University Press.
96. Somers M. R. (1995). Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere // *Sociological Theory*, Vol. 13, No. 3 (Nov), 221-265.
97. Standing G. (1996). Social Protection in Central and Eastern Europe: a Tale of Slipping Anchors and Torn Safety Nets // *Welfare States in Transition* (ed. by Esping-Andersen G.). London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE, 225-255.

98. Stone D. (2012). *Policy Paradox: The Art of Political Decision Making*. New York, NY: W.W.Norton.
99. Sykes R., Palier B., Prior P. (2001). *Globalization and European Welfare States. Challenges and Change*. New York: Palgrave.
100. Taylor Ch. (1994). *The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition* (ed. by Amy Gutmann). Princeton: Princeton University Press.
101. Thiele W., Schwend J., Todenhagen C. (eds.). (2005). *Political Discourse: Different Media - Different Intentions – New Reflections*. Tuebingen: Stauffenburg.
102. Titarenko L. (2007). *Post-soviet National Identity: Belarusian Approaches and Paradoxes // Filosofija. Sociologija*. Vol. 18. No. 4, 79-90.
103. Toens K. (2007). *The dilemma of Regress: Social Justice and Democracy in Recent Critical Theory // European Journal of Political Theory* 6(2), (Apr), 160-79.
104. Trantidis A. (2007). *The Economic Underpinnings of Semi-authoritarianism: Explaining Preferences and Power Relations in the Case of Belarus*. Working paper, EU-consent // Constructing European Network, www.eu-consent.net/library/PhD/Trantidis.pdf
105. Walzer M. (1995). *Spheres of Justice: a Defense of Pluralism and Equality*. Cambridge (USA): Blackwell.
106. Weaver D., McCombs M., Shaw D. L. (2004). *Agenda-Setting Research: Issues, Attributes, and Influences // Handbook of Political Communication Research* (ed. by Lynda L. K.). Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 257-83.
107. Wolff J. (2008). *Social justice in Issues in Political Theory* (ed. C. MacKinnon). Oxford: Oxford University Press.
108. Young D. (2009). *Alternative Models of Government-nonprofit Sector Relations: Theoretical and International Perspectives // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, Vol. 29, No. 1/2000, 149-172.
109. Young I. (1990). *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press.

Официальная информация, отчеты и статистические данные на английском языке:

110. BISS (2010). *Getting Belarus to the Top 30 Countries with the best Business Climate*. Policy Paper, PP#02/2010EN ed. by Pikulik A. (et al)., (March).
111. Chubrik A. et al. (2009). *Social Protection and Social Inclusion in Belarus*. European Commission, Institute for Privatisation and Management. Minsk, Belarus // ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=4346&langId=en
112. Kornis A. (2007). *Statistics in Belarus: Assessment*, World Bank consultant report based on a mission to Belarus. World Bank: Minsk.
113. Olenski J., Tamashevich V. (2007). *National Strategy for the Development of Statistics of the Republic of Belarus*. Warsaw: World Bank.
114. OSCE/ODIHR (2006). *Election Observation Mission Final Report, Belarus Presidential Elections 19 March 2006*. Warsaw, <http://www.osce.org/odihr/elections/belarus/19395>

115. OSCE/ODIHR (2008). Election Observation Mission Final Report, Belarus Parliamentary Elections 28 September 2008. Warsaw, www.osce.org/node/35122
116. OSCE/ODIHR (2010). Election Observation Mission Final Report, Belarus Presidential Elections 19 December 2010. Warsaw, <http://www.osce.org/odihr/elections/75713>
117. World Bank (1998) The Bank's Relations with NGOs: Issues and Directions. Washington D.C.: World Bank.
118. Where is Belarus in International Rankings? // Belarus Digest. 20 April 2010 <http://belarusdigest.com/2010/04/19/where-is-belarus-in-international-rankings>
119. UNECE, Global Assessment of the Statistical System of the Republic of Belarus. <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.61/2009/mtg1/zip.11.e.pdf>

Литература на литовском языке:

120. Matonytė I., Chulitskaya T. (2012). Trečiasis sektorius ir politinė komunikacija Baltarusijoje. 2010 m. prezidento rinkimų kampanijos atspindžiai socialinės politikos tematikoje // Lietuvos strateginė metinė apžvalga, Lietuvos Karo Akademija, 10 tomas, 219-246.
121. Pranevičiūtė J. (2006). Baltarusija – neįvykęs fenomenas: visuomenės mobilizacijos perspektyvos // Lietuvos strateginė metinė apžvalga, Lietuvos Karo Akademija, 135-158.

Литература на русском языке:

122. Алексеева Т.А. (2001). Справедливость как политическая концепция. Очерк современных западных дискуссий. Москва: МОНФ.
123. Баранов А.Н. и др. (2004). Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. Москва: Фонд ИНДЕМ.
124. Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум.
125. Белановский С.А. (2001). Глубокое интервью. Москва: Никколо-Медиа.
126. Бондарь Н.Н., Терлиженко А.И. (2005). Социальная политика в Республике Беларусь: учебное пособие. Минск: БГЭУ.
127. Веселовский С.Я. (ред.). (2008). Глобализация и социальная политика развитых стран: сборник обзоров. Москва: ИНИОН РАН.
128. Гал С., Клигмен Г. (2003). Формы государства, формы семьи // Журнал исследований социальной политики, Т.1 №3-4, 341-70.
129. Голубев С.Г. и др. (2008). Реформирование системы социальной защиты Республики Беларусь в контексте зарубежного опыта // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика (ред. О.В. Пролесковский, Г.В.Осипов). Минск: ИАЦ, 272-279.
130. Григорьев А.Д. (2000). Социальная работа на Беларуси: история, опыт, перспективы. Минск: Дизайн ПРО.
131. Йоргенсен В., Филипс Л.Дж. (2008). Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр.
132. Канарш Г.Ю. (2011). Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета.

133. Князев С.Н. и др. (2007). Основы идеологии белорусского государства: История и теория: учебное пособие. Минск: ИВЦ Минфина.
134. Козн Д.Л., Арато Э. (2003). Гражданское общество и политическая теория. Москва: «Весь мир».
135. Кулик С.П. (ред.). (2010). Методическое пособие по изучению государственных документов по социально-экономическому развитию Республики Беларусь. Витебск: ВГМУ.
136. Лапина С.В. и др. (2008). Основы социального государства: пособие. Минск: Белорусский государственный педагогический университет.
137. Морова А.П. (1998). Инвестиции в человеческий капитал и социальную инфраструктуру // Беларусь: государство, управление, человек. Национальный отчет о человеческом развитии. Минск, Раздел 4.2., 67-72.
138. Морова А.П. (2010) (1). Переход к новой модели социальной политики в Республике Беларусь: итоги и перспективы // Проблемы управления, №4 (37), 35-42.
139. Морова А.П. (2010) (2). Социальная политика в Республике Беларусь: правовые аспекты // Проблемы управления №3 (36), 43-48.
140. Морова А.П. (2010) (3). Социальная составляющая качества экономического роста: теоретико-методологическая трактовка // Проблемы управления № 1 (34), 18-23.
141. Мясникович М.В. и др. (2006). Современная Беларусь. Энциклопедический справочник. Том 1. Минск: Белорусская наука.
142. Нозик Р. (2008). Анархия, государство и утопия. Москва: ИРИСЭН.
143. Нуссбаум М. (2011). Новый стандарт справедливости // Русский журнал, <http://russ.ru/pole/Novyj-standart-spravedlivosti>
144. Полоник С.С., Удовенко И.М., Боровик Л.С. (ред.). (2005). Социальная политика Беларуси в начале XXI века: сб. науч. тр. Минск: НИЭИ.
145. Ровдо В. (2008). Сравнительная политология в 3-х частях ч. 2. Политические системы отдельных государств. Вильнюс: ЕГУ; М. ООО «Вариант».
146. Ролз Д. (1995). Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета.
147. Романов П.В. (2003). Социальные изменения и социальная политика // Журнал исследований социальной политики, 1 (1), 45-67.
148. Рубинов А.Н. и др. (ред.). (2006). Государство для народа: документы и материалы третьего Всебелорусского народного собрания, 2-3 марта 2006 г. Минск: Беларусь.
149. Садмэн С., Брэдберн Н. (2005). Как правильно задавать вопросы. Введение в проектирование массовых обследований. Москва: Ин-т фонда «Общественное мнение».
150. Салменниemi С. (2009). Теория гражданского общества и постсоциализм // Журнал исследований социальной политики. Том 7, № 4, 439-464.
151. Сен А. (2004). Развитие как свобода. Москва: Новое издательство.
152. Силицкий В., Гайдук К., Ракова Е. (ред.). (2009). Социальные контракты в современной Беларуси. Санкт-Петербург: Невский простор.
153. Система идеологической работы в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития, сб. материалов в 2-х частях (2010). Ч. 2. / ИАЦ Администрации Президента Республики Беларусь; редкол.: Петкевич

- Н.В., Янчевский В.В., Гусев А.В., Криштапович Л.Е. – Минск: «Белорусский Дом печати».
154. Скуратович К. (2012). Статистическая аберрация // Наше мнение, 10.09.2012 <http://nmnby.eu/news/analytics/4937.html>
155. Солодовников С.Ю. и др. (авт.), Никитенко П.Г. (ред.). (2008). Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка. Минск: Белорусская наука.
156. Степанов А. (2010). Политика Чернобыля в Беларуси в 1986-2008 годах: формирование и проявления дискурс-коалиций. Докторская диссертация
157. Сэндэл М. (1998). Либерализм и пределы справедливости // Современный либерализм. Москва: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция.
158. Тичер С., Водак Р. (2009). Методы анализа текста и дискурса. Харьков: издательство «Гуманитарный центр».
159. Тэйлор Ч. (1998). Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм. Москва: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция.
160. Ухванова-Шмыгова И.Ф., Савич Е.В. (ред.). (2009). Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Сборник научных трудов. Минск: Издательский центр БГУ.
161. Фуко М. (2004). Археология знания. Санкт-Петербург: Наука.
162. Фуко М. (2006). Дискурс и истина: [стенограмма лекций: перевод с английского]. Минск: Пропилеи.
163. Фурс В. (2005). Социальная философия в непопулярном изложении. Минск: Пропилеи.
164. Хёффе О. (1994). Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. Москва: Гнозис.
165. Ховард М. (2009). Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. Москва: Аспект Пресс.
166. Чаусов Ю. (2012). Неправительственные организации в изгнании: белорусский феномен // Наше мнение, 18.01.2012 <http://nmnby.eu/news/analytics/4196.html>
167. Чернов В. (2007). Третий сектор в Беларуси: эволюция, настоящее положение и перспективы развития // Wider Europe Review, Vol. 4, No. 14. <http://review.w-europe.org/14/2.html>
168. Чернов В. (2008). Какой в Беларуси корпоративизм? // Наше мнение. 08.02.2008. <http://www.nmnby.org/pub/0802/08j.html>
169. Чулицкая Т. (2012). Статистика, социально-экономические и политические рейтинги Беларуси на фоне Литвы: рядом, но не вместе // Перекрестки, №3-4/2012 Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 257-277.
170. Шевель С.А. (2008). Оптимизация льготирования как механизм социальной политики (теоретико-методологические аспекты). // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика. ИАЦ, Институт социально-политических исследований РАН. Минск: ИАЦ, 241-271.
171. Шмиттер Ф. (1997). Неокорпоративизм // Полис, №2, 14-22.
172. Штейнберг И. (2009). Качественные методы. Полевые социологические исследования. Санкт-Петербург: Алетейя.

173. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (2005). Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в процессе либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики, том 3 № 4, 497-522.

Официальная информация, отчеты и статистические данные на русском языке:

174. Автушко-Сикорский А. (2012). Политико-деловой цикл в Беларуси, или Политическая экономия доверия президенту. Аналитическая записка, BISS // http://belinstitute.eu/images/doc-pdf/sa_04_2012_ru.pdf
175. Ассамблея неправительственных демократических организаций Беларуси, Центр исследований Восточной Европы (2011). Аналитическая записка по результатам национального социологического опроса «Общественные объединения: их роль в современном белорусском обществе» // <http://www.actngo.info/by/node/1354841>
176. Белорусская организация трудящихся женщин, «Республиканская ассоциация инвалидов-колясочников (2009). Доклад «Права человека в социальной сфере: социальная действительность, социальные контракты, влияние целевых групп на продвижение общественных интересов» // <http://www.lawtrend.org/ru/content/about/centr3/>
177. Белстат (2009): Статистические публикации, <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi1.php>
178. BISS, Белорусский фонд публичной политики (2009). Белорусский ежегодник 2008. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2008 г. Под ред. Костюгова В., Паньковский А. Минск: BISS.
179. BISS, «Наше мнение» (2010). Белорусский ежегодник 2009. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2009 г. Под ред. Костюгова В., Паньковский А. Минск: BISS
180. BISS, «Наше мнение» (2011). Белорусский ежегодник 2010. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2010 г. Под ред. Костюгова В., Паньковский А. Минск: BISS.
181. BISS (2012). Политический медиабарометр BISS (июль-сентябрь) под ред. Пикулик А., Артеменко Е., Автушко-Сикорский А., <http://www.belinstitute.eu/ru/node/467>
182. Всемирный Банк (2004). Беларусь: Оценка бедности. Можно ли сохранить тенденцию к сокращению бедности и доступность услуг? Доклад. Минск: Всемирный банк.
183. Всемирный Банк (2011). Реформирование бюджетно-налоговой сферы в целях восстановления устойчивого экономического роста. Обзор государственных расходов в Республике Беларусь. Минск: Всемирный Банк.
184. Всемирный Банк (2012). Экономическая трансформация для роста. Страновой экономической меморандум. Вашингтон: Всемирный банк.
185. Ефимова Н. (2010) Экономический кризис 2009 в зеркале общественного мнения // BISS, «Наше мнение». Белорусский ежегодник 2009. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике

- Беларусь в 2009 г. Под ред. Костюгова В., Паньковский А. Минск: BISS, 239 – 248.
186. Зиновский В.И. (ред). (2012). Статистический ежегодник Республики Беларусь (2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011): статист. сб./ Минстат Республики Беларусь. Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр».
 187. Информационно-аналитический центр при Администрации президента Республики Беларусь (2008). Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди. Минск: «Белорусский дом печати».
 188. Информационно-аналитический центр при Администрации президента Республики Беларусь (2009). Беларусь в зеркале социологии. Минск: «Белорусский дом печати».
 189. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. (2009). Доклад «90 лет системе труда и социальной защиты Республики Беларусь: время, миссия, люди». Минтруда: Минск.
 190. НИСЭПИ (2006) (1). Национальный опрос (февраль), http://iiseps.org/getfile.php?bul_id=42
 191. НИСЭПИ (2006) (2). Национальный опрос 2-12 июня, <http://iiseps.org/old/data06-02-611.html>
 192. НИСЭПИ (2008) (1). Бюллетень "Новости НИСЭПИ" № 4(50) <http://iiseps.org/old/bullet08-4.html>
 193. НИСЭПИ (2008) (2). Национальный опрос 3-13 марта, <http://iiseps.org/old/data08-013.html>
 194. НИСЭПИ (2009). Национальный опрос 2-12 декабря, <http://iiseps.org/old/data09-04121.html>
 195. НИСЭПИ (2010). Бюллетень "Новости НИСЭПИ" №4(58), <http://iiseps.org/old/bullet10-4.html>
 196. НИСЭПИ (2011). Национальный опрос 2-12 марта, <http://iiseps.org/old/data11-13.html>
 197. НИСЭПИ (2013). Какая власть нужна Беларуси? Аналитическая записка (март), <http://www.iiseps.org/analitica/541>
 198. ПРООН (2010). Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека // <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2010/chapters/ru/>
 199. Чубрик А. (2008). Социально экономическая ситуация в Беларуси накануне 2009 г.: первые последствия мирового экономического кризиса и возможная реакция на них. Исследовательский центр ИМП, дискуссионный материал DP/08/02, <http://www.research.by/publications/dp/dp0802/>
 200. Чубрик А., Шиманович Г. (2010). Социальные последствия экономического кризиса в Беларуси и направления изменений социальной политики, Исследовательский центр ИПМ, рабочий материал WP/10/01, <http://www.research.by/publications/wp/1001/>
 201. Шиманович Г. (2010). Социальная политика государства: эффективность, каналы влияния на бедность и перспективы развития. Исследовательский центр ИПМ, рабочий материал WP/10/08, Минск, <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2010r08.pdf>

202. Шиманович Г., Скриба А. (2011). Рынок труда в Беларуси: основные вызовы. В Силицкий В. (ред.). Беларусь: вызовы социально-экономического развития, BISS, Минск.
203. Щеткина М. (2010). Рекомендации по расширению спектра социальных услуг населению в системе социального обслуживания с привлечением общественных организаций. Минск: Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь.
204. Щеткина М.А. и др. (авторы-составители). (2009). Социальный заказ как инструмент социальной политики: обзор зарубежного опыта / Минск: Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, Программа развития ООН.
205. Щеткина М. (2010). Министерство труда и социальной защиты: итоги работы системы Министерства труда и социальной защиты в 2009 г. и задачи на 2010 г. (текст выступления) // Охрана труда и социальная защита, № 3, 187-188.

Литература на белорусском языке:

206. Віданава І. (2011). Публічная палітыка ва ўмовах Беларусі: межы магчымага // Arche, on-line версія 16.07.2011. <http://www.arche.by/by/page/ideas/6035>
207. Віданава І. і інш. (2012). Прадстаўніцтва грамадскіх інтарэсаў: Дапаможнік у дзеянні. Warsaw: Stefan Batory Foundation.
208. Гансэн І. (2006). Прастора беларускага палітычнага дыскурсу і яго візуальныя і пэрфарматыўныя элементы. У: Геапалітычнае месца Беларусі ў Эўропе і сьвеце. Пад рэд. В.Булгакава. Варшава, 121-133.
209. Казакевіч А. (2004). Беларуская сістэма: марфалогія, фізіялогія, генеалогія // Архэ № 4, <http://arche.bymedia.net/2004-4/kazakievic404.htm>
210. Казакевіч А. (2010). Канцэпцыі (ідэі) беларускай нацыі ў перыяд незалежнасці, 1990-2009 // Палітычная сфера, №14, 21-40.
211. Роўда У. (2011). Палітычная сістэма Рэспублікі Беларусь. Вільня: ЕГУ.

Официальная информация, отчеты и статистические данные на белорусском языке:

212. Казакевіч А., Ластоўскі А., Мельянцоў Д., Нядзвецкі М., Чыжова Т., Шамякін А. (2011). Прамаўляючы лібералізацыю. Публічныя прамовы і курс беларускай палітыкі ў 2008-2010 гг. Інстытут «Палітычная сфера». <http://palityka.org/dasledavanni/liberalizacyja/> ВРРФ #3/2011ВУ (Снежаны).
213. НІСЭПД (2011). Хто запоўніць рэйтынгавы вакуум? Аналітычная папера // <http://www.iiseps.org/09-11-02.html>